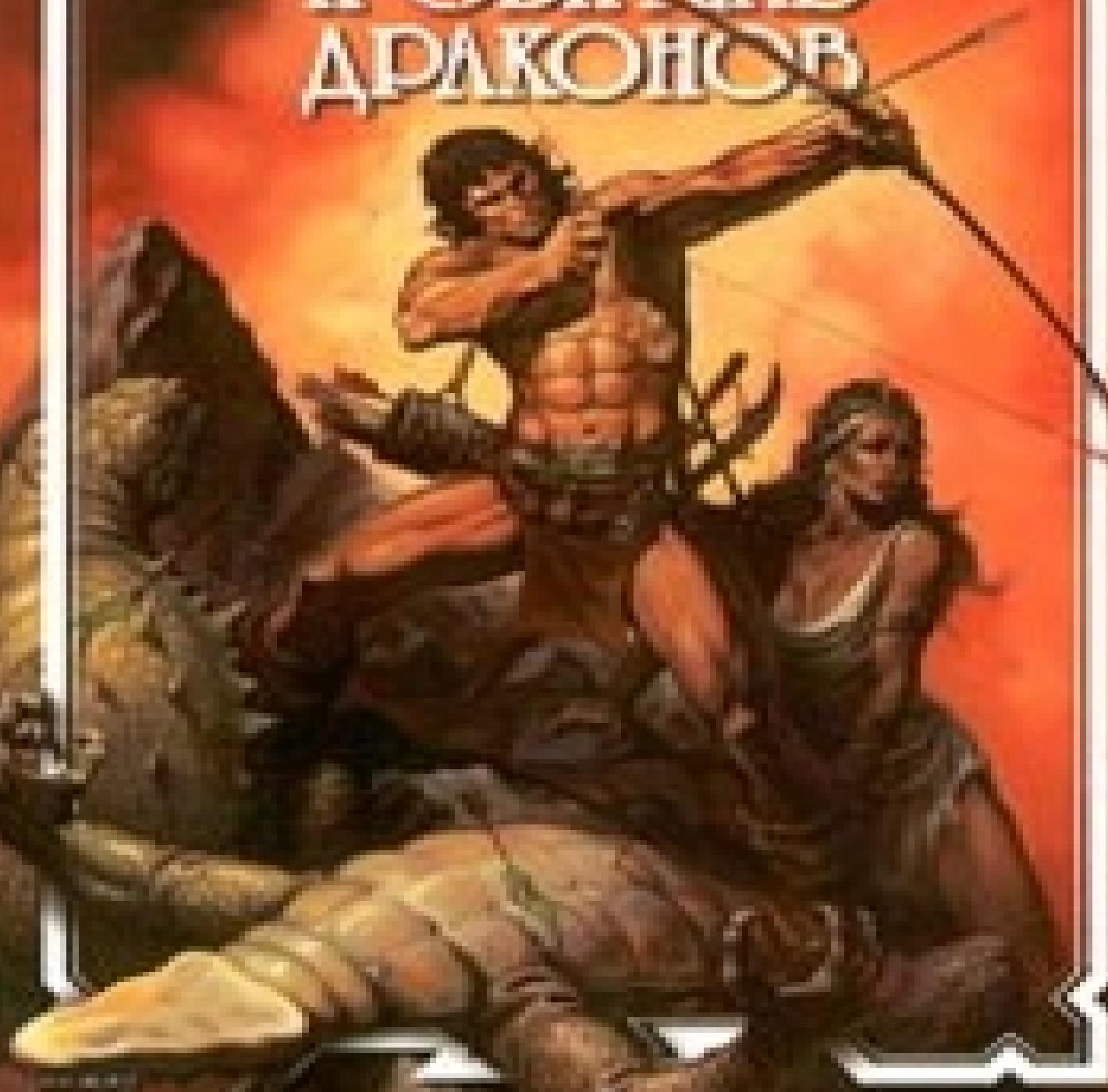

КОНАН И ОВИГТЕЛЬ ДРАКОНИСВ

Annotation

Видеть, как сражается киммериец, означало приобщиться к некоей древней, могучей Силе, припасть к самым истокам Бытия, неразрывно связанного с Разрушением... Меч в его руках летал, точно стрижиное крыло — невидимый, лишь свистом обозначая свое смертоносное присутствие; он разил, рассекал, колол и рубил, одновременно отражая атаки троих негодяев... но даже навалившись толпой, они ничего не могли противопоставить звериной мощи, бешенству и ловкости варвара.

Вторая повесть цикла «Наёмники Короны», повествующая о приключениях Конана и его спутников...

- [Норман Хьюз, Натали О'Найт](#)

- [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Эпилог](#)
-

Норман Хьюз, Натали О'Найт
Обитель драконов

Глава I

Великая вещь, этот маленький гирканский лук!..

Первая стрела ушла точно в цель — вонзилась в горло сухопарому бородачу в косматой безрукавке, который как раз занес меч над караванщиком. Испуганный торговец едва успел юркнуть под повозку, как труп разбойника рухнул перед ним, сбрызнув кровью дорожную пыль. Вторая стрела сорвалась «в молоко» — проклятая кобыла не вовремя затанцевала под всадницей, и рука дрогнула. Зато третий и четвертый выстрелы сделали бы честь нумалийской школе лучников еще двое грабителей повалились в грязь, стеная и сыпля проклятиями, и опомнившиеся караванные стражи подоспели как раз вовремя, чтобы перерезать обоим глотки.

Теперь бой шел на равных: десять на десять. Мечи сшибались в россыпях синих искр, лязг стали мешался с воплями раненых и ржанием испуганных лошадей.

...А, струсил, проклятый ублюдок?! Безжалостной рукой Палома послала пятую стрелу в спину спасавшегося бегством разбойника. В гущу схватки стрелять она опасалась — могла случайно задеть кого-то из своих; однако, выбрав момент, сумела подранить еще двух противников. Караванщики успешно довершили начатое.

Как и следовало ожидать, эпицентром боя оставалась могучая фигура ее спутника, первым поспевшего на помощь торговцам. Не для него — бой на расстоянии, луки и арбалеты... Нет, киммерийцу подавай схватку лицом к лицу, чтобы видеть глаза противника, чуять его ужас перед неминуемой гибелью, вдыхать запах свежепролитой крови, слышать, как с хрустом входит клинок в незащищенную плоть, рассекая сухожилия и ломая кости... Варвар был в своей стихии!

Теперь, когда исход сражения не вызывал сомнений, Палома наслаждалась, наблюдая за ним. В Бельверусе и Тарантии не увидишь такой манеры боя — дикой, отчаянной пляски Смерти, клокочущей и яростной, как вырвавшийся на свободу поток. Цивилизация возвела игру мечей в ранг искусства, одновременно выхолостив из нее жизнь, иссушив и оторвав от корней. Наблюдать за поединком двух вельмож было все равно что смотреть на бальный танец, весь из церемонных поклонов, разворотов и кукольных шажков. Видеть, как сражается киммериец, означало приобщиться к некоей древней, могучей Силе, припасть к самым истокам Бытия, неразрывно связанного с Разрушением...

Меч в его руках летал, точно стрижиное крыло — невидимый, лишь свистом обозначая свое смертоносное присутствие; он разил, рассекал, колол и рубил, одновременно отражая атаки троих негодяев... но даже навалившись толпой, они ничего не могли противопоставить звериной мощи, бешенству и ловкости варвара. Казалось, он забавляется поединком: зубы щерились в оскале-усмешке, с уст срывался хриплый хохот... И когда последний нападавший рухнул к ногам победителя, тот едва ли не с сожалением бросил меч в ножны, алчущим взором оглядываясь по сторонам — не осталось ли еще врагов?

Не желая оставлять за своим спутником последнее слово, наемница, изловчившись, послала стрелу в грудь разбойнику, одолевавшему молоденького светловолосого купца — надо же помочь парню! Остальные торговцы и четверо их стражей были людьми многоопытными, с оружием знакомыми не понаслышке, и сумели совладать со своими противниками самостоятельно.

На дороге осталось лежать без малого два десятка трупов — караванщики и грабители

вперемешку. Дорожная грязь стала липкой и бурой от крови. Лошади, храпя, жались к обочине, увлекая за собой повозки и путая постройки. Долгое время слышалось лишь тяжелое дыхание оборонявшихся; кто-то бесконечно, не смолкая, сыпал ругательствами, монотонно, вполголоса, словно читая молитву.

Несспешным шагом, ведя в поводу двух запасных лошадей, Палома подъехала к каравану.

— Как ты?

Ее спутник пожал широченными плечами.

— Едва размяться успел... Хилый нынче разбойник пошел! Никакого удовольствия... —

Он зло оскалился, озирая мертвцев, над которыми уже начали свой зудящий танец мошки и мухи.

Пронзительно свистнув, он подозвал своего жеребца, провел ладонью по взмокшей шкуре.

— Досталось тебе, бедняга...

Действительно. Те пол-лиги, что отделяли путников от каравана, подвергшегося нападению «лесных братьев», скакун киммерийца пролетел, как птица, безжалостно понукаемый жаждущим схватки всадником, и бока его до сих пор ходили ходуном, а с мягких губ падали хлопья пены. Паломе никогда прежде не доводилось видеть такой скачки. Но, хвала богам, Конан подоспел вовремя — и принял основную тяжесть боя на себя.

Торговцы, похоже, также осознали это. Старший в пояс поклонился северянину.

— Благодарим тебя, отважный воин. Честь и слава вам обоим — отрадно видеть, что на свете еще остались люди, готовые прийти на помощь ближнему! Если бы не вы — не знаю, что и стало бы с нами!

— Чего тут знать... — Конан хмуро покосился на трупы караванщиков, зарубленных разбойниками — именно их отчаянные крики, слышные издалека, заставили Палому и ее спутника броситься на подмогу купцам.

Старший вновь согнулся в поклоне.

— Не угодно ли благородным господам отдохнуть у огня, пока мы предадим земле наших товарищей... Почтем за честь, если вы разделите наше скромное угощение — а потом мы сможем поговорить.

Двою купцов отвели повозки и лошадей в сторону от дороги, чтобы не оставаться рядом с мертвцевами, и принялись раскладывать костер. Остальные же начали оттаскивать погибших на обочину. Разбойников так и бросили там — во устрашение их собратьям, а своих людей похоронили в неглубоком овражке. Охранники каравана, заметила Палома, не погнувшись обшарить и тех, и других; купцы благоразумно закрыли на это глаза.

Наконец, умывшись в ручье, все собрались у костра. Из седельных сумок были извлечены припасы, кувшины призываю забулькали вином.

Четверо охранников и пятеро купцов — от небольшого каравана уцелело чуть больше половины...

Однако таковы превратности торговых путей. Погибших помянули, воскурив в их память ветки можжевельника и окропили огонь вином и маслом, — и предали забвению. Через седмицу-другую истощно заголосит, получив дурные вести, чья-то мать или жена, заревут осиротевшие дети... но те, кто уцелели, ныне праздновали победу над Смертью, стараясь не думать, что могли бы сейчас и сами покоиться в земле, скованные ее ледянной тяжестью. Они были живы — и это все, что имело значение!

Старший караванщик, туранец по имени Тамгай, оказался щедрым и гостеприимным

хозяином, и угощение своим спасителям выставил на славу. Вино было явно из тех припасов, что он вез на продажу богачам — либо на подкуп чиновников в Бельверусе... а эти пиявки уж в винах-то разбирались неплохо! Палома смаковала каждый глоток.

На ее спутнике, впрочем, купец вполне мог бы и сэкономить, усмехнулась она про себя, наблюдая, как киммериец опрокидывает в бездонную глотку кружку за кружкой, даже не замечая, что за нектар он пьет.

— А славная была драка! — утирая рот ладонью, обратился он к наемнице. — Ты ведь меня еще ни разу в деле не видела... Как я справился, а?

Несмотря на весь свой суровый вид и воинственность, в душе он оставался мальчишкой, которому не терпелось похвалиться удачным боем. Палома насмешливо скривилась.

— Да как мясник топором — чем там любоваться?!

Он ничуть не обиделся, напротив, словно этого и ждал. Расхохотался, запрокидывая гравастую голову.

— Кто бы говорил! Трусливая девчонка, которая и близко-то подойти побоялась! Только и знала, что мазать из лука. Хотя бы раз попала, а, скажи?

Караванщики с широко раскрытыми глазами внимали этой перепалке: повидав обоих бойцов в деле, они, должно быть, опасались, как бы те, не ровен час, не набросились друг на друга. Решив попугать их еще немного, Палома потянулась за кинжалом.

— Спорим, попаду по мишени ловчее тебя!

В глазах киммерийца сверкнул — и тут же пропал — огонек. Он вспомнил, как уже имел несчастье принять подобный вызов два дня назад на постоялом дворе. Повторять не хотелось.

— То-то же. — Наемница назидательно подняла палец. — Мечом махать — это для таких безголовых варваров, как ты. Те, у кого мозги работают вперед кулаков, умеют выигрывать бой на расстоянии.

— Господа, господа, прошу вас! — всполошился туранец. — Это был славный бой, и вы оба в нем отличились. Мы все обязаны вам жизнью!.. Не угодно ли сказать, какую награду вы желаете за сей беспримерный подвиг?

Хитрый лис точно знал, как предотвратить кровопролитие! Хотя ему и невдомек было, что подобные перебранки для Конана с Паломой были просто способом провести время. Однако сработало: киммериец тут же забыл о споре.

— Награду, говоришь? Караванщик торопливо закивал.

— Сочтете ли вы сумму в сто немедийских золотых достаточной?

— Сто золотых?

— На каждого, на каждого, разумеется! Конан широко ухмыльнулся и кивнул в сторону своей спутницы:

— Ей, пожалуй, хватит и пятидесяти!

Не удержавшись, Палома прыснула в кулак. Нет, ну каков, а!.. Вслед за ней облегченно засмеялись и остальные купцы. Охранники, до сих пор насупленно молчавшие — опасаясь, должно быть, законных обвинений в трусости, ибо позорно спасовали перед «лесными братьями», — тоже присоединились ко всеобщему веселью.

Ночь завершилась пьяно и весело: Орали песни, покуда не распугали все зверье на пять лиг в окружности. Шатры для ночлега пытались возвести трижды, всей толпой, и всякий раз кто-то перетягивал веревку в свою сторону, или колышки вырывались из земли, криво вбитые нетвердой рукой... так что под конец, плонув на все, путники улеглись под

открытым небом, завернувшись в походные одеяла — благо ночь была ясная и теплая.

Уже проваливаясь в сон, Палома подумала, что забыла спросить киммерийца — обратил ли тот внимание, как странно поглядывал на них младший из купцов, светловолосый паренек лет восемнадцати, в простом черном одеянии... единственный, кто за весь вечер не проронил ни слова. Они даже не узнали, как его зовут. Взгляд у парня был странный — оценивающий и молящий одновременно, — словно ему очень хотелось попросить о чем-то новых знакомых, но он никак не мог решиться.

Ладно, сказала она себе, завтра утром все разъяснится.

Подождем до утра...

* * *

На рассвете, когда наемница открыла глаза, бодрствовал лишь единственный охранник, коринфиец, которому по жребию выпала утренняя стража.

— Поспи чуток, если хочешь, — добродушно бросила ему Палома, видя, как слипаются покрасневшие от давешних возлияний глаза парня. — Остальные, держу пари, продрыхнут до полудня — а я пока посижу, подежурю...

Тот с благодарностью кивнул, не тряся лишних слов, и завернулся в одеяло. Вскоре в стройный хор хранивших влился еще один мощный бас.

Девушка хрустко потянулась, всей кожей впитывая прохладный утренний воздух, золотисто-розовый в рассветных лучах, пробивающихся сквозь полог листвы, и влажный от росы. Та-ак... Что может быть приятнее после ночной попойки, чем окунуться в ледяной ручей и погонять себя, упражняясь до седьмого пота — ну, будет, пожалуй, на сегодня!.. Если честно, то приятнее такого времяпрепровождения может быть очень многое — хотя бы высаться досыта... вон, как Конан дрыхнет, и ничего его не берет, медведя киммерийского. Проснется свежий, как младенчик, готовый и к подвигам, и к новым пирушкам! Но последовать его примеру для Паломы означало бы преступную снисходительность к самой себе, а этого она никак не могла позволить. Больше того, ей словно хотелось наказать себя за что-то...

За что? В чем она была виновата?

Донесшийся из-за спины шорох помешал дальнейшему самокопанию — и слава Митре! Наемница резко обернулась, вскидывая в руке нож.

— Никогда так не подкрадывайся к людям, если хочешь дожить до старости!

Паренек смущенно покраснел — даже макушка зарделась под жидкими светлыми волосами, а веснушки простили ярко-белыми пятнышками...

— Я... прошу простить меня, медина, я не хотел вас напугать...

— Ты меня не напугал. — Про себя девушка отметила это старомодное обращение — медина — сохранившееся ныне лишь в придворном лэйо. Похоже, она заблуждалась на его счет, и мальчик вовсе не купец. Тогда что он делает с караваном? Она выжидательно уперлась взглядом в парня, предоставляя ему инициативу в разговоре. Хотя... похоже, она догадывалась, о чем он собирается просить ее.

Он растерянно похлопал белесыми ресницами, шевеля губами, словно собирая рассыпавшиеся слова — и наконец выпалил:

— А скажите, медина, вы действительно направляетесь в Бельверус?

Конан вчера сказал об этом торговцам. Те тоже ехали туда — на ежегодную ярмарку, с грузом турецких благовоний, шелков и вендинского серебра; однако на предложение сопровождать караван киммериец ответил вежливым отказом. Увы, месьоры, мы слишком спешим, хотя, нет слов, плата щедрая, и мы были бы рады усугубить почтенному Таргаю... Соблазн был велик, но тут он наткнулся на угрожающий взгляд Паломы и покачал головой решительно, хотя и не без сожаления. Нет, честное слово, ничего не получится. Может, в другой раз, если судьба еще столкнет нас на торговых путях...

Турец принял отказ достойно, да, похоже, не слишком и надеялся на согласие. К тому же, по счастью, до немедийской границы оставалось не больше дня пути, а там дорога куда безопаснее.

Палома внимательно посмотрела на мальчишку. Лет семнадцать, не больше. Одежда простая, поношенная, никаких украшений. Судя по всему, отпрыск благородного, но обедневшего рода, решивший попытать счастья в столице... Она пожала плечами.

— Да, мы едем в Бельверус. У тебя там родственники?

Он уже открыл рот для ответа — но неожиданно, словно опомнившись, закаменел лицом, вздернув длинный нос, отчего сразу стал похож на нахохлившуюся белую птицу.

— Это мое дело, медина. Я просто хотел просить вас об одолжении... Однако если непременным условием этого является моя откровенность — увы, но мне остается лишь просить прощения, что отнял у вас время...

О, Митра! Его счастье, что он выбрал для разговора именно ее, а не Конана. Тот на подобную витиеватость речи, скорее всего, ответил бы доброй оплеухой — и был бы совершенно прав!.. Пряча улыбку, Палома отозвалась:

— Твоя откровенность никого не интересует, я просто пыталась быть вежливой. Остальное — твоя забота. Но если ты хочешь ехать с нами — это будет не бесплатно. Ведь тебе нужны охранники, а не друзья, я правильно понимаю? А услуги такого рода положено оплачивать!

Так. Может, хоть это утешит киммерийца...

Юнец выпятил подбородок с видом глубочайшего презрения к этой продажной породе — наемникам. И снисходительно уронил:

— Разумеется, я и не предполагал иного. Пусть медина назовет цену. Или об этом мне лучше поговорить с твоим спутником?

Ага — он уже стал обращаться к ней на «ты»! Маленький спесивый щенок... Палома не знала, чего ей хочется больше — расхохотаться или отшлепать его. Пожалуй, в наказание, его и впрямь стоило бы отправить торговаться с Конаном — уж северянин содрал бы с бедняги, три шкуры. Но сопляка было жалко. Кого-то он ей безудержно напоминал, кого-то из далекой, далекой юности...

— Двадцати золотых будет достаточно. — Боги, Конан ее убьет!.. — И мы отправляемся в путь сразу после завтрака. Так что иди, собирай вещи.

— Мне нечего собирать, в этот раз я путешествую налегке... — Парень отчаянно пытался произвести на нее впечатление; а на самом деле, наверное, нищ, как болотный отшельник — ведь даже и слуги-то при нем нет!

— Ладно, тогда пойдем будить моего спутника. Сообщим ему приятные вести...

Судя по тому, как мальчишка раздулся от гордости, — иронии в словах Паломы он не уловил.

— И на кой, скажи на милость, он тебе понадобился? — Поутру киммериец являл собой образчик дурного настроения, и известие о том, что у них появился новый спутник, воспринял без восторга. — Нянчиться с ним еще... Он и меч-то в руках держать не может!

Поразительно! Палома была уверена, что в пылу боя Конан не видел ничего вокруг себя — но наблюдательности варвара мог бы позавидовать самый опытный соглядатай Вертрауэна. Впрочем, наемница давно уже убедилась, что ее спутник далеко не так прост, как желает казаться, и каждый новый день лишь укреплял девушку в этом мнении, усиливая ее восхищение сыном далекой Киммерии.

— Не злись! — Она успокаивающе потрепала его по руке. — До Бельверуса пять дней пути, конь у парня добрый... Не так уж он нас и обременит.

— Но зачем? Ты можешь мне объяснить? Палома передернула плечами.

— Отнесем на женский каприз. Устроит? — Но северянин упрямо потряс головой, и ей пришлось со вздохом пояснить: — Интуиция. Слышал такое слово?

Явно слышал — потому что насупился еще больше.

— Моя интуиция подсказывает, что ничего, кроме неприятностей, мы от этого не получим. Наглый, высокомерный паршивец! Представь, он полдня раздумывал, когда я спросил, как его зовут — удостоить меня ответом или нет.

— И что же?

— Месьор Теренций — извольте любить и жаловать... Ненавижу этих книжников!

— Книжников?

— А кем еще может быть парень из благородных, если драться не обучен, а выражается так, словно явился ко двору короля Нимеда? И пальцы у него в чернилах...

Надо же! А она и не заметила. Ай да киммериец, ай да варвар!

— Ладно. Я уже взяла у него деньги. Пойдем лучше простимся с Таргаем.

Они отыскали купца среди повозок — тот проверял, не слишком ли пострадал товар во время вчерашнего налета разбойников, и прикрикивал на охранников, чтобы как следует натянули сверху рогожу... в некоторых графствах Немедии до сих пор действовал закон, по которому любой предмет, упавший на дорогу, считался собственностью местного владыки.

Туранец тепло простился со своими спасителями.

— Жаль, конечно, что вы не можете сопровождать нас до Бельверуса. Однако, если будет на то милость Эрлика, надеюсь увидеть вас на ярмарке. Конан — ты непременно должен свести меня в тот дом утех, о котором говорил накануне! Так что... доброй вам дороги, друзья, и — до скорой встречи.

— Доброго пути и тебе. Пусть будут боги благосклонны и позволят довезти товары в целости и самим добраться в добром здравии...

— Они уже явили свою благосклонность, послав мне вчера вас, друзья! И хотя вы лишаете меня одного из спутников — надеюсь, это будет последняя потеря!

Паломе хотелось порасспросить караванщика, что тот знает о Теренций — но мальчишка, как назло, маячил за спиной, и от этого пришлось отказаться... Пора было трогаться в путь!

Даже вино, которым их снабдил признательный караванщик, не смягчило дурного настроения Конана. Едва они выехали на тракт, он погнал коня во весь опор — словно стараясь оставить позади обоих своих спутников. Паломе без всякого труда удавалось держаться рядом, но Теренций, она была уверена, должен безнадежно отстать.

Каково же было ее изумление, когда, оглянувшись, сквозь густую завесу волос, упавшую на глаза, она увидела паренька, упрямо скакавшего вслед за ними. Лицо его, и без того бледное, было мелово-белым, по прокущенной нижней губе текла струйка крови, пальцы вцепились в лук седла, точно когти — но он не отступал.

Палома, выросшая среди лошадей, искренне не понимала, как для кого-то езда верхом может быть проблемой — но упорство Теренция вызывало уважение. Именно потому она не стала просить Конана сбавить темп. Пусть мальчишка гордится собой!

Она не знала, что заставляет ее потакать этому избалованному, самолюбивому дворянчику, который на них с киммерийцем смотрел свысока — если подобное применимо к гиганту-северянину! — цедил слова сквозь зубы и всячески подчеркивал свое несуществующее превосходство. Но какую-то струнку он задел в душе Паломы, глубоко спрятанную, и оттого еще более трепетную. Когда она смотрела на Теренция, губы ее помимо воли растягивала улыбка.

...В пути они остановились лишь один раз, для короткого привала вскоре после полудня. Глядя, как кулем сползает мальчишка с седла, наемница лишь покачала головой и выразительно покосилась на своего спутника. Тот беззаботно пожал плечами. Парень ему не нравился — и Конан не собирался этого скрывать. «Ты с ним связалась — ты и возись», — ясно говорил его взгляд.

Однако и Палома не собиралась разыгрывать заботливую нянюшку. Молча поставила перед Теренцием его долю — лепешку, сыр и вино, — и так же молча удалилась. Если нужна помощь — пусть проглотит свою гордость и попросит сам!

Парень молчал.

Ну и ладно. Оседлав запасных лошадей, дальше поехали на них, давая первой смене отдохнуть, и Палома в который раз про себя возблагодарила щедрость Грациана. Если бы не он, их путь отнял бы втрое больше времени. Неужели ему и впрямь хочется, чтобы они скорее вернулись?..

Об этом, и о многом другом, она размышляла всю дорогу до вечерней стоянки... хотя прежде и давала себе зарок не вспоминать то, что было в Коршене. Не думать. Не загадывать. Не строить планов на будущее. Но разве властен человек над своими мыслями? Все равно что заставлять себя не думать о белых верблюдах — будут табунами топтаться в голове и плевать в душу, насмехаясь над людской наивностью... О, к Нергалу это все!

Они заночевали под открытым небом, ибо, как назло, ни единого постоянного двора не попалось по пути, и Палома попросила себе вторую стражу, надеясь, что сон разгонит нежеланные мысли. Тщетно, разумеется. О, к Нергалу!

* * *

Вечер третьего дня наконец подарил им крышу над головой. Путники уже вступили в пределы Немедии, и первым городом на пути стал захолустный Церваль, столица Церского графства.

С местным владельцем, графом Бергардом, Палома была знакома, хоть и не слишком близко. Встречались на приемах в Бельверусе, да и прежде — старики пару раз гостили в Торе у барона Гундера, отца Амальрика.

Когда она рассказала об этом Конану — хвала богам, его дурное настроение продлилось недолго, и жизнелюбивый киммериец вновь был весел и полон энергии, — глаза его загорелись.

— Так он тоже из этого твоего... Ордена Кречета?

— Во-первых, не моего... — Палома жестом велела северянину говорить потише, а то его зычный голос разносился по всей таверне, и она уже заметила, как в их сторону обрачиваются удивленные посетители. — И не поминай Орден при посторонних. Не то чтобы это запретная тема, но...

— Как скажешь. — Варвар равнодушно пожал плечами, щедро накладывая себе мяса из общей миски, которую поставил перед ними повар. Его не слишком интересовали немедийские дела, в свое время он уже впутался в них по самую шею — едва голову удержал на плечах, так что больше — спасибо, не хочется. И вообще, Грациан отрядил его только проводить Палому до Бельверуса и обратно, чтобы с ней чего не приключилось по пути. Остальное его не касается.

Наемница так и не поняла, насколько он серьезен. Но спрашивать бесполезно: уж если Конан решил держать рот на замке, силой его говорить не заставишь. И пусть в душе Палома была уверена, что Месьор возложил на него отнюдь не только обязанности простого стражи — ей этого никогда не узнать наверняка.

Ну и пусть. Может, она вообще раздумает возвращаться в Коринфию. Тогда — что ей за дело до коршенских интриг!

В это время Теренций, сидевший тихо, как мышка на другом конце стола, вдруг поднял голову. Палома чуть с лавки не свалилась. Она и забыла, что тот умеет говорить! За последние три дня парень не сказал со своими спутниками и десятка слов...

— Медина. Месьор. Прошу простить, если вопрос мой покажется вам оскорбительным, или я злоупотреблю вашим вниманием, но... вы упомянули Черного Кречета...

— И что с того? — Конан без особой симпатии, хотя и — хвала Небу! — уже без открытой враждебности взорвался на мальчишку.

— Могу ли я осведомиться, какое отношение имеете вы к этому Ордену?

Киммериец уже было открыл рот для ответа, но Палома пнула его ногой под столом. Теренций спросил о Черном Кречете, хотя варвар не упоминал полного названия. Само по себе это мало что значит — в Немедии об Ордене знали почти все, однако... Чутье призывало ее к осторожности.

— Никакого отношения, — отрезала она сухо, чтобы не давать повода к дальнейшим расспросам. — Просто слышали случайно, что такой существует. — Поколебавшись, она выстрелила наугад: — А ты?

— Я? — Мальчишка, казалось, был испуган. — Нет-нет, я просто так спросил. Простите, месьор и медина... — И закрылся кружкой, как щитом.

Ну, она и не рассчитывала на большее. Поймав взгляд северянина, Палома выразительно повела глазами в сторону их спутника. Но лицо киммерийца выражало лишь всепоглощающую скуку. Он явно давал ей понять, что все эти тайны его не интересуют.

За вечер Теренций больше не проронил ни слова и ни разу не поднял взора от стола. Ни танцы двух молоденьких турецких, на которых так любовался Конан, ни вспыхнувшая в

обеденном зале скора — впрочем, быстро погашенная хозяином, — не привлекли его внимания. Расправившись с ужином, он коротко поклонился своим спутникам и, с трудом переставляя негнущиеся ноги (сказывались три дня непрерывной скачки!), двинулся к выходу из таверны.

— Куда это он? — лениво полюбопытствовал варвар. Все его внимание сейчас приковывала танцовщица, вилявшая бедрами в нескольких шагах от их стола и призывающе сверкавшая глазами в сторону красавчика-киммерийца.

— Откуда мне знать? — Палома неприязненно покосилась на туранку. — Ты не забыл, приятель, что хозяин отвел нам только одну комнату на троих?!

Удивленный тем, как язвительно-зло звучал голос спутницы, Конан широко ухмыльнулся.

— Не беспокойся... Найду, где устроиться.

— Не сомневаюсь, — пробурчала наемница. Не то чтобы она ревновала, нет, конечно, но следует же соблюдать какие-то приличия!.. — Ладно. Утром увидимся. Желаю повеселиться!

— И тебе... приятных сновидений!

Нергал бы откусил ему ядовитый язык! О том, что сновидения могут быть приятными, Палома забыла много дней назад...

* * *

Первый раз в эту ночь ее разбудил скрип отворившейся двери.

— Кто? — она вскинулась мгновенно, выхватывая кинжал.

— Простите, это я, медина. — Хвала Митре, всего лишь Теренций! Явился наконец...

Повозившись немного, парень устроился на тюфяке в углу и скоро засвистел носом. Палома вновь погрузилась в сон.

Второй раз...

Шум. Какая-то возня. Сдавленный крик.

— Конан, ты что ли? Молчание. Шорох.

Она вскочила, отчаянно силясь разглядеть хоть что-то в кромешной тьме.

— Конан?!

Тень метнулась к ней. Она скорее почуяла, чем увидела ее приближение. Почуяла враждебность. Жажду убийства.

Считается, что сталь лишена запаха — но Палома ощущала ее... носом, кожей, не имеет значения!

Нападавший был уже совсем рядом. Она метнулась, пригнувшись — затем в сторону, чтобы избежать удара. Наугад полоснула ножом. Мимо!

Он тоже промахнулся. Клинок просвистел в волосах.

— На помощь! — Сейчас было не до гордости. — На по...

Он сшиб ее с ног, наемница покатилась по полу, больно ударившись плечом. Едва успела перевернуться — меч ударил в то место, где она только что была.

Прыжок. Она постаралась оказаться за спиной убийцы. Выпад!

— На помощь!..

Он вскрикнул, сдавленно выругался. Кажется, ей удалось его зацепить. Но тут же жгучая боль раскаленным прутом полоснула по предплечью. Проклятье!

Он был ловок. Очень ловок!

Отчаявшись дозваться подмоги, Палома больше не кричала, берегла дыхание, целиком сосредоточившись на бое. Выпад. Отскок. В сторону. Еще. Нергалов ублюдок словно видел в темноте, он следил за ней по пятам. А у нее перед глазами была ало-черная завеса, и боль в раненой руке отнимала все силы...

Внезапно по глазам ударили свет. И громовой бас: «Что тут творится, Нергал вас побери?!» показался ей гласом Небес.

— Конан! — выдохнула она, в очередной раз парируя удар меча своим кинжалом.

Киммериец ринулся на помощь.

Но... У проклятой твари было больше трюков в рукаве, чем у балаганного фокусника!

На полу шаге варвар споткнулся и закашлялся, отчаянно ругаясь, затем принялся тереть глаза руками.

А убийца, точно кошка, метнулся прочь. Палома бросилась следом, пытаясь ухватить край короткого плаща — но пальцы сжали пустоту.

Треск отрываемого ставня...

На фоне звездного неба мелькнула гибкая черная фигура... И пустота.

Подбежав к окну, наемница успела увидеть, как человек перелетел через каменный забор — и тут же раздался стук копыт. Со вздохом она опустила руки. Кидаться в погоню было бессмысленно...

— Конан, эй, что он с тобой сделал?!

Из потока проклятий Палома смогла вычленить лишь одно слово: перец.

— Не трогай лицо! Слышишь, сказано тебе — не трогай! — По счастью, в пылу драки кувшин с водой для умывания уцелел. Девушка промыла глаза своему спутнику. Затем зажгла лампу.

При неярком свете ночника воители смерили друг друга взглядами. Физиономии у обоих были кислые, почти траурные.

— М-да, давненько мне не доводилось так оплошать, — протянул киммериец.

— Да и я тоже хороша... — И вдруг вскинулась: — Теренций!

В пылу драки она совсем забыла про мальчишку. Ох, и перетрусили же он, наверное!

— Теренций!

Она подошла ближе, опустилась на колени, тряхнула его за плечо.

Он повалился на спину, рука упала на пол с глухим стуком. Голова запрокинулась, глаза незряче уперлись в потолок.

...Кинжал вошел точнехонько между третьим и четвертым ребром, безошибочно отыскав сердце. Кровь тонкой струйкой сочилась из уголка Губ — черная полоска на белой, белой коже.

Помедлив мгновение, Палома протянула руку и с бесконечной нежностью опустила веки мертвому.

* * *

Несколько мгновений Конан и Палома молча смотрели друг на друга.

— Что будем делать? — наконец выдавила она. Но ответил ей чужой голос — из дверей комнаты.

— Если благородные господа соизволят принять добрый совет...

Наемница поднялась навстречу владельцу постоянного двора.

— А ты, любезный друг, где был со своими советами, пока нас тут чуть не поубивали? Я звала на помощь...

С фальшивым раскаянием тот развел руками.

— Не гневайтесь, госпожа, с детства туг на ухо! Злой запал ее еще не остыл после боя. Палома потянулась за кинжалом.

— А вот я тебе сейчас уши отрежу — раз это все равно бесполезное украшение, что тогда?! — Ухватив толстяка за ворот, она рывком подтянула его к себе, глядя в округлившимися от страха глаза. — Говори — кого впустил ночью? Кто здесь был?!

Хозяин рухнул на колени.

— Госпожа... госпожа! Не виноват ни в чем, Небом клянусь! Это же постоянный двор... кто приходит, кто уходит, за всеми разве уследишь?! На ночь мы не запираем. А я на кухне был с женой... никого не видели, Митра свидетель!

Возможно он говорил правду... или лгал. Как узнать? Палома отпустила беднягу, и тот поспешил, не вставая с колен, отполз в сторону, косясь на свирепую наемницу затравленными глазами.

— Госпожа, не считите за дерзость, но совет я дам хороший...

— Говори.

— Уезжайте. Прямо сейчас. До утра недалеко, скоро городские ворота откроют. Уезжайте. Я стражников позже позову, к пятому колоколу, когда служанка в комнатах убирать придет. Скажу, ничего не знаю, ночью ничего не слышал, никого не видел...

— Да, это у тебя отлично получается, — мрачно констатировала Палома. Однако резон в словах хозяина все же был, она не могла этого не признать.

— А чего нам бояться? — подал голос Конан, все еще стоявший рядом с трупом. — Не мы же его прикончили, в конце концов!

— Ага. Только графская стража разбираться не станет. — Девушка поморщилась, вспомнив, как ее саму всего одну луну назад задержали точно также, над мертвецом, которого она не убивала. — Немедийские порядки еще поуже коршунских. Если есть подозреваемые — в лепешку расшибутся, чтобы нас до плахи довести. А так... виновных нет, значит, никто и доискиваться не будет. Похоронят по-тихому, и все.

— Истинно так, — затряс головой толстяк. — Госпожа — просто светоч мудрости! И опять же, историю замнут, и мне никакого убытка. А если вас схватят — по всему Церу пойдет слух, что в «Золотой короне» постоянцев режут...

— Убедил. — Киммериец, похоже, склонен был, как и Палома, согласиться с доводами хозяина. — Вещи соберем — и в путь. Ты там распорядись пока, чтобы лошадей нам оседлали.

— Сам! Сам займусь! И поесть в дорогу соберу... — И дробные шажки застучали по лестнице. Толстяк только что не приплыхал от облегчения.

Затворив дверь, Палома вернулась к своему спутнику. Тот уже неторопливо укладывал их скучные пожитки. Взгляд наемницы задержался на мертвеце.

— Бедняга... надо бы обыскать его напоследок... Северянин закашлялся — девушке показалось, чтобы скрыть смех.

Пробурчав: «Не вижу ничего забавного», она склонилась над Теренцием. Ловкими, опытными руками прошлась по одежде в поисках потайных карманов. Не обнаружив ничего,

перешла к личным вещам. С собой у пария был сундучок и седельная сумка, в которой обнаружилась лишь смена одежды и немного съестных припасов.

Сундучок же оказался открыт — крышка отвалилась, едва лишь наемница тронула ее кинжалом. Пусто! Лишь теперь она поняла...

— И когда ты успел? — в гневе обернулась она к варвару. Подумать только — любуется, как она шарит у мертвца по карманам, и хоть бы слово сказал!

Довольный собой, Конан развел руками.

— Меньше надо было хозяину глазки строить! Раздосадованная, она немедленно парировала:

— А тебе меньше с танцовщицами кувыркаться!.. Тогда, может, мальчишка бы жив остался.

Стрела попала в цель. Киммериец помрачнел.

— Правда. Моя оплошность. — И неожиданно выдавил совсем ему несвойственное: — Извини...

— Да ладно, не казни себя. — Палома смягчилась. — Я тоже показала себя не с лучшей стороны.

Только сейчас она вспомнила про раненую левую руку. Странно, как отступает боль, когда голова занята другим. Впрочем, быстрый осмотр уверил ее, что это простая царапина. Ничего серьезного. Конан помог ей перевязать предплечье, пообещав бодро:

— Даже шрама не останется!

— И слава Митре! Шрамы красят только мужчин, мне они ни к чему.

В молчании они собрали оставшиеся вещи. И наконец Палома задала вопрос, который жег ей язык все это время:

— Ладно, выкладывай. Что это было?

— Ты о чем? — Он прикинулся, будто не понимает.

— О том, что вез с собой Теренций. И я не о золоте...

— Да там и было-то всего ничего. Полсотни монет.

— Зубы мне не заговаривай! — На сей раз она разозлилась всерьез. — У парня было с собой что-то ценное. Где оно?

Без слов, киммериец запустил руку в недра своей торбы и извлек на свет завернутый в промасленную кожу сверток.

— Это все?

Теперь уже рассердился северянин.

— Слушай, ты за кого меня принимаешь? Я у своих не ворую! На первой же стоянке все бы тебе отдал!

— До того, как сам бы проверив — или все же после?

Конан пожал плечами.

— Тебе бы дознавателем быть в этом твоем Вертрауэне. Глаза, как кинжалы. И язык — как топор палача.

— Отвратительное сравнение. Вернемся в Коршен, продай Силенцию, он охоч до таких вывертов. — Бездарность придворного поэта графа Лаварро давно вошла в присловье. — Ладно, давай проверим, ничего мы здесь не забыли?

Пряча сверток Теренция под плащ, она обвела взглядом полутемную комнату. Глаза ее остановились на мертвце. Странное ощущение, что она не может уйти — просто так. Как будто нужно сделать еще что-то... Но что?!

Не обращая внимания на спутника, который, досадуя на женскую медлительность, призывал ее поторапливаться, Палома вернулась к трупу и вновь опустилась перед ним на колени. Что же она могла пропустить?

— Слушай, а плащ ты проверила? — внезапно спохватился Конан.

Верно. Плащ юноша подложил под голову, вместо подушки. Она и не заметила! Ругая себя за невнимательность, Палома встряхнула накидку, и была вознаграждена... свернутый лист пергамента покатился по полу.

Нагнувшись, киммериец подобрал послание. Спрятал к себе.

Все?

И лишь теперь — только теперь! — наемница обратила внимание на кинжал, которым был убит несчастный Теренций.

Еще не веря собственным глазам, извлекла оружие из раны, вертя его в руках, чтобы свет упал на рукоять...

— Ну, что там еще?! — Северянин навис над ней. Она отмахнулась.

— Отойди, мешаешь!

Наконец, увидев все, что хотела, она направилась к двери, по пути нетерпеливо окликая своего спутника:

— Что ты там застрял? Ждешь пока городская стража появится? Давай, шевелись!

Конан поперхнулся ругательством.

Лишь оказавшись на конюшне, где, как и обещал хозяин, их уже ждали оседланные лошади, Палома сжалилась над сгорающим от любопытства северянином. Опасаясь, помимо прочего, и за собственную жизнь: ей показалось, что если она станет и дальше играть в молчанку, он тумаками выбьет из нее признание.

— Этот кинжал... — замолчав, она огляделась по сторонам — не подслушивает ли кто.

— Да скажешь ты наконец, в чем дело?!

— Там птица на рукояти. Не просто для украшения. Я видела такие в Торе. Это символ Ордена Черного Кречета!

* * *

Полдень в Бельверусе. По утрам осень уже чувствуется, деревья зябнут под ее дыханием, но днем в сад возвращается лето. Громада королевского дворца за спиной, такая мрачная в другое время, сейчас кажется янтарно-прозрачной, словно вот-вот растает, медовой лужицей расстечется под лучами солнца.

Посыпанные желтым песком дорожки золотыми ручейками разбегаются от поляны, стремясь поскорее добраться до самых дальних окраин сада. Они уносят влюбленные пары, стайки хохочущих придворных дам, стражников в доспехах, сверкающих на солнце, точно ожившие медные статуи.

На поляне пусто. Человек, сидящий на вздыбленном корне древнего вяза — его, по легенде, посадил сам Брагорас Первый, дав начало королевскому саду, — неподвижен, как само дерево, к стволу которого он прислонился спиной. Его черный наряд почти сливается с потемневшей корой.

Но вот вдалеке слышится детский смех — словно ручеек бежит, стремится, приближается... Человек оживает. Точнее, движутся только его руки. Они достают из

кармана какой-то небольшой предмет. Деревянную игрушку. Два соединенных кружка; на стержне между ними намотана тонкая бечева. Если резко бросить вперед — веревка разматывается... а затем неумолимо притягивает игрушку обратно. Деревяшка ложится в ладонь человека, тычется доверчивым щенком. Он делает новый бросок — теперь с замысловатой петлей в конце полета. И все повторяется.

Дети замирают на краю дорожки, толкают друг друга локтями, не решаясь переступить границу поляны.

— Смотри, смотри, он опять здесь!

— Что это такое?

— Вот так штуковина!

— И как у него это получается?!

— Смотри!..

— Смотри...

Не обращая на ребятню никакого внимания, мужчина вновь отпускает игрушку. Подскакивая, она бежит по дорожке, насколько хватает бечевы — и возвращается. Всегда возвращается.

Пять пар округлившихся глазенок смотрят на это чудо.

Наконец самый смелый делает шаг вперед. Ему лет семь на вид. Белокурый, в аккуратном бархатном костюмчике, с крохотным мечом в золоченых ножнах. Маленькая рука тянется повелительно.

— Дай!

Человек безмолвно протягивает игрушку.

Ребенок бросает. Деревяшка беспомощно падает на землю. Остальные дети хихикают. Голосок — капризный, но требовательный:

— Как ты это делаешь? Покажи!

Человек пожимает плечами...

* * *

На привале, который путники сделали лишь ближе к вечеру — убедившись, что достаточно удалились от негостеприимного Цервала, — Палома была сумрачна и печальна. Приняв из рук киммерийца кружку с вином, половину пролила в костер, что-то тихо шепча при этом.

— Щенка этого что ли поминаешь? — Варвар посмотрел на нее с легким презрением, какое ему всегда внушала женская чувствительность. — И дался же он тебе?! Видит Митра — я только взглянул на него и сразу понял: не жилец... Если уж хочешь так высоко нос задирать, должен уметь и меч в руках держать, чтобы отбиться от тех, кто захочет этот нос подрезать! А у нашего петушка, кроме гонора, ничего за душой не было...

— Не скажи. Ты самого главного-то и не разглядел.

Это задело северянина не на шутку.

— О чем ты, скажи на милость?

— Да о том, что парень-то он был неплохой. Книжник, ты верно подметил, и в обычной жизни, наверняка, тихий и скромный — мухи не обидит.

— Чего же он тогда перед нами выставлялся?

— Не перед нами. То есть — не лично в нас дело. Просто у него была некая миссия. Кто-то поручил ему дело необычайной важности. Пареньку показалось — он взлетел в какие-то заоблачные сферы, вот и раздулся от гордости. Я заметила, как он то и дело косился на свой сундук. Посмотрит украдкой — и тут же плечи расправит, зубы стиснет, ну просто сам Эрмеиальд Отважный перед гирканской ордой... Так что и уважения он требовал не к себе лично — а к своему поручению. К тому, что он вез с собой. К тем людям, кто ему это доверил...

— И что же это было? Ты смотрела сверток?

— Разумеется. — Кожаную оболочку Палома срезала, едва они выехали за городские ворота. Тогда же прочитала и письмо, найденное в плаще Теренция. Вот только что это ей дало? — На, полюбуйся.

На пергамент Конан едва взглянул; хотя наемнице было известно, что ее спутник учен грамоте, однако читать он явно не слишком любил. Ладно, Паломе не составляло труда пересказать ему послание.

— Там, как видишь, нет имени адресата. И, вообще, никаких подробностей. Просто какой-то Марцелий рекомендует отрока Теренция вниманию некоего сиятельного месьора... Упомянут также скромный дар, что отрок везет с собой, но все туманно, намеками... потому он, должно быть, и хранил письмо на виду, оно явно ни для кого не представляет интереса.

— Плевать. Ты главное давай. Сверток, что я у него из сундучка выудил.

Что ж, пусть позабавится. Может, грубая мужская сила преуспеет там, где спасовал женский ум?

Плоская коробочка размером чуть поболе ладони и толщиной в два пальца была закрыта наглухо. Хуже того, не было ни щелки, ни намека на петли или замок — хоть что-то, что помогло бы ее открыть.

Поверхность, идеально гладкая, тоже не несла никаких зацепок. Ни рисунка, ни вырезанного узора, ни надписей...

— Слушай! — Конан, повертив странный предмет и так, и эдак, наконец сдался. — Похоже, это обычная деревяшка. Не знаю, конечно, на кой она парню понадобилась, но, согласись...

Наемница упрямо покачала головой.

— Если мы не способны разгадать секрет, это еще не значит, что секрета не существует. Потряси ларец — и прислушайся.

С выражением недовольства и сомнения варвар повиновался... и брови его поползли вверх.

— Там что-то шуршит! Или гремит... не пойму. В общем, что-то там есть внутри!

— Об этом я тебе и tolkую.

— Так может — рубануть разок мечом, и дело с концом?! — Глаза его загорелись охотничьим азартом. Благословенная натура, искренне уверенная в том, что доброму клинку под силу решить любые проблемы!..

— Давай подождем пока, — осторожно возразила Палома, от греха забирая у своего спутника таинственную вещицу. — Сдается мне, здесь без магии не обошлось, тогда на ларец вполне могли наложить чары уничтожения. Если коробку попытаются открыть силой, содержимое просто сгорит, или еще что-нибудь...

— Может и так, — неохотно согласился Конан, провожая смурным взглядом деревянную шкатулку, которую Палома убрала на самое дно своего мешка. — Слыхал я о таких

заклятьях... Придется что ли к колдунам идти?

Девушка пожала плечами. Она была уверена, что в Вертрауэне найдутся мастера и такого рода, но заранее говорить об этом не хотелось. Доберемся до Бельверуса — посмотрим!

* * *

Столица Немедии встретила путников проливным дождем; узкие улочки древнего города сделались почти непроходимыми; редкие прохожие, проклиная все на свете, крались под самыми стенами домов, вжимаясь в каменную кладку, когда проезжающий всадник или экипаж норовили окатить их грязной водой из лужи.

У Паломы не было своего дома в Бельверусе: содержать что-то приличное выходило слишком накладно, а селиться в трущобах она не желала. Да и не так уж много времени она проводила в городе, бесконечные разъезды давно сделались частью ее жизни. Однако хозяйка «Спящего единорога», постоянного двора в квартале виноделов, всегда готова была сдать девушке комнату, а в ее отсутствие за небольшую плату хранила скучные пожитки гостьи...

Конану место это пришлось по душе — в особенности огромное количество винных лавочек поблизости.

— Вот откуда ты так разбираешься в вине! — расхохотался он, когда они подъезжали к постоянному двору. — Редкий талант для женщины!

На самом деле, это была память от отца — у того был знатный погреб, и он беспрестанно пополнял его лучшими сортами со всей Хайбории; по осени из самых дальних концов Немедии к нему съезжались знакомые, дабы отведать каких-нибудь новых редкостей... Но она не стала вдаваться в объяснения.

— Здесь чисто, отличная кухня и очень тихо, — заметила она, вводя своего спутника в обеденный зал «Единорога». — По крайней мере, так было прежде, потому просьба не устраивать дебошей и не портить мою репутацию...

С показным смирением гигант-киммериец кивнул, но, судя по озорному огоньку, блеснувшему в синих глазах, едва ли он намеревался сдержать слово. Придется присматривать за ним, со вздохом сказала себе Палома. Опыт их стоянок в пути заставил ее свыкнуться с любовью северянина к кутежам...

Лиланда, хозяйка заведения, едва завидев гостей, бросилась девушке на шею, при этом с любопытством косясь на ее товарища.

Хрупкая, крохотная женщина, она отнюдь не производила впечатление особы, способной справиться с таким непростым делом, как содержание постоянного двора. Сколько знала ее Палома, она не уставала этому поражаться: под детсккой, кукольной внешностью скрывалась несгибаемая воля и стальной характер.

Еще довольно молодая, Лиланда уже пять лет как похоронила мужа и решительно отвергала притязания многочисленных ухажеров, горевших желанием помочь очаровательной вдовушке управлять заведением. Она предпочитала быть сама себе хозяйкой и в открытую заявляла об этом — что в суровой патриархальной Немедии требовало от женщины немалого мужества. Впрочем, это отнюдь не мешало ей интересоваться мужчинами. По крайней мере, суровый спутник Паломы сразу пришелся ей по сердцу. Выразительно стрельнув глазами, она безмолвно задала той вопрос — и получила такой же

молчаливый ответ: «путь свободен». Наемница отнюдь не собиралась претендовать на то, чтобы единолично завладеть вниманием киммерийца. К тому же она рассчитывала, что будет очень занята в ближайшие дни — так уж пусть лучше варвар находится под надежным присмотром!

Обрадованная, Лиланда тут же принялась хлопотать вокруг Конана, предлагая ему перекусить и освежиться с дороги, осыпая тысячей вопросов о том, как прошло их путешествие, и впервые ли он в Бельверусе, и не нуждается ли в помощи — так что даже избалованный женским вниманием северянин почувствовал себя польщенным.

Хозяйка отвела им две соседние комнаты — причем, как с улыбкой отметила Палома, собственные покой Лиланды находились через стену от киммерийца. Вот и славно... Сославшись на усталость, она удалилась к себе, пообещав, что спустится к ужину и попросив нагреть для нее воды в купальне.

Ей необходимо было побывать в одиночестве, собраться с мыслями перед свиданием с Рингой.

* * *

Человек в королевском саду по-прежнему, словно па троне, восседает на корне вяза. Каждый день его можно найти здесь. Он молод, у него кинжално-острое лицо, темные волосы зачесаны назад и перехвачены в хвост, — прически, каких в столице уже лет двадцать не носят. Губы и глаза, бесцветные, почти не выделяются на фоне бледной кожи, отчего все лицо кажется словно вмороженным в лед.

Он по-прежнему играет с фаруком. Бросок — и деревяшка, описав причудливую петлю, возвращается в ладонь. Еще бросок — человек приотпускает веревку, и игрушка мячиком скачет по земле... чтобы в конце концов опять найти руку хозяина. Человек смотрит на фарук едва ли не с нежностью.

Заслушав дробный топоток, он, как обычно, не поднимает головы, всецело поглощенный своим занятием. Дети приходят ежедневно... Но сегодня есть одно отличие. Следом за крохотными башмачками с серебряными пряжками печатают шаг мужские сапоги. Тонкая алая кожа, узкие черные каблуки.

Человек неспешно прячет игрушку под плащ, поворачивает голову, начинает подниматься с места... Но пронзительный голосок останавливает его:

— Нет! Не убирай! Я нарочно папу привел — покажи ему, как ты это делаешь!..

Глава II

На назначенную встречу Ринга не пришла. Разглядывая человека, что уселся напротив нее в условленный час, в таверне «Энгер-рыбак», Палома пыталась вспомнить, где же она могла его видеть, но тщетно. Слишком уж незапоминающаяся внешность оказалась у того, кто назвал себя Марициусом. Лет сорок пять на вид, с залысинами, носом-луковкой и отвисшей нижней губой — ни дать, ни взять мастеровой из предместий, а уж никак не помощник грозного начальника тайной службы Немедийского королевства.

Госпожа Ринга изволила отбыть из города по делам службы, пояснил он наемнице. И поспешил уточнить, что вполне полномочен выслушать ее доклад.

Месьор Марициус не нравился ей. Своим самоуверенным видом, тем, как нагло, похозяйски уселся, отодвинув в сторону ее кружку, как смотрел на нее, точно гадая, кто она такая и почему он вынужден терять с ней время... Но больше всего Палому выводила из себя подспудная нотка тревожности, которую она ощущала в этом человеке всякий раз, когда смотрела ему в глаза. Нервозность эта не имела отношения к ней лично, и он старательно ее скрывал — однако наемница была слишком опытна, чтобы упустить даже неочевидные признаки. То, как подрагивают у собеседника крылья носа, как он кривит губы, прежде чем заговорить, как мелко перетирает пальцами, словно стряхивая налипшую муку... все это говорило ей больше, чем слова.

...В этот час — а было время шестого колокола — в «Рыбаке» было довольно многолюдно, но в отличие от развеселой вечерней толпы, любопытной и жадной до развлечений, полуденные посетители мало интересовались тем, что творится вокруг.

Они забегали сюда наскоро перекусить, прежде чем вернуться в свои лавки, меняльные contadorы или мастерские, и глотали пищу жадно, торопливо, не поднимая глаз от миски.

Чтобы не выделяться, Палома заказала себе вина и тушеных овощей с рыбой — они с Рингом всегда делали так, — но Марициус лишь брезгливо повел носом, тщательно вытирая платком стол, прежде чем поставить на него локти, и раздраженным жестом прогнал парнишку, который тут же подскочил к гостю с дощечкой для заказов.

Митра, что за странного типа мне прислали! — только и могла подивиться наемница. Однако это, увы, не повод, чтобы не дать ему полный отчет о поездке.

— Итак, вы были в Коринфии, — начал ее собеседник.

— Да, в Коршене. Вам известно, зачем меня посылали туда?

Столь явно выраженное недоверие, казалось, ничуть не задело Марициуса. Он лишь как-то странно задергал губами, словно собирался сплюнуть, но в последний момент вспомнил, что сидит в помещении.

— Прекрасно известно. Убрать с дороги барона Скавро. Я сам передал госпоже Ринге это поручение, выбор посланца был оставлен на ее усмотрение. Некоторым... особам не нравилось, что барон зачастил в южные края. В этом усматривали нежелательные... кхм-м... возможности...

Можно сказать и так. Покосившись из-под ресниц на обеденный зал и убедившись, что никто по-прежнему не проявляет интереса к их разговору, Палома отозвалась:

— Он готовил заговор для Черного Кречета. Подкупал ключевые фигуры в обороне города, чтобы облегчить захват графства войсками Ордена. Мне удалось найти список заговорщиков, ими займутся... надежные люди. — Ей не хотелось упоминать имя Грациана.

Выпуклые глаза Марициуса затянулись тонкими веками-перепонками. Он принялся выстукивать на столешнице какой-то затейливый ритм.

— Кречет хотел посадить на трон кого-то из своих, или...

— Или. У нынешнего графа коршенского пятеро родных детей и еще пасынок. Официально наследник до сих пор не провозглашен, и я уверена, что кто-то из шестерых принял участие в заговоре, чтобы воссесть на трон. По-видимому, власть, даже полученная из рук немедийцев и ограниченная их волей, показалась подлому изменнику предпочтительнее мук неизвестности.

— Судя по вашей горячности, вы приняли это дело близко к сердцу...

Совершенно невинное замечание — но почему у Паломы возникло впечатление, что ей было предложено испытание... и она только что с позором провалилась?! Ринга — где же ты?.. С вызовом она взглянула на собеседника.

— Да, это так. На то были причины. Поступая к вам на службу, я не давала клятвы отказаться от личной жизни!

Она тут же пожалела о своей откровенности. Многие не раз говорили ей, что дерзкие выходки ее погубят. Сейчас был именно такой случай.

Она одним глотком допила вино.

— У вас есть ко мне еще вопросы, месьор? Тот словно и не заметил, что ей не терпится уйти. Сидел себе молча, с преувеличенной тщательностью разглаживая складочку на рукаве. Наконец соизволил подать голос:

— Разумеется, есть. Имя предателя?

— Мне оно неведомо. Я как раз хотела посоветоваться, сумеет ли тайная служба выяснить его здесь? Собственными возможностями.

— Что вы имеете в виду?

Марициус не скрывал неудовольствия — нижняя губа отвисла еще сильнее, белесые брови насупились.

— Не мне вас учить вашей работе... — С показной скромностью, Палома опустила глаза; на самом деле, опасаясь, чтобы собеседник не заметил вспыхнувшего в них бешенства.

— Тогда ответ — нет, — отчеканил тот. — Мы больше не собираемся тратить время на такие мелочи. В конце концов, это забота Коршена, а не наша. Мы устранили проблему в лице Скавро. Остальное нас не интересует.

— Но ведь Орден Кречета может повторить свою попытку!..

— Повторяю, моя госпожа, вас слишком уж интересуют коршенские дела, это излишне! Куда опаснее вред, который Орден может принести здесь, в Бельверусе. Именно это должно бы стать вашей первой заботой.

— Моей? Но какое отношение это имеет ко мне лично?

— А вы не знаете? — Марициус старательно изобразил иронию. Вышло несколько тяжеловесно, — Разве вы не уроженка Торы — одного из основных Гнезд Кречета?!

Какого демона?.. Этот ублюдок что — ставит это ей в вину?! Вне себя от ярости, она прощедила:

— Я родом из Торы, да, но не была дома уже восемь лет, с тех пор как сбежала оттуда...

— После несостоявшейся свадьбы с Амальриком, сыном Гундера Торского?

Палома поперхнулась. Положительно, этот тип был уж слишком осведомлен о ее личных обстоятельствах. В такие подробности она не посвящала в Бельверусе никого, кроме разве что Ринги, но с трудом могла себе представить, чтобы та стала сплетничать об этом с

Марициусом. Так откуда...

Прочитать ее мысли в этот момент было несложно, и потому она даже не вздрогнула, когда собеседник невозмутимо пояснил:

— На самом деле, наш интерес изначально привлекла отнюдь не ваша персона. Ваше имя всплыло случайно, когда мы стали интересоваться молодым Амальриком...

— Амальриком? — против воли она заволновалась. — А что стряслось? Что он натворил?

Марициус внимательно смотрел на нее, словно оценивая, насколько искренно ее волнение и что скрывается за ним — любопытство, злорадство, тревога?.. И лишь прия к каким-то своим выводам, счел возможным продолжить:

— Для этого вы нам и нужны — чтобы выяснить это.

Утопив в водах безмолвия вопросы, теснившиеся на языке, Палома погрузилась в молчание. На протяжении всей встречи собеседник оказывал на нее неощутимое, но явное давление — уже одним тем, что был ей антипатичен. Возможно, подумалось ей, это тоже оружие, и он использует его сознательно. Занятная мысль — хотя сама она едва ли когда сумеет воспользоваться таким приемом.

У нее свои сильные стороны! И, помнится, острый ум она всегда считала одной из них. Время проверить это...

— Ладно. Кажется я понимаю. Поправьте меня, если ошибусь, но... Вас, похоже, беспокоит нечто, связанное с Амальриком, — изрекла ока наконец, когда в сознании стали проступать контуры общей конструкции. — Однако, судя по всему, то, что он делает, не связано напрямую с интересами Ордена — и вы не можете через своих осведомителей в рядах Черного Кречета выведать, что происходит. Насколько я знаю Амальрика... Да, конечно, — спохватилась она. Встала на место последняя деталь. — Поэтому я и понадобилась Вертрауну. Кто-то, знакомый с бароном не по Ордену — и одновременно верный вам. Боюсь, вы ошиблись с выбором: мы слишком давно не встречались, и между нами нет никаких теплых чувств, однако... Расскажите мне все от начала и до конца. Я подумаю, что можно сделать.

Впервые с начала разговора, Палома чувствовала удовлетворение: ей наконец удалось перехватить инициативу. Марициусу, напротив, это не слишком пришлось по вкусу. Он смотрел на нее с легким страхом и брезгливостью — как смотрят слабые мужчины на слишком умных и сильных женщин.

Однако ему нужна была ее помощь! И, преодолев себя, соглядатай выдавил:

— Он играет.

— Он... что?! — Дурацкая манера — говорить загадками!

— Играет... — Это слово, как видно, вызывало у Марициуса крайнюю степень отвращения. К тому же, при любом упоминании об Амальрике он кривился, как от больного зуба. Впрочем, уж это Палома могла понять. Юный наследник Торы у многих людей вызывал подобные чувства. — Каждый день является в королевский сад, садится у вяза Брагораса и забавляется с какой-то деревянной штуковиной.

Палома молча взирала на собеседника в ожидании продолжения. Когда ничего не последовало, не удержалась:

— И это — все?!

— Все. Но нас это тревожит.

— Так запретите ему приходить туда!

— Невозможно. Сад открыт для публики особым указом его величества! Понимаете, я сознаю, что обвинение... гм... сомнительное. Однако, как бы то ни было, в его поведении есть нечто странное. Представьте. Изо дня в день. Взрослый мужчина. С игрушкой... — Каждое слово давалось ему тяжелее предыдущего. — Зная его прошлое — это должно что-то означать!

— Его прошлое?! О чём это вы? — В последний раз они с Амальриком встречались восемь лет назад, когда он вручил ей деньги — чтобы Палома сбежала из Торы и избавила его от необходимости жениться на ней. С тех пор она потеряла несостоявшегося жениха из виду и ничего не знала о его судьбе.

— О, молодой барон Торский одно время был приметным персонажем на политической арене...

— Барон? Но разве его отец...

— Семь лет назад скончался и передал сыну титул. Однако Амальрик не остался в Торе и не посвятил себя мирным радостям сельского труда... — Марициус хмыкнул. — Вы, полагаю, помните, как силен был Орден Кречета при короле Гариане? Тот пользовался его услугами для самых разных... поручений. И юный барон прославился тем, что брался за самые щекотливые — не буду утомлять вас подробностями. Облавы на чернокнижников в Фарцвале, смерть бритуйского посланника, беспорядки в Офире — это лишь то, что мы знаем наверняка... Но при Нимеде он остался не у дел. У молодого короля, как известно, иной взгляд на все эти вещи... что порой прискорбно оказывается и на нашей службе... Как бы то ни было — на время Амальрик исчез из нашего поля зрения и объявился вновь три седмицы назад. В королевском саду.

— Так он не делает ничего противозаконного?

— Нет. Я же сказал — играет! — Марициус негодующе скривился. — Согласен, это звучит странно. Но моя обязанность перед Короной — замечать такие странности. И действовать!

Палома передернула плечами. Лично ей казалось, что столичные чиновники, похоже, окончательно взбесились от безделья. Столько шума из-за такой нелепицы! Ну, хочется человеку сидеть в саду... О, Митра, кому повторить — засмеют!

Видимо, что-то из этих мыслей отразилось у нее на лице, потому что Марициус сделался совсем мрачен.

— Именно так все и реагируют. Но я знаю, что здесь что-то неладно. И боюсь, что когда пойму в чем дело — уже не сумею...

— Ну, так принимайте меры! — Наёмница не скрывала раздражения. Надо же — этот тип вздумал свести ее с Амальриком!.. — Отшлите его из столицы под удобным предлогом. Да хоть в тюрьму бросьте, в конце концов! Не мне вас учить...

Вздох Марициуса был подобен стенанию тяжеловоза, который едва доволок до места неподъемную повозку.

— Поздно. Его высочество наследник престола изволил проявить интерес к игрушке. А потом привел в сад отца. Я... — Ему было нелегко признаться, но он все же выдавил: — Я не знаю, о чём они говорили. Но король поднял меня на смех, когда я поделился с ним своими опасениями. Он пожелал принять барона Торского лично, представил его королеве, ввел в Малый Круг... Я боюсь даже подумать, что будет завтра!

— Так может, предоставим его величеству решать, опасен Амальрик или нет? — ядовито осведомилась Палома.

Марициус сокрущенно развел руками.

— Король впечатлителен и обожает новых людей, при этом совершенно не думая об осторожности. Впрочем, для этого и существую я... мы. — К тому же, — он строго посмотрел на наемницу, — не ваше дело, госпожа, обсуждать приказы. Тайная служба его величества поручает вам тайно и в кратчайшие сроки разобраться в этой загадке. Извольте соответствовать!

Ладно, это был кнут. А где же пряник?

— Это задание не похоже на обычные поручения...

— Зато оплата будет обычной. Пятьдесят золотых, если справитесь за одну седмицу. Не уложитесь — тогда в половину меньше. Это срочно!

Палома кивнула. Если бы она имела дело с Рингой, то, по правде сказать, согласилась бы и бесплатно, просто из любопытства. В самом деле, забавно будет увидеть Амальрика спустя столько лет. Да и разобраться в этой загадке... Но Марициус ей не нравился, так что от денег она не отказалась. Хотя все же не удержалась бросить на прощание:

— По мне, так вы зря тратите золото казны. Больше чем уверена, во всем этом нет ничего зловещего. Каким бы человеком ни был барон Торский, но он всегда останется преданным слугой Немедии и никогда не нанесет вреда своему королю!

— Да услышит Митра ваши слова! — Марициус неожиданно улыбнулся. — Если это действительно так, и вы сумеете мне это доказать — клянусь, моя госпожа, я выплачу вам еще тридцать монет из собственных денег — как личную благодарность за то, что вы снимете с моей души этот груз. Видите ли... — Уголки его рта печально обвисли. — Если и есть что-то на свете, что я ненавижу — так это необъяснимые вещи!

— Тут мы с вами не сходимся, — засмеялась Палома. — Это именно то, без чего я не могу жить!..

* * *

К вечернему выходу из дома наемница готовилась особенно тщательно.

Это было для нее привычным ритуалом: заново знакомиться с городом, всякий раз, когда она возвращалась в Бельверус после долгой отлучки. Конан, заскучавший за целый день на постоялом дворе, вызвался ее сопровождать.

— Очень уж ты хороша сегодня. Смотри, украдут...

— Я всегда хороша, — отшутилась наемница, незаметно проверяя, хорошо ли закреплен кинжал на предплечье, скрытый под пышным рукавом платья. В рукаве, неприметные для глаза, имелись разрезы, через которые до оружия было легко дотянуться: женский наряд имеет свои преимущества... Второй кинжал висел в узорчатых ножнах на поясе, рядом с зеркальцем и веером.

Паланкин, нанятый вместе с носильщиками у соседа-винодела, уже дожидался на улице.

...Привычный маршрут. От Южных ворот, где, несмотря на вечерний час, царила обычная суeta, они направились в ремесленные кварталы... Здесь торговля постепенно затихала. Женщины зазывали к ужину ребятишек, заигравшихся на улице; торговцы сворачивали палатки, наглухо закрывались двери лавок и мастерских. Ароматы пищи мешались с запахами отбросов. Из-за заборов таверн доносился нестройный гул, хохот, пьяные выкрики — уставшие за день мужчины торопились просадить заработанные в поте

лица деньги на скверное вино и уродливых шлюх.

На пересечении улицы Кожевников и какого-то безымянного проулка, несмотря на царившую здесь вонь (ибо для выделки кож использовалась лошадиная моча), Палома велела рабам приостановиться и какое-то время они с Конаном, вместе с толпой, наблюдали за собачьими боями. Два здоровенных серых кобеля в шипастых ошейниках бросались друг на друга, уже даже не лая, а заходясь истошным воем, норовя дотянуться до горла или до брюха противника. Судя по крикам, ставки делались немалые. Северянин, азартный, как все варвары, тут же изъявил желание поставить на одного из псов — но Палома тоном, не терпящим возражений, велела рабам трогаться в путь.

— Здесь дурно пахнет...

— Мне доводилось жить и в еще более скверных местах, — пожал плечами киммериец.

— Мне тоже. Именно поэтому я всякий раз начинаю прогулку отсюда — чтобы вспомнить. И именно поэтому никогда не задерживаюсь надолго.

Узкие улочки ремесленных кварталов, петляющие, запутанные, точно пряжа швеинеумехи, вывели путников в торговый квартал. Здесь было куда просторнее; перекрестки же представляли собой небольшие площади, сплошь окруженные лавками и столами менял. Некоторые из них трудились до зари, готовые услужить закутившим иноземцам, у которых не хватит добрых немедийских золотых, чтобы закончить пирушку. Над их палатками, па высоких шестах были укреплены деревянные короны — ибо так же в простонародье именовались монеты.

Большая рыночная площадь, опустевшая в сей поздний час, служила границей между Верхним и Нижним городом. Сейчас, хотя время торговли уже миновало, она была по-прежнему запружена народом: прямо посреди площади стояли фургоны, крытые повозки, какие-то люди ставили шатры. Это были купцы, приехавшие на летнюю ярмарку, и не нашедшие места на постоялом дворе. Здесь городская стража тоже взимала мзду за право ночлега — но это обходилось несравненно дешевле.

Вообще, большая ярмарка была событием примечательным: на нее съезжался торговый люд со всей Хайбории. Престижнее считалась лишь ярмарка тарантайская, но ее время наступит лишь в середине осени, через две луны.

— Таргая надо бы навестить, — пробормотал Конан, вспомнив купца, которого им посчастливилось избавить от разбойников на пути в Бельверус.

Это напомнило Паломе о другом их спутнике.

— Не придумал, что делать со шкатулкой Теренция?

Конан покачал головой.

— Крутил ее весь день — и хоть бы что! Придется, видно, и впрямь к колдунам обращаться. Но у меня таких знакомых нет. Надеюсь, Ринга с Мораддином посоветуют...

— Ринги нет в городе, — огорчила его наемница. — Насчет твоего друга — не знаю. Но чародея могла бы порекомендовать Лиланда. Завтра спрошу у нее.

— Только пойдешь сама. Я эту их колдовскую породу на дух не выношу!

Палома рассмеялась.

— Вот так всегда — самую грязную и опасную работу сваливают на женские плечи!

...Киммериец не расспрашивал ее о том, как прошла сегодняшняя встреча, и она не стала ему ничего рассказывать, в том числе и о новом поручении, которое ей дали. Точно так же, как она ни слова не сказала Марициусу об истории с Теренцием. Почему промолчала, Палома не знала, но у нее давно вошло в привычку не делиться без нужды тем, что ей

известно, даже с самыми близкими людьми. Знание может стать оружием, а оружием она не привыкла пренебрегать.

Тем временем стало стремительно темнеть, и рабы закрепили два факела в боковых скобах паланкина. Окруженные облаком красноватого света, путники пересекли наконец ярмарочную площадь — и оказались в квартале купцов.

Тут с каждой улицей дома становились все богаче, заборы все выше, и стражники на воротах провожали носилки все более подозрительными взглядами. Конан без стеснения вертел головой по сторонам, выглядывая то в одно окошко, то в другое, и время от времени довольно хмыкал. Похоже, эти места были ему знакомы. Но Палома не стала его ни о чем расспрашивать.

Здесь дороги были мощеными, в отличие от Нижнего города, где улицы с легкостью переходили в сточные канавы. А ближе к королевскому дворцу, окруженному особняками вельмож, булыжник сменили ровные, гладкие плиты, пригнанные так плотно, что в стыки не вошло бы и лезвие ножа. Насколько было известно наемнице, имелись даже особые рабы, в чьи обязанности входило регулярно обходить эти улицы, безжалостно выдиная случайные травинки, имевшие дерзость прорости сквозь мостовую...

Дорога, по которой они следовали, сделалась так широка, что на ней без труда смогли бы разъехаться четыре кареты. Дворцы знати виднелись из-за каменных заборов темными громадами, окруженные ухоженными садами. Вместо гама и многоголосья Нижнего города, здесь единственными звуками, нарушавшими тишину, был лишь топот ночной стражи, стук копыт и скрип колес — это спешили по своим делам вельможи, для которых жизнь начиналась лишь с закатом солнца. Пирсы, балы, дружеские попойки — все это были развлечения, подвластные лишь госпоже Ночи. Скромный паланкин винодела здесь выглядел едва ли не дерзким вызовом — и рабы-носильщики пробирались по самой обочине, опасаясь случайно заступить дорогу кому-то из высокорожденных.

Широкой дугой обогнув королевский дворец — мрачное серое строение, некогда очень строгой, суровой архитектуры, превратившееся, благодаря многочисленным пристройкам, башням и галереям в бесформенный каменный лабиринт, — путники оказались у входа в сад. Палома хотела было попросить рабов, чтобы они доставили их к вязу Брагораса... но передумала. Лучше она придет сюда завтра пешком и осмотрит все при свете дня.

— Возвращаемся, — объявила она, и носильщики послушно потрусили обратно.

Конан всем своим видом выражал недоумение.

— И в чем был смысл этой прогулки? Я думал, мы по кабакам пройдемся, промочим горло... Можно было бы хоть в кости сыграть или пометать ножи...

— Я тебя недерживаю. — Палома пожала плечами. Объяснить не хотелось. Однако она забыла, как настойчив может быть варвар. А сейчас он явно хотел получить ответ на свой вопрос.

— Ладно, — скрепя сердце начала она. — Я ведь предупреждала — тебе со мной будет неинтересна просто для меня это своего рода ритуал, понимаешь? Через Южные Ворота я в свое время вошла в Бельверус. Денег у меня было всего ничего, а из имущества — только меч, доспехи и лошадь. Пока не нашла способ заработать, ютилась в самых бедных кварталах... ну, ты видел. Потом появилась возможность зажить побогаче. Однако я боюсь забыть, с чего начинала. Когда предаешь свою память, рано или поздно она может предать тебя.

Северянин понимающее кивнул. — Если бы я все время жил в одном месте, то, наверное,

делал бы нечто похожее. Но ты высоко метишь, подруга!

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, заканчивается-то твоя прогулка у королевского дворца...

Она засмеялась. И правда... Однако в этом не было никакого скрытого смысла.

— Королевой я быть не собираюсь. Тем паче, наш король давно женат!

— Что не мешает ему развлекаться на стороне...

— А тебе-то откуда это известно? — Тайные похождения Нимеда отнюдь не были достоянием широкой публики. Однако, Конан лишь выразительно поднял брови и ничего не сказал в ответ, что лишний раз утвердило Палому во мнении, что приятель ее далеко не так прост, как желает казаться.

Даже Грациан, надменный и донельзя придирчивый в выборе своего окружения, приблизил к себе киммерийца после того, как тот пару месяцев прослужил у него — настолько, что они стали почти друзьями... а это говорило о многом.

А здесь, в Бельверусе, Конан как-то упоминал Лаварона, главу тайной службы — причем в таком тоне, что не оставалось сомнений: он знаком с грозным герцогом лично! Так почему бы и не с королем?

Сама Палома не имела чести быть представленной верховному сузерену. Для нее это были высоты почти недосягаемые. Суровые порядки в Немедии строжайше разграничивали сословия, которые внутри себя делились еще на множество рангов, уровней и слоев. Каждый существовал отдельно от остальных, и возможностей нарушить установленный порядок у обычного человека почти не было. Кем ты родился, кем был твой отец — это раз и навсегда, до самой смерти предопределяло твоё существование.

Конечно, саму наемницу едва ли можно было отнести к обычным людям. Какие-то барьеры ей удалось сломать — но гораздо больше их осталось нетронутыми, и едва ли когда-нибудь ей выпадет шанс...

Хотя вот Амальрику, похоже, это удалось.

Вспомнив о нем, Палома помрачнела. Странная история — и надо же было случиться, чтобы заняться этим поручили именно ей! Что, в Вертрауне мало подходящих людей? Одного круга с бароном Торским?

Митра свидетель, подобраться к нему будет нелегко, ведь ее бывший суженый остановился даже не на постоялом дворе; нет, как сообщил всеведущий Марициус, в Бельверусе барона приютил сам советник Гертран, один из приближенных Нимеда и, по слухам, казначей Ордена Черного Кречета. Слишком влиятельное лицо, чтобы Палома могла вот так запросто заявиться к его воротам и потребовать пропустить ее к гостю советника. Да ее просто выставят вон, не станут даже и слушать!..

Конан, заметив, как внезапно нахмурилась его спутница, вопросительно покосился на нее.

А почему бы и нет, собственно? Уж если кто и сможет дать ей дальний совет...

Не называя имен и не влезая в суть дела, наемница коротко обрисовала свою проблему.

Судя по пренебрежительному хмыканью, задача представлялась киммерийцу пустяшной.

— Когда-нибудь он должен выходить из дворца. Подкарауль его на улице.

— В этом квартале богачей? Да меня первая же стража схватит, если я начну там крутиться без дела!

— Ну, так придумай дело! Хоть бродячей торговкой нарядись, что ли?

— Здесь их нет. Ты забываешь — мы в Бельверусе! Тут покой знати охраняют, как королевскую сокровищницу...

— А по-моему, ты ломаешь себе голову на пустом месте. Перелезь через забор — и дело с концом!

Ох уж эти ей воровские замашки...

По счастью, в этот миг показались ворота их постоянного двора, и язвительная отповедь замерла на языке.

— Ладно, ты как хочешь, а я еще прогуляюсь, — объявил ей Конан. — Поищу, может, встречу кого из старых приятелей... А то так и от тоски загнуться недолго! — И, не дожидаясь ответа, на ходу выпрыгнул из паланкина и исчез в лабиринте темных улиц.

Палома проводила его взглядом.

Сама она, как ни странно, чувствовала себя куда более усталой, чем если бы провела весь день в седле. Нужно лечь пораньше, сказала она себе.

Это был самый лучший способ больше ни о чем не думать...

* * *

Наутро она наконец осознала, что за мысль подспудно мучила ее все это время, небольшое, но важное упущение, не дававшее покоя растревоженному мозгу.

— Тебе придется вернуться в Церваль, — без окличностей сообщила она Конану за завтраком.

Тот поглядел на нее мрачно — злой, непропавшийся после ночного кутежа, недовольный тем, что его подняли чуть свет... а тут еще такие новости!

— Шутишь? — неприязненно осведомился он. Палома стойко выдержала его взгляд.

— И не думала. Видишь ли, мы должны разобраться со смертью Теренция. Хотя бы потому что он нанял нас, заплатил деньги, чтобы мы доставили его в Бельверус — а мы оплошили. На нас долг чести.

Она знала, на какой струне сыграть. Эти слова были близки и понятны варвару; несмотря на дурное настроение, он приосанился, и теперь смотрел на свою спутницу даже с некоторым подобием слабого интереса.

— У нас есть несколько ниточек, которые могут привести нас к разгадке. Одна из них — это то, что он вез с собой. Шкатулка и письмо. За ними и приходил убийца...

— Но, — Конан нахмурился, — ведь он знает, что теперь это все у нас. Почему же не пытается украсть?

— О! — Наемница беззаботно рассмеялась. — Вчера, пока нас не было, он обшарил наши комнаты. Я нарочно лала ему такую возможность... Разумеется, вещи Теренция были у меня с собой.

— Предупреждать надо! — Киммериец был возмущен, но Палома отмахнулась.

— Это не важно. Когда ты уедешь, он осмелейт и повторит попытку. Я буду наготове — и попробую схватить его.

Ее спутник покачал головой, осуждая столь безрассудный план, но девушка стояла на своем.

— Со мной все будет в порядке. Я знаю, чего ждать — он меня врасплох не застанет! А тебе действительно нужно вернуться в Цер, я это придумала отнюдь не для того, чтобы

отослать из города!

— Для чего же?

— Понимаешь, я только сегодня поняла. Парнишку-то ведь убили именно после того, как он отлучился с постоянного двора. Он с кем-то встретился, рассказал о своем поручении — и тут же поплатился за доверчивость. Мы должны выяснить, кто это был.

— Каким образом? Надеюсь, ты не забыла, что нас с тобой в Цервале ищет стражи?

— Помню. Но, во-первых, ты будешь один, а они ищут мужчину и женщину. Во-вторых, прошла уже целая седмица, за это время все должно было утихнуть. Кому какое дело до убитого приезжего, нищего и никому не известного?! Так что если ты будешь осторожен...

— Рога Нергала! Я все равно не могу понять, как ты хочешь, чтобы я нашел, к кому он ходил! По запаху разве что?!

Палома засмеялась. Это было так очевидно — но и ей самой понадобилось семь дней, чтобы понять...

— Он ушел, когда стемнело. Значит, с ним должен был пойти факельщик. Скорее всего, один из тех, у постоянного двора. В конце концов, это их работа — провожать гостей. Факельщик должен помнить дом, куда ходил Теренций. Ты выяснишь имя того, кто там живет — но только сразу же возвращайся! Ни в коем случае не пытайся сам встретиться с ним.

— Почему? — Столь явное недоверие не на шутку задело варвара. — Неужели ты мне даже такой пустяк поручить не можешь, как вытрясти из какого-то ублюдка, зачем он велел прирезать парнишку?!

Палома покачала головой.

— Не в том дело. Сперва я должна выяснить, кто этот человек. Если он принадлежит Кречету — это одно. Если нет...

— Какое там — нет?! Ты же сама говорила, кинжал...

— Для этого может быть тысяча объяснений. Ну... точнее, три, но этого достаточно. Кинжал мог принадлежать убийце, и тот действительно член Ордена. Кинжал мог принадлежать убийце, но Кречет здесь ни при чем, а убийца желал бросить тень на Орден. И, наконец, кинжал принадлежал самому Теренцию, вор вытащил его из ножен у парня на поясе. Ножны, кстати, были пусты, я это заметила... Так что, пока я не буду знать наверняка...

— Ладно, ладно, убедила. — С тяжким вздохом варвар тряхнул черноволосой головой — Кром, до чего же я не люблю трогаться в путь сразу после попойки... Ну, хоть ветер голову продует!.. — Он пристально посмотрел на Палому. — Ты это, Оса... поосторожней тут без меня. А то что я Месьору скажу?..

Растянутая, наемница, изменив всем своим принципам, попросила Лиланду принести им кувшин вина и, несмотря на раннее утро, с удовольствием опустошила его с северянином на пару.

...Когда ворота постоянного двора закрылись за Конаном, и стук копыт его жеребца затих за поворотом, Палома вернулась в обеденную залу и отыскала хозяйку.

— Мне нужна твоя помощь, Лиланда.

— Для тебя — все что угодно, дорогая! — отозвалась та, вытирая о передник испачканые в муке руки. — Хотя, по правде, за то что ты отослала своего красавчика-дружка, тебя удушить мало! И так у бедной вдовы немного радостей в жизни, а тут норовят лишить последней...

Девушка сочувственно обняла подругу.

— Он вернется, не горюй.

— Ладно, — со смехом отстранилась та. — Не подлизывайся. Говори, что я могу для тебя сделать?

— Мне нужен неплохой колдун, не шарлатан, а настоящий, которому под силу было бы разобраться с магической задачкой. Не подыщешь ли ты кого?

Лиланда нахмурила белесые брови.

— Сложная задача. Сама знаешь, как их племя травят в Немедии в последние годы. Жгут на кострах, в казематы бросают,топят в реке... В общем, подумать надо. Посоветоваться кое с кем. К вечеру, если что выясню, скажу. Что-то еще?

— Да. Это проще. Нужен мальчуган, смышеный и глазастый, чтобы пару дней незаметно побегал за одним человеком и проследил, куда тот ходит.

— Ну, вот это и впрямь проще некуда. Погоди... — Неожиданно, хрупкая миловидная женщина по-разбойничьи заложила пальцы в рот и свистнула так пронзительно, что у Паломы заложило уши. Не прошло и мгновения, как в дверь просунулась лопоухая, веснушчатая физиономия. — Поди сюда, Сетрик, негодник. — Она бесцеремонно втащила его на кухню за рыжие вихры.

Мальчишка, приняв покаянный вид, тут же заныл:

— Это не я, тетушка Лил! Митрой клянусь, не я кувшин со сливками опрокинул! И лошадей не я пугал! И...

— Ой, молчи лучше! — всплеснула руками хозяйка, — А то мне и впрямь придется тебе уши оборвать. Вот, познакомься лучше — это госпожа Палома. Ей нужно, чтобы ты кое-что сделал для нее. Справишься?

Переход от слез к горделиво-снисходительному виду был молниеносен. Паренек подбоченился.

— Еще бы не справиться! А денег-то заплатит твоя подруга?

Палома с трудом скрыла улыбку.

— Посмотрим... Сперва заработай!

Она вкратце объяснила Сетрику, что от него требуется. И не успела бы сосчитать до трех — как сорванца уже не было в кухне. Только пыль вихрилась крохотными смерчиками на том месте, где он только что стоял.

* * *

Следующий день, точнее, утро его, проведенное в безделье и бессмысленном ожидании, принесло с собой решение, которому суждено было стать роковым — что ни понимай под словом «рок».

Сетрик с раннего утра отправился, как и было велено, следить за Амальриком, а значит, появиться с донесением должен был лишь ночью. К вечеру же Лиланда клятвенно обещала разузнать адрес толкового колдуна. Так чем же занять бесконечный день?

Странно, раньше Палома никогда не скучала в Бельверусе, никогда не испытывала такого томительного ощущения, будто зря теряет время, тогда как ей давно надлежало бы быть совсем в другом месте... Право слово, хоть скачи вслед за Конаном в Церваль!

Навещать знакомых не было настроения, да и не завела она себе особых друзей в

столице, если не считать Ринги и Лиланды.

Соваться в королевский сад, к вязу Брагораса, было рановато: если Амальрик там, она только спугнет его. Он слишком проницателен, чтобы не догадаться об истинной подоплеке такой «случайной» встречи...

Поразмыслив, наемница приняла единственное возможное решение. К Вертагену! Там ей всегда рады — и это самое подходящее место, чтобы немного развеяться и сбросить сковавшее ее напряжение.

Нарядившись в мужскую одежду, ставшую ей едва ли не более привычной, чем женское платье, Палома заплела свои длинные белоснежные волосы в косу, спрятала их под модную барету, приладила на пояс ножны с мечом — узкий, не слишком длинный клинок-волчок, гордость Торских оружейников со знаменитым клеймом в виде скалящейся волчьей пасти, — закрепила на предплечье и в голенище метательные кинжалы, а на вороте — тонкую и гибкую терцию — нож убийца без гарды, с лезвием-прутом, и вышла из дома, чувствуя себя готовой к любым неожиданностям.

Слишком самонадеянно, как оказалось...

До улицы Оружейников, где Вертаген держал свой тренировочный зал, Палома добралась не так скоро, как хотелось бы: сказывалась близость торговой площади, где в разгаре была летняя ярмарка. Все прилегающие кварталы кишили народом, пробираться между груженными повозками, среди храпящих лошадей и ругающихся возниц, оказалось сущим мучением.

Пару раз наемница едва удерживалась, чтобы не пустить в ход оружие. Но вот, наконец, вырвалась на свободу...

Уф-ф! Теперь можно и отдохнуться. Отсюда до Вертагена рукой подать...

Как вдруг кто-то схватил ее за полу накидки.

— Эй, госпожа Палома, ты что ли? Я тебя не сразу и признал! Зачем так вырядилась?

Сетрик! Девушка сдвинула брови.

— Если мне не изменяет память, кому-то поручали следить за бароном Амальриком... А кто-то вместо этого, похоже, прохлаждается на ярмарке!

Мальчишка обиженно выпятил нижнюю губу.

— Если бы я прохлаждался — стал бы я тебя окликать?! Он там, твой барон... — Сетрик ткнул пальцем в ворота, над которыми красовалась вывеска с грубо намалеванным кувшином. — С приятелями пьет.

В этом притоне? Палома поморщила переносицу. Вот уж совсем непохоже на Амальрика. Он, помнится, на дух не переносил дешевых забегаловок, да и вообще, всего дешевого, второсортного. Конечно, за восемь лет вкусы меняются...

— А что за приятели?

— Да двое каких-то хлыщей. Они вместе из оружейного зала вышли!

Вот так новость!

— Случайно не из того, что вниз по улице, там еще дуб растет у забора, и щит прибит на воротах?..

— Вот-вот, — обрадовался мальчишка. — Сказали, что перекусят, и опять туда вернутся...

Не в силах поверить в неожиданную удачу, Палома бросила своему рыжему соглядатаю серебряную монету; тот ловко поймал ее на лету и мгновенно спрятал за щеку.

— Тогда на сегодня — все. Беги домой. Вечером увидимся — скажу, что дальше делать.

Обрадованный, постреленок бросился прочь, не тратя времени на прощания — видно, боялся, что щедрая нанимательница может и передумать. Огненные вихри мелькнули в проулке, ведущем на рыночную площадь — и только она его и видела. Ну, пусть развлекается! Он это заслужил.

Ничем не выдавая охватившего ее возбуждения, Палома заспешила к дому Вертаген.

Странное совпадение. Почему из всех оружейных залов, которых немало в столице, Амальрика угораздило выбрать именно этот? Хотя, если задуматься... Ведь и она сама впервые пришла сюда не просто так: об этом месте еще в Торе ей рассказывал старый Байкан, обучавший девочку основам фехтования. А ведь он был наставником и сына барона Гундера!

...Вертаген, как обычно, встретил наемницу восторженно, стиснув ее в медвежьих объятиях и не выпуская, покуда она не запросила пощады.

— Нет, ты глянь, живая, — басил он, оглядывая ее с ног до головы. — И не прирезали в темном переулке... И даже похорошела как будто...

Довольная, она засмеялась.

— И ты до сих пор не разорился, старый мошенник. И притон твой не сожгли... Как тут, свободно сегодня?

Фехтовальщик кивнул.

— Для тебя — всегда. — Он знал, как она не любит тренироваться при посторонних.

Почему-то вид женщины с оружием вызывал у большинства мужчин странную реакцию. Либо беспринципную агрессию и насмешки, либо желание срочно затащить ее в постель... и то, и другое слишком отвлекало от дела.

Аккуратно сложив оружие на особой подставке при входе в Малый зал, Палома с наслаждением отдалась разогревающим упражнениям, чувствуя, как с каждым мгновением становятся все более гибкими мышцы, и кровь быстрее течет по жилам. Все это время Вертаген пристально наблюдал за ней, порою строго прикрикивая, когда ему казалось, что ученица готова дать себе поблажку.

— Гнись, гнись сильнее! Не ленись, ты, соплячка! — гудел его бас, и в иные моменты Палома готова была вскочить и задушить его собственными руками. Куда уж сильнее-то?! Ей и без того казалось, что спина вот-вот переломится...

Потом он заставил ее попотеть с тяжестями, и наконец вывел в сад для своих знаменитых «кругов». Бегать Палома всегда любила — но после того, как безжалостный надзиратель наконец смилиостивился над ней и оставил умирать у пруда с золотыми рыбками, она готова была дать себе зарок, что впредь будет передвигаться исключительно в паланкине!

— Да, совсем ты скисла, — критически окинул ее взглядом Вертаген. — Я всегда говорил — тебе веретено нужно, а не меч. Девчонка!..

От злости она даже позабыла об усталости, о ноющих мышцах.

— Я тебе покажу — девчонка! Сам-то когда в последний раз клинок в руках держал? А ну, пошли!..

Зычно хохоча, мастер-фехтовальщик устремился в Большой зал, где, собственно, и происходили основные тренировки. Подхватив по пути свое оружие, Палома последовала за ним. У входа в зал, как положено, поклонилась медному изваянию, держащему по кривой сабле в каждой из четырех рук — сколько ходит сюда, постоянно забывает спросить у хозяина, что же это за бог такой! — и окинула взглядом зал. Вертаген призывающе помахал ей,

подзывая поближе.

Кроме них двоих, в зале оказалось еще несколько учеников. Давая наемнице время перевести дух, оружейник обошел их, по очереди что-то подсказывая каждому.

Двое — совсем молодые ребята в одних набедренных повязках — сражались в углу на деревянных мечах. Один, проворный и гибкий, теснил своего более мощного, но неповоротливого напарника к стене, наступал угрожающе, нанося быстрые, обидные удары по бокам и по бедрам. Палома не слышала, что сказал им Вертаген, со своей всегдашней ухмылочкой, но после его реплики у здоровяка заполыхали уши, и он заработал мечом с устроенной силой.

Еще один парень, чуть постарше самой наемницы, изнывал в неравной борьбе с деревянной куклой, которую ученики фехтовальщика окрестили не иначе как Палачом. Это устройство, похожее скорее на толстую колоду с торчащими шестами с укрепленными на концах лезвиями, короткими и длинными, было насажено на подвижное основание таким образом, что вертелось после каждого удара, норовя нанести удар другой «рукой» с самой неожиданной стороны.

Клинки были заточены на славу, без дураков, так что к Палачу Вертаген подпускал лишь самых умелых — и то немало шрамов оставили безжалостные лезвия ученикам на добрую память... а с ними и науку уверачиваться от самых невероятных атак и всегда оставаться настороже. Глядя, как пыхтит черноволосый крепыш, прыгая вокруг деревянного чурбана, Палома невольно сочувственно поморщилась. Ее сегодня тоже ожидает это удовольствие.

Еще один ученик был занят сравнительно приятным делом — медленно кружился у закрепленного на стене огромного медного зеркала, оттачивая основные движения боя. Для него безжалостный наставник нашел больше всего язвительных слов. Парень даже остановился, принял обиженное возражать — но в ответ получил увесистую затрещину... и вернулся к работе.

Наконец Вертаген приблизился к последнему гостю, устало сидевшему на скамеечке в углу. Он был самый старший из присутствующих — ровесник самого оружейника. Кажется, припомнила Палома, она уже встречала его здесь. Гортак его зовут, или что-то в этом роде. Ветеран многих сражений, он приходил в тренировочный зал скорее поболтать с приятелями, поглядеть на молодых, изводя их насмешками и придирками... На Палому он прежде не обращал ни малейшего внимания.

Но сегодня, как видно, старый воин скучал, а возможно, прочие юнцы уже успели ему приесться в качестве мишени для издевок.

— Эй, Верт, ты что, решил превратить свой Зал в дом свиданий? Что тут делает эта патлатая?

Палома стиснула челюсти. Сталкиваться с подобной реакцией ей доводилось нередко, и обычно первым порывом было вызвать насмешника на поединок — после чего вопрос зачем она носит на поясе меч, отпадал сам собой. Однако не драться же со стариком... А прерваться с ним — еще унизительнее!..

Краем глаза она заметила, что остальные мужчины тоже отвлеклись и прекратили тренировку, радуясь возможности позубоскалить.

— Правда, что тут делает эта Крошка? — подал голос тот, у зеркала. — Или почтенный Вертаген решил столь необычным образом вознаградить достойнейшего?

К счастью, хозяин зала пришел ей на помощь — а не то Паломе пришлось бы драться со всеми разом.

— Твоих достоинств, Симплициус, не хватит и на локон ее волос! А ты, Горт, помолчал бы лучше. Вспомни хоть ту же Майбену Остроглазую, что воевала с нами в Офире! Разве плохая была рука?!

— Так то когда было, — не желал сдаваться старый воин. — В наши времена...

— Хочешь ее испытать? — прервал его Вертаген с хитрой усмешкой. — Вот и займись делом — а то скоро жиром заплынешь!

Ворча, тот поднялся с места, подошел к Паломе, презрительно меряя ее взглядом.

— Только не на этих твоих деревяшках, Верт. Раз уж явилась сюда — пусть дерется, как мужчина!

Наемница сдержанно поклонилась, не снимая руки с оружия.

— К твоим услугам, почтеннейший. Обещаю сражаться впол силы — из уважения к твоим сединам!

Тот крякнул от неожиданности — и вдруг раскатисто захохотал.

— Ладно, девка, язык у тебя, вижу, острый. Посмотрим, на что ты еще годишься...

Гортах прошелся кругом, разминая мышцы, на ходу скидывая с себя все лишнее, пока не остался в одних штанах и льняной безрукавке.

Шрамы на загорелой коже образовывали причудливый рисунок, словно письмена чернокнижника. Палома восхищенно присвистнула. Скольких же этот седоусый ветеран отправил за свою жизнь прохлаждаться на Серые Равнины?!

Сдержанно поклонившись друг другу, противники встали в боевую стойку. Начинать никто не спешил, каждый пока лишь оценивал соперника. Деревянный пол под босыми ногами был приятно теплым. Это ощущение напомнило девушке о сотнях тренировочных боев, что довелось ей провести в этом зале. Сегодняшний ничем не отличался от тех, прочих, и все же...

Остальные ученики прервали упражнения и во все глаза следили за происходящим. Обычно Вертаген не позволял пялиться на чужие поединки, но сейчас и сам стоял, руки в боки, ухмыляясь, точно предвкушая какую-то забаву. Над кем он смеялся — над ней, или над своим старым приятелем, девушка не знала.

Ага! Седоусый наконец перешел в наступление. Без предупреждения. Только что стоял, небрежно поглядывая по сторонам — и вот уже клинок его, отличный широкий меч северной работы, просвистел у левого уха соперницы... отразить выпад, впрочем, не составило особого труда. Она парировала и нанесла свой удар. Противник отбил его без усилий, даже не стал отклоняться, уверенный, что у него хватит сил отвести ее клинок.

Теперь опять атаковал он, Палома ускользнула, поднырнув под лезвие. Вскоре ей все стало ясно. Гортах был поклонником старой немедийской школы, которую среди знатоков метко именовали «медвежьей». Здесь не было хитрых финготов с подначкой, никаких подлых ударов, «кинжалов из рукава», чем, к примеру, славились те же аргосские фехтовальщики. Равным образом — и никаких особых красавостей. Сила и действенность — таков был девиз «медведей». Расчет на то, чтобы покончить с противником как можно быстрее и с минимумом усилий. Отлично для мощных, закаленных бойцов, каким, без сомнения, и являлся седоусый.

...Проклятье! Увлекшись планированием боя, Палома едва не забыла следить за происходящим сейчас. Удар был сильным — рубящий слева; отбить такой у нее не было ни единого шанса.

Спасла лишь гибкость: она прогнулась, сложившись едва ли не вдвое, и тут же

покатилась в кувырке вперед, подсекая соперника под лодыжки. Париовать он не успел, вынужден был отскочить... и разразился ругательствами.

— Я тебе не горный козел, девка, чтобы так прыгать! Не можешь биться по-людски — так и скажи, рога Нергала тебе в печень!

Палома расхохоталась. Редко удается так быстро нащупать слабое место соперника.

Впрочем, и он ее раскусил, да это было и несложно. В самом деле, смешно предполагать, что женщина в состоянии на равных состязаться с мужчиной в силе ударов.

Поэтому дальнейший поединок сделался подобен бою медведя с осой — в честь которой Палома и заслужила, кстати, свое прозвище. Он рубил наотмашь, с боков и сверху, да так, что воздух гудел, точно буйволиная кожа на барабане.

Она металась, отскакивала, ныряла под удар, колола и жалила... И первая кровь досталась ей — клинок Паломы рассек кожу на бедре воина. Разозленный, он с оглушительным ревом обрушил меч на то место, где она была только что, с такой мощью, что рассек бы девушку надвое, если бы она не ушла в сторону в стремительном перекате. И меч Гортака со стоном вонзился в пол.

Не теряя ни мгновения, она вскочила у него за спиной и приставила лезвие к шее мужчины. — До первой крови, месьор? Это было обычаем для подобных поединков, по крайней мере, в зале Вертагена. Даже когда дрались боевым оружием, после первого ранения наступало перемирие... если только один из противников, в злобе и досаде, не объявлял себя оскорблением и не требовал боя насмерть. На память Паломы, такое случалось лишь дважды... По счастью, сейчас она имела дело не с разъяренным юнцом, который не в силах вынести позора, что его одолела женщина, а с умудренным жизнью воином. Гортак лишь крякнул сердито и с усилием выдернул меч, на добрый сенм вошедший в доски пола.

— Старею, видно...

Подошедший Вертаген хлопнул приятеля по плечу.

— Все мы не молодеем, дружище! Ну-ну, не злись, сам ведь напросился!

Гортак обернулся к Паломе и, не заметив в ее лице ни насмешки, ни презрения, ухмыльнулся и жесткой, замозоленной рукой потрепал ее по щеке.

— Молодец, птаха. Так мне и надо, старому хвастуну. — Он помолчал немного, что-то прикидывая, затем неожиданно подмигнул ей. — А все же держу пари, в другом поединке тебе против меня не устоять. За кувшином вина-то я тебя одолею! Проверим? — Он кивнул Вертагену. — Давай что ли, раздавим на троих твоего аргосского? Осталось еще то, что я привозил из Месины?

Хозяин фехтовального зала расплылся в улыбке.

— А как же. Только давай чуть погодя — видишь тех лоботрясов? — Он показал на остальных учеников, которые под суровым взором наставника неохотно вернулись к тренировке. — Закончу с ними — тогда и выпьем! Да и Оса пусть еще побегает, рано ей праздновать. — Теперь его строгий взгляд уперся в Палому. — Думаешь я не заметил, как ты «поплыла» в начале боя? О чем задумалась, красотка? В зеркало на себя засмотрелась что ли? Решала, куда бантик повязать?! Ты — воин, а не баба, запомни!..

Девушка покаянно потупилась. А она-то вознадеялась, что беспощадный учитель не заметит промашки... не тут-то было!

— Ладно, будет тебе, вон она уже красная вся! — засмеялся седоусый. — Не позорь девку. Разделала меня под орех, так что свой стаканчик вина заслужила! — Он устремил

взгляд поверх плеча Паломы и приветственно помахал кому-то рукой.

— А, привет, парень! Видал, как меня тут сейчас распахали?!

Ей ни к чему было оборачиваться. От звука шагов кожа на спине пошла мурашками. А голос вызвал знакомую сосущую пустоту внутри.

— Застал самый конец. Впечатляюще. Кто же сей юный талант, Вертаген? Один из твоих питомцев?

Он не узнал ее! Паломе стоило больших усилий поднять глаза, чтобы спокойно встретиться с ним взором.

— Так это жен... Палома?!

— Здравствуй, Амальрик. Или я должна говорить — месьор барон?

Он не ответил. Молча смотрел на нее своим странным взглядом, то ли поглощая ее целиком, то ли не видя вовсе.

Гортых тряхнул его за руку.

— Девица! Нет, ты можешь поверить?! Девица сделала меня, точно щенка! До сих пор не могу прийти в себя!

Он не слушал. Все так же не сводя с нее глаз, медленно, в растяжку повторил, словно пробуя имя на вкус:

— Па-ло-ма...

На лице Вертагена заиграла хитрая ухмылочка.

— Так вы с Осой знакомы? Вот уж денек сюрпризов! За это, пожалуй, и впрямь стоит выпить!

Амальрик уже пришел в себя от удивления, мгновенно переходя к радушной, доброжелательной любезности, такой придворно-безукоризнен-ной... и насквозь фальшивой:

— О, разумеется, мы знакомы с госпожой Паломой. Давние друзья, если позволите, медина... — Он склонился на ее рукой. — Счастлив вновь видеть вас, моя госпожа. Жаль, что не могу задержаться, чтобы насладиться беседой...

— Э, нет, не пойдет! — негодующе прервал его Вертаген. — Я уже обещал Горту выставить кувшин аргосского. Неужели ты бросишь старых приятелей в трудный час?!

Лицо барона Торского не выражало ничего, кроме самого искреннего сожаления.

— Увы, увы, Верт, но я зашел лишь попрощаться, никак не могу задержаться. Рад бы, поверь, но...

Он больше не смотрел на Палому. Куда угодно — только не на нее. Она мысленно поморщилась. И с чего она взяла, что стоит им с Амальриком увидеться — и главная проблема будет решена, он примет ее также легко и свободно, как в старые добрые времена. Но здесь не Тора, и они больше не те беззаботные сорвиголовы, не знавшие ничего, кроме своих проказ и шалостей. Амальрик отнюдь не готов был броситься ей на шею при первой же встрече и не горел желанием поделиться со старой подругой всеми своими секретами, как десять лет назад. Напротив, ему, похоже, не терпелось оказаться от нее подальше!

Что же делать? К такому повороту Палома отнюдь не была готова. Что ей теперь — преследовать Амальрика по всему городу? Но его это едва ли приведет в восторг...

По счастью, Вертаген, со свойственным ему упрямством, и не думал сдаваться.

— Что ты несешь, мальчишка?! Скользкий, точно угорь, полюбуйтесь-ка на него! Куда ты собрался, скажи на милость?! За встречу-то мы должны выпить непременно! Я тебя, шалопая, больше года не видел, Горт, вон, тоже забрел на огонек впервые за три луны, да и

Оса только вернулась... откуда, девочка? — Он повернулся к Паломе. — Где тебя носило? Ты говорила перед отъездом, да я запамятали...

Амальрик, безупречный в своем черном наряде — он всегда предпочитал этот цвет, — нетерпеливо переминался с ноги на ногу, явно дожидаясь первой же возможности сбежать, не слушая ни слова из добродушной воркотни Вертагена. Палома, глядя на него, почувствовала, как угасает последняя искра надежды.

Ну, и наплевать, неожиданно обозлилась она. Плевать и на Вертраун — ну, не выполнит она их задания, так пусть катятся куда подальше со своими загадками! — и на самого Амальрика! Подумаешь, старый друг... Она-то, по крайней мере, была искренне рада его повидать, с удовольствием, и даже без всякой задней мысли, расспросила бы о житьебытье... Но его, похоже, их встреча совершенно не воодушевила. Яснее это показать было невозможно! Так и пошел он к Нергалу!

Она повернулась к Вертагену, демонстративно не обращая больше никакого внимания на барона.

— В Коринфии я была. В Коршене.

— Славное mestечко, — неожиданно воскликнул Гортах. — Доводилось мне там бывать. Служил у графа Лаварро — знаешь его?

— Познакомились, — кивнула девушка. Вспоминания подступили, нахлынули, будто только и дожидались удобного мига. Она прикрыла глаза, пытаясь справиться с не вовремя накатившими эмоциями. И потому не сразу осознала, что обращаются к ней.

— Коршен? Ты была в Коршене?!

Она даже не узнала голос Амальрика. Он звенел, точно готовая лопнуть струна. Палома подняла глаза на барона.

— Три дня как оттуда.

Он смотрел на нее не отрываясь. Впервые за все время — смотрел так, словно видел ее.

Уловив перемену настроения, хотя и не вполне понимая ее смысл, старый воин обрадовано пророкотал, подхватывая молодых людей под локоть:

— Вот и славно, за вином обо всем и поговорим. Давайте, давайте, аргосское ждать не любит!..

Гортах тем временем, по-хозяйски распоряжаясь в зале, уже разгонял припозднившихся учеников. Те, впрочем, уже догадавшись, что наставнику не до них, сами принялись складывать оружие и доспехи и вскоре, почтительно откланявшись, исчезли за порогом.

Амальрик же — о, Паломе не так часто доводилось видеть его растерянным! — переводил взгляд с нее на Вертагена, затем на дверь...

— Мне, право, нужно идти, меня ждут в другом месте...

Но если уж у Верта какая навязчивая мысль застrevала в голове, ее оттуда было не изгнать. И сейчас он был настроен выпить с приятелями — о чем без обиняков и заявил барону Горскому.

— Я тебя не отпущу, парень, так и знай! Или, может, хочешь силой попробовать уйти? — Он хитро покосился на молодого человека, зловеще разминая пальцы.

В общем, Амальрику ничего не оставалось, как сдаться.

...И вот уже они вчетвером расположились на открытой террасе, напротив пруда. Заходящее солнце киноварью окрашивает воду, алым поблескивают в его лучах резвящиеся рыбешки... Алым отсвечивает вино в хрустальных бокалах. Гудит и рокочет ветер, запутавшийся в кроне платанов, окруживших беседку. Гудят и рокочут голоса боевых

товарищей, с хриплым смехом вспоминающих свои давние похождения. Гортах рассказывает Вертагену о каких-то новобранцах, которых обучал ратному делу на службе у коршенского графа. Тот хочет.

— Вот так недотепы! Неужели до тебя некому было им показать, с какой стороны лук натягивают?! Скажи, Оса, они там по-прежнему такие недоумки?

Она не слышала ни единого слова из рассказа Гортаха. Улыбается.

— Не знаю. Кровников Месьора я бы недоумками не назвала...

Ей не хотелось этого говорить. Не хотелось, вообще, открывать рот. Но она просто не может удержаться. Она думает о Конане. О Грациане. Она не может промолчать.

— Кровники? Это еще что за птицы? Вместо нее отвечает Гортах:

— Так называли парней, которые служили прежним графам коршенским. Лаварро, когда пришел к власти, был вынужден нанимать новых людей, кровники отказались ему служить. Поэтому нас и наняли — обучить этих деревенщин хоть чему-то...

Он продолжает со смехом рассказывать о своих «деревенщинах». Столько лет прошло — но, как подобает отличному командиру, он их всех помнит по именам. Поднимает бокал за их здоровье.

Палома тоже пьет. Залпом. За тех, чьи имена ей не хочется произносить вслух. За тех, о ком сейчас все ее мысли.

Поднимает бокал и Амальрик, при этом не сводит с нее взгляда, словно напоминает о некоей тайне, известной лишь им двоим. После того, как он спросил Палому о Коршене, он не сказал ей ни единого слова.

— Тебя-то где носило все это время? — оборачивается к барону хозяин дома. — Все по дальним странам? Привез какие-нибудь диковины? — Он поясняет, специально для Паломы и Гортаха: — В жизни такой коллекции, как у этого молодца, не видывал. Откуда он только берет все эти штуки?! Булавы какие-то на бычьих жилах, звезды железные, кинжалы с тремя лезвиями...

— О таких слышал, — оживляется седоусый. — Зингарская придумка! Они ими ловко управляются, эти подлецы-южане!

— Подлецы, верно сказано! — Вертаген негодующе трясет головой. — По мне, так ничего лучше старого доброго двуручника нет и быть не может! Хотя... — Он заговорщицки подмигивает Паломе, — не для всякой руки он годится. Могу понять, что женщине иное оружие привычнее. Что, Оса, терцию-то свою по-прежнему под воротом прячешь?..

В любой другой компании она сочла бы подобный вопрос оскорблением — возможно даже поводом для поединка. У убийцы не спрашивают, где он носит орудия ремесла... однако наставник, похоже, желал показать ей, что бесконечно доверяет всем тем, кто сидит с ними за столом. А она? Доверяет ли им она?

Палома покосилась на Гортаха, сосредоточенно разглядывающего свой бокал.

— Вторую — да, — отозвалась она сдержанно.

Одобрительный хохот — мужчины оценили ответ.

— Вот за что я люблю эту красотку! — Верт обнял ученицу за плечи. — Ум ее так же остэр, как язык, и быстр, как клинок.

— Забыл еще добавить, что глазами она стреляет, как гирканец из лука! — Гортах, похоже, окончательно простил ей свой проигрыш.

И лишь Амальрик по-прежнему молчит, не поддерживая разговор. Вертаген, однако, не отстает:

— Так откуда ты на сей раз, молодчик? Что-то подозрительное затишье в мире наступило, ничего интересного купцы уже сто лет не доносят. Не могу поверить, что ты за весь год нигде не заварил какой-нибудь каши!

Барон Торский пожимает плечами с очаровательной улыбкой пойманного с поличным сорванца. О, это наивно-невинное выражение хорошо знакомо Паломе...

— Ты хочешь очернить меня в глазах своих друзей? Верт, это непростительно! Тебя послушать, так без меня ни одна заваруха не обходится, будь то в Нордхайме, или в Черных королевствах...

— А разве не так?

— Митра свидетель, нет на свете более мирного человека, нежели твой покорный слуга. И лучшим свидетельством тому — то, что весь год я безвылазно просидел в Торском замке. Занимался хозяйством, как подобает рачительному земледельцу. Проверял счета. Даже торговал. Поверишь ли, нам удалось найти серебро в старых рудниках...

— О, избавь нас от подробностей! — взмолился фехтовальщик. — Не позорь эти стены столь невероятными рассказами...

— И вместе с тем, это чистая правда!

Глаза Верталиса округлились от ужаса. Он поспешил доверху наполнить бокал гостя.

— Тогда лучше пей. Пей до дна, только замолчи! Если ты примешься рассказывать, сколько овец и за какую цену продал на ярмарке, я велю Паломе тебя зарезать. И это будет угодное богам деяние! Воину лучше принять смерть, чем превратиться в торгаша!

Амальрик внезапно оборачивается к девушке:

— Таково и ваше мнение, медина?

Ей хочется отшутиться — сейчас не время для серьезных разговоров! — но под его напряженным, совсем не насмешливым взглядом она неожиданно теряется, и готовая сорваться с уст острота льдинкой тает на языке.

— Рожденные в Торе — воины, и никогда не примут иного. Они приходят в мир с мечом в руке — и с ним же уходят!

Кровь говорит за нее. Истина впитанная с молоком матери. Блеск клинка — первое, что видит младенец в их краях. Это то, что роднит их с Амальриком. То, о чем нет нужды напоминать. Их наследие. Их проклятие.

Барон, однако, смотрит на нее едва ли не с жалостью.

— Служение... Вечное Служение, да? Трону. Истине. Богам. Кому угодно — лишь бы служить... Ты до сих пор льешь кровь на этот алтарь, Палома?

Что она может ответить? Когда-то это было для нее бесспорным. Опорой, единственной и самой надежной, на которой покоилось все ее существование. Время заставило многое подвергнуть сомнению. Но сейчас она не готова решить. Пока не готова...

Палома отпивает вина, наслаждаясь терпким, насыщенным вкусом. Затем, осознавая пустоту вокруг себя, это жадное, ищущее молчание, понимает, что не сможет уйти от ответа. Не только Амальрику. Верталис тоже ждет, и даже Гортак. Почему-то им, кажется, очень важно услышать, что она скажет. Они смотрят на нее. Ждут.

— Истина недоступна смертным. Боги непостижимы. Трон занимают люди, и трои — не алтарь... — Слова выходят медленно, словно бредущие на ощупь слепцы. — Мы — воины, все четверо, сидящие здесь. Воина отличает от наемника то, что воин всегда служит Высшему... даже если за службу ему платят золотом, но это лишь внешняя сторона. Всегда есть нечто сверх того. У каждого свое. И у всех — одно. Может быть... честь?

Вертаген смотрит задумчиво. Гортах — торжествующе. Похоже, она сказала именно то, что он жаждал услышать. Старый вояка счастлив, что молодежь не свернула с пути, который ему представляется истинным. Он наполняет бокалы, возглашая здравицу за доблесть и веру.

Лицо барона Амальрика на миг принимает разочарованный вид — и тут же становится непроницаемым.

Что он таит в себе? Палома видит, как сильно изменили его эти годы... однако пока она не в силах постичь сути перемен. Во что он верит теперь? К чему стремится? Ясно одно — перед ней человек, не имеющий ничего общего с товарищем ее детских игр, бессменным спутником и защитником. Кем же он стал, барон Торский?

Словно ощущив давление ее мыслей, Амальрик наклоняется к ней и, воспользовавшись тем, что двое других собеседников увлеклись каким-то своим разговором, произносит негромко:

— Ты тоже изменилась, Палома, теперь я вижу это.

Она не желает этой доверительности. Только не сейчас! И пробует отшутиться:

— Ты об этом? — Указывает на меч в ножнах. — Но ведь я всегда предпочитала штаны юбке, а клинок — куклам, разве не так?

Но еще не закончив фразы, она осознает, что укрыться за шуткой не удастся. Так бывало и прежде — он всегда отыскивал ее, как бы хорошо она ни пряталась. Ей никогда не удавалось сбежать...

Амальрик чуть заметно улыбается, одними губами, глаза при этом остаются холодны, как черные агаты.

— Ты плохо лжешь, Палома. Никогда не умела лгать. Даже самой себе.

Ладно. По крайней мере, уроки фехтования не прошли даром, Верт был хорошим учителем. Она тотчас парирует, ловко переводя разговор в иное русло:

— Как ты, должно быть, рад, что я не стала твоей женой!

Смех. Вертаген с Гортахом тоже хохочут о чем-то своем, и со стороны могло бы показаться, что все трое веселятся над какой-то общей шуткой... Палома отмечает про себя деликатность старых вояк — они чувствовали, что молодым людям есть о чем поговорить и незаметно предоставили их самим себе...

— Напротив, порой я раскаиваюсь в этом, — неожиданно замечает Амальрик. — Возможно, то была самая большая глупость в моей жизни! Горячность молодости, что поделаешь...

Он хорошо заплатил ей, чтобы она исчезла с горизонта, когда его отец стал подводить наследника к разговорам о женитьбе... Как ни странно, Паломе это вовсе не казалось оскорбительным, хотя мало кто понял бы ее точку зрения. Но они с Амальриком всегда были иными. Возможно, это единственное, что роднило их между собой. И по сей день, несмотря ни на что, Палома ощущала это родство. С ним она чувствовала себя свободнее, чем с кем бы то ни было.

Тем более странно, что на сегодняшний день у нее не было врага опаснее, чем барон Торский. И дело даже не в поручении, переданном посланцем Вертрауэна. Его принадлежность к Ордену Кречета... Странная реакция на упоминание о Коршене... вот, где крылась основная угроза! Но пока что Палома чувствовала, что не готова разобраться в этом.

Однако ее друг детства слишком проницателен и слишком настойчив в своих стремлениях. А она и без того дала ему слишком явное преимущество над собой.

Нет уж! Довольно на сегодня. Порой отступление бывает самой выгодной тактикой.

Поднявшись с кресла, девушка танцующей походкой подошла к хозяину дома, тронула рукой за плечо.

— Ты должен простить меня, Верт, но мне пора. Спасибо за этот прекрасный вечер, за вино... Была счастлива познакомиться с тобой, Гортах. Надеюсь, ты не откажешь мне в чести скрестить мечи еще раз — это великолепная школа! — Старый воин расплылся в улыбке. — Однако теперь я должна идти. Меня ждут...

— Как?! — Вертаген схватил ее за руку. — Мы же и не поболтали толком! Ты даже не рассказала о своей поездке, а я обещал тебе показать новые ножи, что мне привезли из Аргоса...

Она виновато улыбнулась.

— Не в последний раз видимся. Митра свидетель, неужто ты думаешь, что теперь, пока я в столице, ты так легко от меня отделаешься?! Не надейся!

— Вот они женщины! Ветреные изменницы! — С сожалением он отпустил ее запястье. — Ладно, ступай восвояси, демонова дочь. Да смотри, возвращайся, я скучаю, когда тебя долго не вижу!

Она засмеялась.

Амальрик, единственный, вызвался проводить ее до порога. И, едва оказался вне слышимости для оставшихся на террасе, сказал именно то, чего она ожидала:

— Сбегаешь?

Она уверенно встретила его взгляд, не думая отрицать очевидное.

— Даю себе пространство для маневра. Барон усмехнулся.

— Завидная уверенность в себе. Ты, похоже, не сомневаешься, что мы еще встретимся?

На это у нее тоже был готов ответ:

— Конечно, нет. А ты?

И все же следующим своим вопросом он поставил ее в тупик. Впрочем, именно эта непредсказуемость всегда и привлекала ее:

— Зависит от кое-каких деталей. К примеру... есть ли платья в твоем гардеробе? Или ты окончательно перешла на мужскую одежду?

Против воли ей вспомнился наряд, в котором она была на балу у графа Коршенского. Это диковинное одеяние по моде полувековой давности, странная задумка Грациана... Боги! Ну почему мужчины всегда так стремятся играть ею — когда сама она всю жизнь пыталась быть независимой от них?!

Однако в поединке с бароном Торским Палома чувствовала себя не в пример увереннее, чем с коринфийским Месьором. Здесь она хотя бы знала, на какой струне сыграть...

Привстав на цыпочки, она взлохматила безупречно уложенные волосы Амальрика.

— В моем гардеробе найдется все. Даже свадебный наряд.

— И неизменная терция за воротом?

— Да. Вторая.

— Тогда я буду считать часы до нашей встречи.

Склонившись, он коснулся прохладными губами запястья девушки. Маленькая месть за ее недавнюю фамильярность?

...Однако проводить ее до дома Амальрик не предложил. Означало ли это, что он предлагал Паломе первой сделать следующий шаг? В таком случае, считать часы до новой встречи ему придется бесконечно долго!..

И все же — всю дорогу до постоянного двора она улыбалась. Сама не зная почему. Просто

глупая счастливая улыбка никак не желала сходить с ее уст.

* * *

Назавтра ей пришлось отправиться в путешествие.

Как и обещала, Лиланда разведала адрес какого-то колдуна, о котором отзывались как о парне вполне способном, бывшем ученике кого-то из вендейских магов. Чернокнижник обитал где-то на окраине Шенорского леса, лигах в пятнадцати от Бельверуса.

...Жилище Агамо — так звали мага — она отыскала без труда. Очень скромное, чистенькое, оно ничем не напоминало мрачную пещеру, в которой, по представлению Паломы, надлежало бы обретаться человеку его ремесла. Да и сам колдун, еще довольно молодой, лет тридцати пяти, темноволосый, бледный, напоминал скорее жреца-книжника и выглядел совершенно безобидно. Впрочем, строго напомнила себе девушка, внешность может быть обманчива.

— Купец Гаршель посоветовал обратиться к тебе, — сказала она вместо приветствия, как ей велела Лиланда, — Ты помог ему прошлой весной

— возможно, сумеешь помочь и мне.

— Возможно, — настороженно согласился маг.

— Сматря в чем.

Внезапно колдун переменился в лице. Вскочил. Наклонился к наемнице, словно принюхиваясь...

Она удивленно раскрыла глаза. Что это с ним такое?!

— Ты... Ты одна из них, да? Вы таки нашли меня?!

Он был совершенно не в себе, побледнел, по лбу покатились капли пота, глаза забегали, словно он отчаянно пытался отыскать укрытие.

— Ну — где же они? Где?! — Он почти кричал.

Паломе пришлось отвесить ему хорошую затрещину, чтобы хоть чуть-чуть привести в чувство.

— Слушай, парень, — процедила она сквозь зубы. Еще только чокнутых волшебников ей не хватало! — Я пришла к тебе за помощью и готова за это заплатить. Золотом. Если тебе это ни к чему и ты вознамерился биться тут в корчах — так и скажи. Я пойду к кому-то другому...

Мало-помалу взгляд мага принял осмысленное выражение. Кажется, смысл ее слов дошел до него.

— Ты не обманываешь? Ты и правду не с ними?

— Да о чем ты, Нергал тебя раздери?

— О них. Об убийцах. Охотниках на магов! Митра! Что за бред?

Успокаивающе, ласково, словно говоря с душевнобольным, она отозвалась:

— Конечно, нет. Я — обычная наемница. Ни к жрецам, ни к королевской службе никакого касательства не имею. — Тут она слегка кривила душой, но — неважно. — С чего ты решил...

— Я чую их запах. Ты... Может, ты встречалась с кем-то из них. Совсем недавно. Ты могла навести их на мой след! — Голос мага вновь сорвался на крик.

Амальрик... Марициус ведь говорил, что барон Торский был причастен к процессам над

чернокнижниками! Но вслух Палома сказала только:

— Я ничего не знаю об этом. Если кто мне и встретился случайно — я никому не говорила о тебе. Клянусь! Мне просто нужна твоя помощь.

Должно быть, она была достаточно убедительна. Маг поверил ей. Успокоившись, он опустился в кресло и наконец предложил место гостье.

— Тогда расскажи мне, что тебе нужно. Только побыстрее — и уходи.

Вежливый парень, ничего не скажешь! Но привередничать не приходилось: другого колдуна под рукой все равно не было. Со вздохом Палома извлекла из-под плаща загадочную деревянную коробочку.

— Вот. Мне нужно, чтобы ты открыл ее. Судя по всему, она заперта с помощью магии...

Чернокнижник протянул руку за шкатулкой, повертел ее в бледных тонких пальцах, поднес к лицу, обнюхивая все углы, и наконец, поджав губы, произнес:

— Это будет нелегко. Тебе придется оставить ее мне на пару дней. Я почитаю книги, спрошу совета у духов...

Набивает цену? Или коробочка и впрямь так непроста?

Но выбора не было.

— Смотри, — только и предупредила мага наемница, — Я доверяю тебе, но постарайся мое доверие не обмануть. Иначе я тебя из-под земли достану, и ни духи не спасут, ни демоны! Агамо с достоинством вскинул голову.

— Я никогда не обманываю клиентов. Задаток — десять золотых. Где тебя найти в городе?

Она сказала ему. Затем отсчитала монеты.

— Постарайся управиться побыстрее. Он пожал плечами.

— Постараюсь. А ты — отыщи своего Охотника. И держись от него подальше. Это черные люди. Плохие. От них никому не бывает добра...

Спасибо за предупреждение, хотела сказать Палома, только оно запоздало.

От бодрого расположения духа, в котором она пребывала утром, не осталось и следа.

Чтобы развеяться хоть немного, вернувшись в Бельверус, надо будет отправиться на ярмарку! Покупки всегда улучшали ей настроение...

Глава III

Портшез покачивался, подобно лодке, на могучих плечах рабов-кушитов — очередная любезность соседа-винодела. Впрочем, любезность далеко не бесплатная: Палома пришла в немой ужас, мысленно подсчитывая траты последних дней, куда, если не считать уплаченного чернокнижнику, вошла покупка нескольких платьев — непростительная роскошь, но после Коринфии она не смогла устоять перед искущением... — три кувшина умопомрачительно дорогого пуантенского вина, чтобы отпраздновать возвращение, починка дорожной амуниции и новый набор метательных кинжалов, специально для любимой клиентки прибереженный Амосом с улицы Меченосцев.

В общем, ближайшие дни будем ходить пешком и питаться сухими лепешками, строго сказала себе Палома, поуютнее устраиваясь на мягких подушках портшеза. Хвала Небу, если что, Лил поверит ей в долг — не привыкать! Но, боги всеведущие, куда же она умудряется девать деньги? На что тратит свои — немалые, в общем-то, заработка?! Рачительная Лиланда не уставала пенять подруге на мотовство, но Палома бессильна была что-либо изменить. Чародея попрошу, мрачно пообещала она самой себе, пусть снадобье даст, или кошелек какой-нибудь особый, чтобы золото в нем не переводилось... иначе так недолго и по миру пойти. Тем более, что, похоже, последнее задание Вертрауэна она все же провалит...

Еще пару дней назад будущее виделось ей в куда более светлых тонах. Она не сомневалась, что самое сложное — это отыскать Амальрика и подстроить «случайную» встречу... а дальше все произойдет естественно, само собой, дружески и весело, к полному удовлетворению всех заинтересованных сторон.

Как бы не так!

Ей вспомнилось хищное лицо барона Торского, его рассеянный и одновременно слишком проницательный взгляд, и эта обескураживающая манера с отсутствующим видом задавать вопросы, вызывающие острое чувство неловкости у собеседника... где он только научился такому?!

Впрочем, он ведь считался одним из доверенных лиц короля Гариана, а сейчас, похоже, был готов на все, чтобы занять подобное положение и при Нимеде Первом — более того, отчасти уже преуспел в этом начинании. При дворе и не такому научишься. Сильные мира сего... все они одинаковы — а ей было с чем сравнивать!

Однако подобный ход мыслей заводил слишком далеко, вновь устремляя поток воспоминаний в привычное русло Коршенских событий, и Палома, привычным усилием ума, поспешила воздвигнуть плотину на этом пагубном пути.

Тем временем, рабы уже миновали рыночную площадь, устало затихающую с наступлением вечера, и начали подниматься на Холм Мучеников, где, собственно, и располагался квартал виноторговцев и постоянный двор Лиланды.

У ворот они остановились как раз в тот миг, когда последний лучик заходящего солнца прощально мазнул по конькам островерхих крыш, рассыпая золотые блики по черепице. Легко выскочив из портшеза, Палома вручила каждому из рабов по серебряной монете — в довершение к тому, что уже было заплачено их хозяину, — и поспешила в дом.

В обеденной зале густо, домашне пахло мясной похлебкой и остро, колюче — какими-то диковинными приправами.

— Была на ярмарке, да? — поприветствовала девушка хозяйку.

Та улыбнулась, гордая собой.

— Фэнь-Луань, помнишь его, старичок такой, на печеньй каштан похожий... Привез пряности из Венгрии, Кхитая, даже с самих Радужных Островов... Я нарочно ждала до последнего дня, и правильно сделала! Перед отъездом остатки вполцены распродал — только забирай, да еще вот какую прелесть в подарок! — Она с гордостью продемонстрировала подруге ожерелье из крупных розоватых камней, украсившее ее высокую грудь.

— Ох, не равнодушен он к тебе! — засмеялась Палома. — Смотри, зазеваешься — а он тут как тут! В окно заберется, в ковер тебя завернет, и — поминай, как звали! Очнешься только в Кхитае...

— Не трепись, болтушка!

По знаку Лиланды мальчишка-поваренок уже накрывал стол для Паломы, слева от большого очага, тащил миску с похлебкой, лепешки с сыром, тушеное мясо, вино. Девушка облизнулась, глядя на все это великолепие, и поспешила вооружиться ложкой.

Хозяйка постоянного двора присела напротив, задумчиво отщипывая кусочки лепешки.

— Кстати, чуть не забыла, уж если говорить об ухажерах... — вдруг всплеснула она руками. — Ты-то себе какого красавчика отыскала! Везет же некоторым... То этот варвар-северянин, то теперь настоящий нобиль... Откуда ты их берешь, открай секрет?

Палома застыла, не донеся ложку до рта.

— Какой нобиль, ты о чем?

— Ну как же? Приходил в полдень. Темноволосый такой, весь в черном. Я сперва испугалась — уж больно на убийцу похож... А оказался такой любезный, просто лапочка, мед со сливками...

Хм-м. Впервые на памяти Паломы кто-то назвал Амальрика «лапочкой». Похоже, искусство очаровывать женщин — еще одна сторона придворного обучения, с которой она не была знакома. Забавно то, что ради Лиланды он, судя по всему, расстарался, а вот на нее, Палому, не счел нужным тратить усилия... Интересно, что ему было нужно?

— Он тебя расспрашивал обо мне?

— Нет. Никаких вопросов не задавал — да я бы и не ответила, ты же меня знаешь. — Чистая правда! Несмотря на все свое дружелюбие и болтливость, секреты постоянных гостей Лиланда блюла свято. — Наоборот, сам рассказал. Что вы с ним росли вместе, а потом потерялись и только недавно встретились... — Хозяйка со вздохом закатила глаза. — Ну, прямо как в «Песне о Розе и Рыцаре в Белом»...

Палома, против воли, почувствовала прилив раздражения.

— А чего он все-таки хотел?

— С тобой повидаться, чего же еще? — Лил была поражена несообразительностью подруги.

— Не застал — и ушел, так что ли?

— Ну, да. А — письмо еще оставил!

— Что ж ты сразу не сказала? Давай.

— Оно наверху, у тебя. Он попросил, чтобы я его в твою комнату сразу отнесла. Ну а мне что, сложно?.. — Лиланда встревоженно покосилась на Палому. — Что? Я что-то сделала не так?

Та успокаивающе отмахнулась, с наслаждением принявшиесь за жаркое. Если Амальрику

что-то было нужно выведать, он сделал бы это тем или иным образом, и никто не сумел бы ему помешать.

— Это было до того, как ты отправилась на рынок, или после? — только и спросила девушка.

— До того. Я как раз одевалась на выход, когда он появился. — Теперь Лил забеспокоилась не на шутку. — Да в чем дело, Палома, скажи?! Кто этот человек? Он не друг тебе, да? Что-то плохое случилось?

Как могла, она успокоила подругу, хотя сама отнюдь не чувствовала себя спокойной. В конце концов, Амальрик все же не был ей врагом... по крайней мере, ей хотелось в это верить. Однако теперь ей не терпелось покончить с ужином и подняться к себе. Однако Палома заставила себя доесть, не торопясь; она допила вино и щедро расхвалила стряпню хозяйки — и лишь после этого, запалив масляный светильник, двинулась к лестнице, ведущей к жилым комнатам.

...Письмо ожидало ее — свернутый в трубочку пергамент, словно затаившийся хищный зверек, прыгнул ей в руку, едва она поставила лампу на крышку сундука, служившую также и столом.

Палома развернула послание, расправила пергамент под самым светильником, чтобы легче было разобрать убористый, причудливый почерк. Перечитала текст письма дважды, затем поднялась с места, откинула крышку сундука, где хранился ее женский гардероб, ощупала углы, вытащила верхнее платье, внимательно проверяя, как оно уложено... Со стороны все эти действия могли бы показаться верным признаком безумия — однако Палома, когда вновь подсела к столу, выглядела куда более спокойной, почти умиротворенной. Да, собственно, так оно и было. Покой и умиротворение — это именно то, что она испытывала всякий раз, когда удавалось разгадать очередную загадку, подброшенную жизнью.

Уже без всякого страха и внутреннего трепета, она вновь взяла в руки письмо Амальрика и перечитала его в третий раз, вновь поражаясь витиеватости стиля, еще более разительной по контрасту с простотой мысли, кою сей стиль призван был выразить.

«Драгоценная Палома! — гласило послание. — По размышлении, я пришел ко встречеожившей меня мысли о том, что давешняя наша встреча могла оставить у тебя совершенно превратное представление обо мне и даже внушить ложное впечатление, будто я не рад вновь свидеться с тобой. Ничто не могло бы быть более ошибочным, уверяю тебя! Как-никак, столь давние узы как те, что связывают нас с тобой, невозможно порвать, и даже всемогущему Времени не под силу совладать с путами памяти.

Мне радостно было вновь увидеть тебя после долгой разлуки, радостно встретить человека — одного из немногих! — с кем я могу быть самим собой, изъясняться начистоту и идти прямо к цели.

Возможно даже, во имя старой дружбы, ты позволишь мне пренебречь несколькими обязательными в нашем случае „танцевальными па“ — я подразумеваю под этим партуройку ненароком подстроенных встреч, обмен ничего не значащими и двусмысленными любезностями — ради того, чтобы

напрямую обратиться к тебе с просьбой... ибо сегодня я и впрямь нуждаюсь в твоей помощи.

Так сложилось, что сейчас мне необходима спутница, которая согласилась бы вытерпеть мое общество в ближайшую седмицу или две... при том, что от нее не

потребуется ничего, кроме как быть рядом, да изредка любезно улыбаться окружающим. Я был бы счастлив, если бы ты, Палома, согласилась сыграть эту роль.

Разумеется, дерзость моя не простирается так далеко, чтобы, злоупотребив твоим добрым ко мне отношением (надеюсь, оно еще живо в твоей душе), потребовать столь значительных жертв, ничего не предложив взамен. Вознаграждение будет достаточным, даже по твоим меркам — столичной дамы, привыкшей, как я успел заметить, к роскоши и неге.

Если ты дашь согласие — уповаю на это! — советник Гертран, в чьем доме я остановился, будет счастлив видеть тебя своей гостьей на ближайшие дни.

Любящий тебя, Амальрик»

Со вздохом, Палома отложила письмо.

Теперь, на третий раз, оно не вызвало в ней той первоначальной злости. В предложении барона Торского оплатить ее услуги не было, в общем-то, намеренного желания оскорбить... хотя это тоже нельзя сбрасывать со счета. Тут было нечто иное.

Она была нужна ему. Очень нужна.

Иначе Амальрик никогда не пренебрег бы тем, что он с деланным презрением именовал в своем послании «танцевальными па» — он слишком любил интриги и хитроумные комбинации, чтобы лишний раз не опробовать свои умения. Так что, судя по всему, время его здорово поджимало.

Учитывая интерес барона к ее гардеробу, Палома даже догадывалась, чем была вызвана такая спешка.

Так что обидное предложение оплатить ее услуги, словно какой-нибудь девице из веселого квартала, было, по сути, тоже ходом в игре. Он словно говорил ей: «Вот, я открылся, я говорю честно, что нуждаюсь в тебе. Но докажи, что и я тебе небезразличен. Если сочтешь нужным переступить через оскорблениe, значит, признаешь тем самым, что нуждаешься во мне не меньше...»

Готова ли она была сыграть по тем правилам, что он предлагал?

Да. Готова.

Интересно все же, почему Амальрик так уверен, что она пойдет на это? Он ведь не может знать о поручении, данном Паломе тайной службой короля. Скорее уж, упирает на девичью сентиментальность, на романтический флер прошлого. Может быть, даже льстит себя мыслью, что подруга детства до сих пор к нему неравнодушна... кто знает?

Пусть так. Пока он не догадывается об истинных причинах ее интереса к нему, Амальрик Торский для нее не опасен. А с ним — и Орден Кречета, к тайнам которого так удобно будет подобраться в доме советника Гертрана...

Воистину, все это выглядело даром богов.

Палома была бы счастлива, если бы не застарелая привычка опасаться милости Небес. На ее памяти, подобное везение чаще всего оборачивалось самыми черными провалами...

* * *

Утро, вместо ожидаемой возможности повалиться в постели, понежиться в купальне и

прогуляться по модным лавкам — забыт обет бережливости! — обрушилось вихрем тревог и суеты. Первой вестницей стала Лиланда, ни свет, ни заря постучавшаяся к Паломе:

— Подъем, красавица! Трубачи дали сигнал к бою!

— Что... Что такое?!

В чем мать родила, она вскочила с постели, распахнула дверь. Хозяйка постоянного двора захихикала в ладошку:

— Ну, ты даешь! А если бы со мной были посторонние?

Небрежно пожав плечами, Палома пропустила ее вовнутрь.

— А что, могли бы? Кто-то явился ко мне?

— А то! — От возбуждения Лиланда вся раскраснелась, глаза ее сияли, как два самоцвета. Больше всего на свете молодая вдовушка обожала таинственные приключения, и в этом смысле Палома была ее любимицей: жить с ней рядом было так же захватывающе, как смотреть на представление комедиантов, никогда не знаешь, что случится в следующий миг! — Паланкин прислали, с ума сойти, богатый... Это кто же тебя в гости ждет? Уж не вчерашний ли красавчик?

Неопределенно фыркнув, Палома выглянула в окно. Точно, у ворот постоянного двора стояли пышные носилки, украшенные султанами страусиных перьев; чернокожие носильщики застыли рядом, подобные каменным изваяниям. Причем их было ровно вдвое больше, чем нужно, чтобы нести паланкин, а значит, предполагалось, что сундуки с одеждой отправятся следом, без задержки. Амальрик явно решил ее поторопить...

Мгновенно приняв решение, Палома обернулась к хозяйке постоянного двора:

— Лил, будь душкой... Распорядись мне насчет завтрака. И еще — я бы хотела до отъезда переговорить с Сетриком. Он здесь?

— Да куда же он денется, демоненок?! Внизу, на кухне крутится...

...И завтрак, и юный посыльный уже ожидали Палому, когда она, наскоро собравшись, спустилась в обеленную залу. Мальчуган вытянул шею в предвкушении. Выполнять необременительные и денежные поручения молодой наемницы явно пришлось ему по душе.

— За кем-то еще побегать? — заговорщицким шепотом прошипел он.

Палома улыбнулась, принимаясь за завтрак и дав знак пареньку присоединиться к ней. Тот обрадованно запихал в рот горячую лепешку, не сводя глаз с девушки.

— Бегать не надо. Дом советника Гертрана знаешь? — Тот кивнул. — Так вот... Я буду жить там ближайшую седмицу или больше. Мне нужно, чтобы ты все время незаметно крутился там поблизости, и если увидишь, что я вышла на улицу одна, иди следом и незаметно подойди, когда отойдем подальше. Возможно, мне нужно будет тебя кое о чем попросить, но я не хочу, чтобы кто-то нас заметил.

— Понял. Сделаю.

— А по вечерам будешь возвращаться сюда, к Лил, узнавать новости. Скажешь мне, когда вернется киммериец. Помнишь, здоровый такой парень, со мной был?

— Еще бы! — При упоминании о Конане Сетрик пришел в восторг. — Вот уж кто силен мечом махать!.. Это все?

— Посмотрим. — Палома надеялась также, что через пару дней придут известия от чародея, но об этом пока говорить было рано. Внезапно ей пришла в голову еще одна мысль. — А скажи, — обратилась она к парнишке, — нет ли у тебя приятеля постарше, кто был бы не прочь уехать на пару дней из города?

— Куда?

— В баронство Тора, это на юге, знаешь? Хочу, чтобы там втихую выяснили все, что возможно, о нынешнем бароне, Амальрике. Только без лишнего шума, не привлекая внимания. Послушать, что в тавернах болтают, в лавках... Есть кто-нибудь на примете?

Поразмыслив немного, мальчуган кивнул.

— Тимро Длиннорукий. Он как раз говорил вчера, что не мешало бы проветриться немного.

Ярмарка ведь была, они там кое-кого пощипали... ну, в общем, он согласится. И много не попросит.

— Лиланда с ним расплатится. Пусть зайдет к ней сегодня. Скажешь ему?

— Не сомневайся!

— Вот и славно...

Разом покончив, таким образом, и с делами, и с завтраком, Палома вышла во двор. Чернокожий раб тут же с поклоном приблизился к ней.

— Милостивая госпожа, нас прислал советник Гертран. Окажете ли вы месьору честь стать его гостьей?

Палома с достоинством кивнула.

— С удовольствием. Я так понимаю, вы готовы забрать и мои вещи?

— Да, милостивая госпожа. Если, конечно, двоих рабов хватит для этого? — Голос его выражал легкое сомнение, как видно, он не привык к дамам, путешествующим налегке. Однако Амальрику-то было прекрасно известно, что у нее всего два сундука... не зря же этот хитрый лис вчера после ухода Лиланды пробрался в комнату Паломы; так что количество носильщиков он определил точно...

И вскоре процесия тронулась в путь.

* * *

Резиденция месьора советника оказалась именно такова, какой ее и ожидала увидеть Палома, — тем более, что во время недавней прогулки с Конаном у нее уже была возможность краем глаза рассмотреть это величественное здание, сделавшее бы честь и самому королю.

...На придворном языке «лэйо», которым Палома хоть и не в совершенстве, но владела, имелось подходящее слово — реанн, то есть «дракон» — что означало высшую точку совершенства, изысканный вкус, отличительная черта коего — достаточность и полнота без малейших излишеств.

Реанн могла быть речь человека, его манеры, одежда... Реапи-маогри, то есть «обителью дракона» был этот особняк.

Он был в меру старым, чтобы показать, что хозяин не из недавно разбогатевших купчишек, но ухоженным, демонстрируя достаток владельца. В меру большим, чтобы произвести впечатление, но не настолько, чтобы подавлять гостя...

Выстроенный в форме подковы, с изящными колоннадами, облицованный серым гаронским мрамором, он притягивал взор строгостью форм и гармонией линий. Прямая, как стрела, дорога вела от главных ворот ко входу, пол конец делая широкую петлю для разворота экипажей.

Выйдя из паланкина, девушка невольно замерла, прежде чем подняться по ступеням,

ведущим к дверям, охваченная странным чувством нереальности происходящего.

Если не считать ее и чернокожих носильщиков, вокруг не было ни души. Не сновали слуги, не было слышно привычного для больших усадеб гомона. Даже ветер как будто притих, смущенный всем этим великолепием. Как это было непохоже на баронское владение в Торе — там древний замок из черного камня напоминал скорее утес, превращенный грубыми руками великанов в некое подобие человеческого жилища Интересно, как чувствует себя здесь Амальрик? Или за эти годы он успел привыкнуть к роскоши?..

Тем временем, один из рабов, обогнавший Палому на ступенях, с почтительным поклоном распахнул перед гостью тяжелые двери. Ей ничего не оставалось, как войти.

Внутреннее убранство дома ни в чем не противоречило внешнему впечатлению. Девушка оказалась в просторном холле, где пол был выложен каменными плитами; белые стены не имели иных украшений, кроме двух гобеленов справа и слева от входа и родового герба семейства над огромным камином, жарко полыхавшим в глубине залы. Огонь невольно манил к себе, к тому же, в этой мертвенно-тишине и неподвижности Паломе внезапно сделалось зябко, и она поспешила пересечь холл, протягивая руки к пламени

Так онаостояла какое-то время — пока за спиной не раздались легкие шаги, и она обернулась, полагая увидеть служанку, которая отведет ее к хозяевам дома.

Но это была не служанка.

Навстречу Паломе, сгустившись по винтовой лестнице, скрывавшейся в левом углу залы вышла женщина... о, наемница не сразу нашла бы слова, чтобы описать ее достоинства. Пожалуй, тут спасовал бы и искушенный в лести придворный поэт... Очень высокая, на полголовы выше гостьи, она отнюдь не страдала от затаенной неловкости, свойственной большинству женщин, привыкших смотреть на окружающих сверху вниз. Статная, величественная, не стесняющаяся подчеркнуть свой рост сложной башенной прической, она двигалась с изяществом и грацией, какие чаще встретишь у танцовщиц. Фиалковые глаза в пол-лица смотрели приветливо-снисходительно, чистый лоб и правильный тонкий нос с небольшой горбинкой довершали впечатление нездешней чистоты форм.

Она вся была... *реанн*. И других слов здесь было не нужно!

На хозяйке дома — а в том, что перед ней супруга Гертраиа, Палома не сомневалась, — было облегающее домашнее темно-синее платье, отороченное белоснежным мехом. На шее красовалась подвеска-слеза: огромный, оправленный в серебро сапфир. Такой же камень был и на указательном пальце женщины — иных украшений она не носила.

...Палома поймала себя на том, что плялится бесстыдно, точно деревенщина. Покраснев, она поклонилась, презирая собственное смущение, и все же стыдясь своего простенького дорожного наряда, небрежно заплетенной косы, огрубевших рук с мозолями от меча.

Голос женщины также был безупречен — богато-звукный, с чуть заметной хрипотцой и переливами интонаций, каким бы позавидовала и флейта.

— Добро пожаловать в наш скромный дом, медина. Надеюсь, вам будет здесь уютно. Я — Аргивальда, супруга советника Гертрана.

Палома представилась.

Несколько мгновений женщины молча смотрели друг на друга. Наконец губы хозяйки сложились в улыбку.

— Муж досадовал, что не сможет приветствовать вас лично, однако вы задерживались, а им с Амальриком было пора уходить. Слуги уже перенесли вещи в отведенные вам покой. Это в правом крыле, на втором этаже. Не желаете ли взглянуть?

Разумеется. Хотя больше всего сейчас Паломой владело малодушное желание сбежать обратно к Лил, в уют и тепло.

И ведь не то чтобы ее смущало богатство и роскошь, нет! Ей не так уж редко доводилось бывать в домах знати. Даже на балу у графа Коршенского, среди враждебной толпы придворных она чувствовала себя, как рыба в воде... но здесь было нечто совсем другое. Подавляющее. Гнетущее. Несмотря на все свое совершенство этот дом производил впечатление ледяной пещеры. Ей было зябко. Она с тоской оглянулась на пылающий в камине огонь — но даже языки пламени показались внезапно нереальными, холодными, словно нарисованные.

Следом за Аргивальдой она поднялась по винтовой лестнице и двинулась по коридору, ведущему в боковое крыло. Хозяйка, не замедляя шага, покосилась на гостью сверху вниз.

— Значит, вот вы какая, подруга Амальрика... Странно, я представляла вас иной.

Палома подняла брови.

— Он говорил обо мне?

— Ну, конечно... Мы давно советовали ему... как бы точнее сказать... подыскать себе кого-нибудь на эту роль. Женщины, которая могла бы сопровождать его повсюду. Особенно теперь, когда он стал бывать при дворе. — Она засмеялась низким грудным смехом. — Вы же знаете нашего короля... О, у Нимеда столько странных предрассудков! Точнее, я думаю, это Рэлея настраивает его. С тех пор, как она вновь забеременела, ей не нравится видеть холостяков среди тех, с кем водит дружбу ее венценосный супруг. Опасается дурного влияния, я полагаю...

Наемница молча ожидала, что будет дальше. Ей уже многое становилось ясно. Она не ошиблась.

Приняв молчание гостьи за робость, хозяйка дома продолжила, уже не скрывая насмешки:

— Как бы то ни было, если наш милый Амальрик желает преуспеть, он должен явить двору даму сердца. Разумеется, заводить с кем-то серьезные отношения ему бы и в голову не пришло, ну а я... — Она вновь переливчато засмеялась... — В конце концов, я же не могу сопровождать их с мужем — обоих, это могло бы быть понято превратно, не так ли? — Она лукаво покосилась на Палому, словно желая убедиться, что до той дошел смысл прозрачных намеков. Каменное лицо девушки как будто воодушевило ее. — Так нам и пришла мысль, что он должен нанять кого-то со стороны. Но, разумеется, не тех девиц, которые обычно выполняют услуги за деньги, ведь здесь потребно и надлежащее воспитание, и умение вести себя в обществе... В общем, вы, дорогая моя, оказались идеальным вариантом. — Ее испытующий взор уперся в лицо Паломы. Как видно, затянувшееся молчание гостьи все же нервировало Аргивальду.

В ответ девушка растянула губы в улыбке:

— Я тоже рада, что все так устроилось, медина. Помочь другу детства — для меня удовольствие. А немного подзаработать никогда не мешает. Я благодарна вам, что вы так любезно приняли меня...

Эта тирада стоила ей большого труда, ибо вовсе не в характере наемницы было покорно сносить дерзости, а хозяйка дома, ничуть того не стесняясь, пыталась унизить ее, поставить гостью на место. Обычной реакцией Паломы было бы срезать ее парой колкостей, на которые она была такой мастерицей — ибо прозвище «Оса» она заслужила не только благодаря остроте клинка... но сейчас ситуация призывала к благоразумию.

Пусть лучше Аргивальда считает ее безобидной деревенской дурочкой, онемевшей от благоговения перед лицом сильных мира сего. У нее еще будет время свести счеты с этой злойзыкой красоткой...

Мысленно дав себе зарок не покидать этого дома, не поквитавшись за все оскорблении, которых, судя по всему, ее еще немало ждет впереди, Палома молча продолжила путь. Хозяйка дома, осознав, как видно, что ее ядовитые стрелы не достигают цели, также погрузилась в молчание.

Интересно, правда ли, как она намекала, между ней и Амальриком что-то есть — или она выдает желаемое за действительное? Едва ли барон стал бы вести такие игры за спиной советника, от которого во многом зависит, — для этого он слишком осторожен... С другой стороны, Палома не могла себе представить, как бы ему удалось избежать ее чар, если Аргивальда 'всерьез задалась целью соблазнить молодого человека.

...Но вот, наконец, поднявшись на второй этаж, они остановились перед дверью в самом конце коридора.

— Ваши покои, медина, — указала хозяйка. — Наши с мужем апартаменты в северном крыле, если вам что-то понадобится. Там же и комнаты Амальрика... но впрочем, это едва ли имеет значение?..

— Ровным счетом никакого, — любезно подтвердила Палома. — Но осмелюсь спросить: мне показалось, в доме совершенно пусто... Ни слуг, ни гостей... Или так только в этом крыле?

— О, нет! — Аргивальда засмеялась. — Конечно, эта часть дома сейчас пустует, тут живет лишь наш писец, двое домашних жрецов и мой лютнист — все этажом ниже... но что касается прислуки, вы совершенно правы. Им запрещено попадаться на глаза господам, покуда их не позовут. Если и есть что-то, чего я не выношу, так это бессмысленной толкотни челядинцев. Вид черни утомляет, вы согласитесь со мной?

К пресловутой черни она, разумеется, относила саму Палому, равно как и упомянутых жрецов, писцов и кого там еще... И даже не пыталась скрыть презрения, в упор глядя на Палому своими огромными темно-фиалковыми глазами.

Если Амальрик и впрямь был столь глуп, чтобы завести интрижку с этой коброй, — то так ему и надо. Радости ему это явно не принесет! Девушка мстительно улыбнулась.

— Медина слишком добра... Надеюсь, в вашей жизни будет как можно меньше того, что вызывает ваше неодобрение!

— Приятное пожелание, благодарю! — Голос Аргивальды звучал снисходительно, она слегка отаяла: как видно, сперва сомневаясь, к какой категории отнести нежеланную гостью, и оттого провоцируя скопу, теперь убедилась в ее полной безобидности и успокоилась, решив, что Палома не представляет для нее опасности. Она даже могла позволить себе быть доброй. — Сейчас я покину вас ненадолго. Устраивайтесь, располагайтесь и не стесняйтесь позвать слуг, если вам хоть что-то понадобится. Они предупреждены и готовы будут исполнить любую вашу прихоть. Да-да... — Глаза ее лукаво сверкнули. — Любую — я не шучу. Ведь вечерами девушке порой бывает одиноко... Уж мне ли этого не знать!

На это у Паломы было готово сорваться с языка несколько возможных ответов, от утонченно-издевательских, до таких, от которых завяли бы уши у прожженных наемников из хоршемицких казарм... но она лишь стиснула кулаки, так, что ногти впились в ладони, и заставила себя улыбнуться.

— Медина слишком любезна... Для меня большая честь быть вашей гостьей!

Тыфу! Надо будет прополоскать рот, как только она останется одна. И лучше всего — крепким вином, чтобы смыть привкус желчи!

Аргивальда, удовлетворенная, наконец оставила ее, пообещав, что слуги придут проводить гостью в трапезную, когда настанет время обеда.

Запершись в своих покоях, Палома, как была, даже не разуваясь, рухнула на постель, содрогаясь сперва от душающей ярости — а затем от дикого, неудержимого хохота.

* * *

Вскорости, однако, ею овладело странное нетерпение. Дрожь возбуждения, не позволяющая усидеть на месте. Возникла даже неблагоразумная мысль отправиться побродить по дому, однако хозяйка явственно дала понять, что это не будет приветствоваться, а идти на конфликт немедленно по прибытии Паломе не хотелось.

К тому же, ей пришла в голову куда лучшая мысль.

Позвонив в колокольчик, она сообщила подоспевшей на зов служанке, что желала бы привести себя в порядок, принять ванну и сделать прическу. Неизвестно, что сыграло тут свою роль — давящее великолепие дома советника и высокомерие восхитительной Аргивальды, желание доказать, что и она, скромная наемница, может выглядеть достойной подобного окружения... или куда более прозаическое намерение поболтать со слугами и выведать у них побольше о хозяевах дворца... Однако если в первом Палома вполне преуспела, благодаря умелым рукам вышколенных горничных, то во втором, увы, потерпела неудачу.

Нигде и никогда прежде ей не доводилось видеть, чтобы челядь была настолько замкнутой и молчаливой. Даже совсем юная девочка, наполнявшая горячую ванну, лишь глупо таращилась па гостью и заученно улыбалась в ответ на любые вопросы. Чему, впрочем, Палома вскоре нашла объяснение, заметив у той на руках странные красноватые следы — то ли от ударов хлыстом, то ли от ожогов — и поджившие, и совсем, совсем свежие...

Да, Аргивальда, похоже, не стеснялась в средствах обучения!

Наемница все же вознаградила каждую из женщин серебряной монетой, удостоившись в ответ все той же неживой улыбки, и осталась наконец одна, наряженная, причесанная, благоухающая, точно роза... и напряженная, как тетива боевого лука.

Ждать ей, впрочем, пришлось недолго.

...Стук в дверь — и еще одна, незнакомая, служанка склонилась в поклоне перед гостью.

— Госпожа, за вами прибыл экипаж. Соблаговолите отправляться.

— Что-о?

Палома подняла брови, не зная, как реагировать на столь вызывающий приказ, лишь едва прикрытый церемонной вежливостью. Но уже следующие слова женщины развеяли гнев.

— Госпожа, это карета из дворца. Вас приглашает король!

* * *

Как оказалось, служанка была не совсем точна. Его величество Нимед Первый, скорее всего, слыхом не слыхивал о гостье советника Гертрана. Приглашение исходило от королевы.

...Под своды Лазурных Покоев, как именовалось крыло дворца, отведенное Ее величеству, Палома входила во власти сложных чувств. От столь стремительного вознесения ей было слегка не по себе: дочь скромного торского дворянина едва ли могла когда-либо надеяться даже просто побывать на Большом Выходе, куда приглашали всю знать королевства, и удостоиться лицезрения монаршей четы на расстоянии хоть в сотню шагов; теперь же ей предстояло войти в Малый Круг и, может быть, даже лично беседовать с королевой Рэлеей, — стоит ли удивляться ее волнению!

Лишь мысленные упражнения для достижения сосредоточения перед боем, привычные Паломе куда больше, чем придворные реверансы, помогли ей преодолеть мерзкую дрожь в коленях и выровнять дыхание, когда двери внутренних покоев наконец распахнулись перед ней.

Однако помимо благоговейного трепета была еще и злость. Да что злость — жгучая ярость! Амальрик, будь он тысячу раз проклят!.. Как он мог так бездумно бросить ее в самое пекло, ни о чем не предупредив, не соблаговолив даже встретить, объяснить что к чему?! Она даже не знала, чего он ждет от нее — и что ждет ее саму. Что он рассказал во дворце о ней, об их отношениях?.. Ведь ей придется говорить с придворными, отвечать па какие-то вопросы... Боги! Что же делать?!

Впрочем, бешенство всегда помогало Паломе взять себя в руки. Если она ляпнет что-то лишнее — пусть Амальрик и расхлебывает, зло усмехнулась она, приседая в низком поклоне на пороге комнаты. Цепкий взор наемницы мгновенно охватил всю картину.

Просторная светлая зала, вся в цветах, стены обитые голубым шелком, синие ковры на полу. Дамы — не меньше двух дюжин, тесным кружком сидят вокруг одной-единственной, в пышном белоснежном платье, с распущенными волосами, убранными под золотую сетку.

Рэлея.

При появлении гости она обернулась, и лишь когда дворецкий зычно объявил имя новоприбывшей, коротко кивнула, но тут же подала знак фрейлине, сидевшей у ног госпожи на низенькой скамеечке с пергаментным свитком в руках. И та немедленно возобновила чтение какой-то поэмы. Другая дама, чуть поодаль, принялась наигрывать па лютне, аккомпанируя чтице.

Задержавшись на мгновение в дверях, но не дождавшись ни от кого подсказки, что ей надлежит делать дальше, Палома, мысленно пожав плечами, спокойно прошла в центр зала и, заметив чуть поодаль от основной группы свободный табурет, обитый синим бархатом, осторожно уселась, расправляя платье, а затем исподтишка принялась разглядывать присутствующих.

Странно, что Аргивальды здесь нет. Госпожа советница не входит в число приближенных королевы? Или сегодняшний день — исключение?

Остальные фрейлины заметно уступали супруге месьора Гертрана и красотой и, хвала Небу, надменностью. Палома отметила несколько очень милых, живых лиц и подумала даже, что с такими девушками ей было бы приятно поболтать немножко... если, конечно, они примут ее в свой круг. Ибо не следовало все же забывать, кто они — и кто она.

Не то чтобы ее скромное происхождение как-то унижало Палому, о нет! Она привыкла чувствовать себя свободно с людьми как самого низкого, так и самого высокого происхождения — благо, меч в руках — это великий уравнитель. Но сословные границы и

предрассудки существовали, и забывать об этом было бы глупо!

Что касается самой Рэлеи, то, как ни странно, королева показалась наемнице простушкой, каким бы неподходящим ни было это определение. У нее были круглые, чуть навыкате, карие глаза, добрые, но какие-то пустоватые, а улыбка — одновременно рассеянная и чуть капризная. В манерах ее не было ни особой властности, ни достоинства, каких стоило бы ожидать от повелительницы могущественной державы.

Впрочем, напомнила себе Палома, королева ведь в тягости, а это состояние сильно меняет женщин...

Задумавшись, она едва не пропустила момент, когда чтение закончилось, — и вздрогнула от неожиданности, ибо Рэлея внезапно повернулась к ней.

— Как вам понравились стихи Ринальдо, Палома? Простите, что не поприветствовала вас сразу, как вы вошли, но я так люблю этого аквилонца... мне непременно хотелось дослушать!

Если бы она еще слышала хоть строчку! Наемница склонила голову.

— Ваше величество! Эти стихи прекрасны, но для меня еще большую прелесть придает им то, что я имела честь наслаждаться ими здесь, рядом с вами... — Она могла лишь надеяться, что это прозвучит достаточно «придворно».

И, похоже, не промахнулась. Заметив, как заулыбались одобрительно фрейлины, Палома поздравила себя с удачным выстрелом.

— Не сидите же там в стороне, идите сюда! — Королева указала гостью на место неподалеку от себя. — Мы все так хотели познакомиться с вами! Право, ваш нареченный был слишком суров, лишая нас общества такой красавицы!

Нареченный, ну надо же! Палома стиснула зубы, не переставая улыбаться. Убью подлеца, когда увижу!..

Она грациозно опустилась на указанное ей место.

— Амальрик не виноват, ваше величество, не судите его слишком строго. Я не так давно вернулась в столицу...

— Да, он говорил, вы были в отъезде, — вмешалась в разговор пожилая дама, сидевшая одесную от королевы. Взгляд у нее был любезным, но остро-цепким, пронзающим, и наемница мгновенно почувствовала себя неуютно, словно ее уличили в самозванстве. — Разве приличествует молодой даме разъезжать одной, без мужа?

От допроса с пристрастием Палому спасли две молоденькие, похожие, как два бутона с одного стебля, блондиночки, захихикавшие и замахавшие руками на пожилую блюстительницу нравов:

— О, госпожа Масена, как вы можете быть так суровы?! И ведь он еще не муж ей... — Они доверительно прощебетали, обращаясь к Паломе: — Ведь правда? И если вы передумаете за него выходить, скажите сразу нам! Он такая прелесть, ваш Амальрик! Мы...

— Девочки! Девочки! — Королева попыталась быть строгой, но против воли и сама засияла смехом. Чувствуя милостивое настроение Рэлеи, остальные юные особы также развеселились. На Палому градом посыпались вопросы. Где они с Амальриком познакомились? Как ей удалось окрутить такого завидного жениха? Давно ли они вместе? Будут ли жить в Бельверусе после свадьбы, или вернутся в Тору?.. Последнее предположение привело фрейлин в ужас, и Палому заставили дать торжественную клятву, что она не посмеет лишить двор столь чудного кавалера.

...Поначалу она смущалась, стараясь отвечать как можно более уклончиво и кратко, по

постепенно всеобщее дружелюбие растопило панцирь настороженности, и наемница неожиданно почувствовала себя в этом девичнике свободно, почти как с Лиландой или с Рингой. Даже местные ревнительницы приличий, такие как дама Масена, видя благожелательность королевы к гостье, сменили гнев на милость.

На зов Рэлеи откликнулись слуги, принесшие кувшины с вином, фрукты и сладости. Палома, у которой с раннего утра не было во рту ни крошки, предпочла бы угощение посущественнее... однако вино было превосходным, и она отдала должное напитку, охлажденному как раз в должной мере.

Постепенно интерес к гостье иссяк, фрейлины принялись болтать между собой. Королева вполголоса обсуждала что-то с девушкой, читавшей стихи Ринальдо; лютнистка вновь стала негромко наигрывать незатейливую мелодию, и Палома уже начала гадать про себя, когда ей прилично будет откланяться... Неожиданно кто-то тронул ее за локоть:

— Так вы тоже остановились в доме советника Гертрана?

Обернувшись, она увидела, что к ней обращается молодая женщина ее лет, темноволосая, в роскошном платье цвета спелой вишни, пожалуй, слишком открытом и вызывающем для этого женского собрища.

— Да. — Мгновенно, Палома перешла от благодушной расслабленности к настороженности. От этой собеседницы исходила едва уловимая угроза.

Та растянула губы в улыбке.

— Так, стало быть, вы знаете, когда возвращается Зервальд?

Наемница покачала головой.

— Я даже не знаю, кто это такой.

— Вот как?.. — Женщина надолго 'замолчала. И неожиданно усмехнулась, весьма многозначительно: — Что же, буду рада просветить вас. Это брат милейшей Аргивальды — они очень... дружны с вашим Амальриком. На вашем месте, я бы, пожалуй, даже начала ревновать... Им было очень неплохо вместе — и я что-то не замечала, чтобы Амальрик чересчур скучал по своей невесте. Это не тревожит вас, моя дорогая?

Ого!

Когда она меньше всего была к этому готова, — такая внезапная и злая атака...

Все еще намереваясь свести разговор к пустой болтовне, Палома мирно отозвалась:

— У Амальрика много друзей.

Но красотка не унималась. Чего она добивается, интересно знать? Движет ли этой мегерой обычная зависть и злоба — или она преследует какую-то цель своими грязными намеками?

— Да, друзей, это вы верно подметили. Женщины его привлекают куда меньше!

Ах, стерва! Глядя той прямо в глаза, Палома медоточиво улыбнулась.

— Амальрика привлекает лишь одна женщина — и это я. По мне, так этого вполне достаточно!

Черноволосая, похоже, намеревалась добавить что-то еще... но, похоже, передумала. Несспешно поднялась с места и, на прощание одарив наемницу таким взглядом, от которого и молоко бы скисло, царственno удалилась.

Ошеломленная, Палома еще некоторое время смотрела ей вслед, пока негромкий melodичный смех не вернул ее к действительности:

— Чего хотела от вас эта кобра?

Одна из девочек-бутончиков смотрела на наемницу широко раскрытыми голубыми

глазами; в них не было ни тени злобы, лишь веселое любопытство. Палома с благодарностью улыбнулась в ответ:

— Сама не знаю. Кажется, хотела мне напомнить, что мир — отнюдь не столь гостеприимное место, как мне на миг показалось.

Девушка захихикала.

— О, Маргели, она такая! Не обращайте внимания, она просто злюка. К тому же, она с первого дня положила глаз па вашего жениха, а он на нее — никакого внимания. Ну, — она заговорщицки подмигнула Паломе, — Теперь-то, увидев вас, мы поняли, почему!..

Столь неприкрытое восхищение поразило наемницу. Меньше всего она готова была встретить такую искреннюю доброту здесь, при дворе. Чуть смягчив выражения, она сказала об этом своей собеседнице. Та понимающе кивнула:

— Конечно, в Большом Дворце все иначе. Там интриги, вся эта грязь... Но королева старается оградить нас от этого. Сюда, в Лазурные Покои, приглашают не по благородству рождения, а по личным достоинствам, только тех, кто приятен Ее величеству. Думаю, Маргели доживает среди нас свои последние дни! А вот вас мы все были бы рады видеть чаще!

Палома развела руками.

— Это зависит не от меня.

— О, неправда! Вы понравились королеве, я это сразу заметила. И раз вы невеста Амальрика — вам всегда будут рады во дворце!

Вот это было Паломе совершенно непонятно. Похоже, ее «жениха» тут все хорошо знали и — что особенно поразительно, учитывая непростой нрав барона Торского — искренне любили! Но когда он успел завоевать сердца всех этих дам? Он всего одну луну в Бельверусе, а прежде король Нимед отнюдь не благоволил к молодому вельможе...

После нескольких очень осторожных вопросов она узнала ответ — и не могла не поразиться проницательности и расчетливому уму своего друга детства. Теперь ее не удивляло то, что рассказывал о прошлых похождениях Амальрика Марициус. Все вполне сходилось...

Барон отыскал самый короткий и верный путь к сердцу королевы — через ее сына. Заинтересовав юного наследника и его друзей с помощью нехитрой игрушки, он в считанные дни сделался в Малом Дворце самым желанным гостем.

Затем принц привел отца познакомиться со своим новым другом — нечего и сомневаться, что Амальрик сумел очаровать и короля. И теперь он стал при дворе своим человеком.

Быстрый, безошибочный способ. Блестящий замысел — и превосходно реализованный!

Однако вопрос, который задал Паломе Марициус, оставался по-прежнему без ответа. Зачем ему все это?!

Но об этом не мог сказать никто, кроме самого Амальрика.

Что же. Значит, ей придется спросить напрямую. Как-никак, он у нее в долгу после сегодняшнего...

* * *

Ждать возможности для расспросов долго не пришлось. Пожилой слуга с поклоном

явился в покой королевы, чтобы сообщить госпоже Паломе, что ее ожидает жених. Рэлея отпустила гостью с видимой неохотой, взяв с нее обещание бывать во дворце почаще, и наемница ничуть не кривила душой, когда пообещала ей это.

Но когда она вышла из Лазурных Покоев на свежий воздух и торопливо зашагала вслед за слугой по извилистым дорожкам сада, она была собрана и готова к бою. И, завидев вдалеке невозмутимо ожидающего ее Амальрика, с трудом заставила себя потерпеть до того момента, когда они наконец останутся одни.

— Ну, ты со мной не скоро расплатишься! — Таковы были ее первые слова.

Барон Торский, однако, не обратил никакого внимания на это шипение рассерженной кошки. Ласково улыбаясь, он приобнял Палому за плечи.

— Я знал, что ты отлично справишься, дорогая!

Но ее было не так легко умилостивить.

— Дорогая!.. Верно, тебе это очень дорого обойдется!

— Ну... — Он засмеялся, обнажая белоснежные зубы. — Что за меркантильность? Я, право, ожидал от тебя иного!

Палома саркастически подняла брови.

— Чего же? Что я буду руки тебе целовать за то, что ты ввел меня в столь возвышенное общество? Ах, какая честь, право!

На холеном лице барона мелькнула тень досады. Он отпустил ее плечи.

— Не надо сцен, прошу. Это совсем на тебя не похоже. Тем более, ты же не думаешь, что я намеренно подверг тебя такому испытанию. Это не в моих интересах, прежде всего. Честно говоря, я извелся за это время — что там с тобой, о чем тебя спрашивают, что ты отвечаешь...

— Не ляпну ли какой глупости... — в тон ему подсказала Палома.

— И это тоже. Хотя, конечно, если бы я не полагался на тебя, то никогда бы не рискнул таким образом. И... я очень благодарен тебе, Пал. Веришь?

Неожиданно для самой себя, Палома обнаружила, что они разговаривают совсем как когда-то раньше, лет десять назад, без всей этой враждебной настороженности, что возникла при недавней встрече. И он даже назвал ее тем, прежним именем... На сердце у нее потеплело. Она положила руку Амальрику на локоть, и они неспешно двинулись по дорожке.

— Ладно, я уже не злюсь. Если честно, я просто перепугалась до смерти. Видит Митра, это хуже, чем драться одной против троих... Но, — тут же добавила она воинственно, — все равно это не означает, что мы в расчете. Ты задолжал мне кое-какие объяснения. И, клянусь Небом, я не шевельну больше ради тебя и пальцем, пока ты не расскажешь, что замыслил и ради чего понадобился весь этот маскарад!

...Она думала, он не ответит. Амальрик молчал долго, сосредоточенно уставившись куда-то вдали, на едва тронутые осенним увяданием деревья сада. В тишине слышно было натужное гудение жуков в траве, далекие женские голоса, смех, звонкие детские выкрики, — должно быть, фрейлины вывели на прогулку юного принца и его друзей по играм.

И когда ее спутник наконец подал голос, это было совсем не то, чего ожидала услышать Палома.

— Нас всю жизнь, с самого первого мига, готовили к служению, — таковы были первые слова Амальрика. — Служить Кречету, Митре, Короне... Из нас растили цепных псов, которые гордились бы своим ошейником. — Он горестно усмехнулся. — Посмотри на себя, Пал. Ты, женщина, посмотри на себя!.. Тебя тоже не миновала эта отрава!

Наемница сморщилась презрительно.

— О, только не заводи мне эту старую песню о добной женушке с выводком детишек. Я сама выбрала свой путь — и не будем больше об этом!

Но Амальрик не стал спорить. Похоже, о Паломе он сейчас думал меньше всего. Лицо его стало далеким, отстраненным, словно он взирал на нечто недоступное окружающим. А когда он заговорил вновь, голос его прозвучал неожиданно глухо, искаженно, как будто каждое слово барон выдавливал из себя ценой огромных усилий.

— Отец отдал им Тору, Пал!

— Что-о? Кому отдал?

— Ордену Кречета, кому же еще. Передал им все права на владение баронством.

— Но... зачем?

Его усмешка была едко-многозначительной.

— Чтобы его возлюбленного отпрыска мысли о земном и бренном не отвлекали от Великого Служения, вот зачем. Воин не должен думать о богатстве, ему не нужно ничего, кроме меча и Великой Цели, — так он сказал в своем завещании! Прекрасные слова! Пустые и бессмысленные — как тот баронский титул, что мне остался!

— Я помню, деньги никогда тебя особенно не интересовали, — неосторожно заметила наемница. Амальрик взглянул на нее так, словно готов был ударить.

— Боги, да причем тут деньги?! Разве ты не понимаешь, как это унижительно? Он лишил меня всего, что было моим по праву — как пса морят голодом, чтобы усерднее сторожил дом. Будто у меня нет ни разума, ни воли, ни собственных желаний...

Палома растерянно взирала на своего давнего товарища, не зная, что сказать. Слов нет, старый барон Гундер был человеком со странностями. Суровый, неприступный, как скала, за всю жизнь она ни разу не видела, чтобы он улыбнулся, не слышала, чтобы сказал сыну хоть одно ласковое слово. До сих пор Палома помнила, как убивался Амальрик, тогда еще совсем мальчишка, когда отец с дядей велели ему собственноручно прикончить любимого щенка — только потому что мальчик слишком привязался к питомцу. Митра свидетель, у барона были странные методы воспитания. И эта последняя выходка оказалась вполне в его стиле... Наемница сочувственно поглядела на Амальрика.

— И что ты сделал?

Он пожал плечами, словно говоря: «А что, собственно, я мог сделать?»

— Служил. Что же еще? — Он помолчал, погрузившись в воспоминания. — Пока был жив Гариан, все было неплохо. У короля был непростой характер, но мы ладили. Я стал при нем человеком для особых поручений — точнее, при советнике Донале Оге, — и меня это устраивало. Неплохая жизнь... На службе я нашел применение своим способностям, мне казалось, я приношу пользу и Короне, и Ордену, и все было в порядке, и утрата Торы почти не тяготила меня...

Но потом Гариана сменил Нимед, и все разом кончилось, Палома не была знакома лично с Доналом Огом, о котором говорил Амальрик, но знала, что тот был давним соперником герцога Лаварона, который ныне заведовал тайной службой короля. А Лаварро был человеком Нимеда. Который, придя к власти, поспешил отдать своему верному слуге все привилегии. Донал Ог остался не у дел — а с ним и все былие фавориты Гариана; Лаварро всех их заменил своими людьми и добился, чтобы нигде при дворе никому из них не нашлось места. Большинство, включая и самого советника, отправились по своим имениям, почти как в ссылку... и лишь одному Амальрику оказалось некуда возвращаться.

— То есть, конечно, я мог по-прежнему жить в Торе. И даже добился от Ордена права

принимать кое-какие решения по управлению баронством... согласовывая предварительно каждое со Старейшинами. — Глаза его стали злыми, рот искривился в гримасе ненависти. — Ты не понимаешь, что это такое, Пал — стать беспомощным чужаком на своей собственной земле. Нищим. Никому не нужным. После того, как король вышвырнул меня, словно мусор...

— Но ты все же вернулся?

— О, да. Я провел в Торе больше года. А до того мотался по белу свету, по поручениям Кречета. Желание служить, — оно в нас неистребимо, не правда ли? — Он засмеялся, почти закашлялся. — Это наша страсть. Единственная... Но я все же уехал в Тору. Хотел побывать один, поразмыслить, разобраться для себя кое в чем... Я думал, обо мне давно все позабыли... Как вдруг, совершенно неожиданно, почти две луны назад, прибыл гонец от Ордена. Ты не поверишь — сам Естасиус требовал моего возвращения в Бельверус.

— Мейстер Ес... — Палома поперхнулась. Естасиус был главой Черного Кречета. Фигурой почти мифической — его никто и никогда не видел в лицо, кроме самых высших чинов Ордена. Говорили, он живет как монах-отшельник, погруженный в мистическое созерцание, совершенно отрекшийся от земных забот... И вдруг — послание Амальрику! Пораженная, она воззрилась на своего друга детства, словно видела его в первый раз. — И чего он от тебя хотел?

— Гонец не сказал ничего конкретного. Лишь то, что Долг призывает меня в столицу. — Барон покачал головой. — А здесь меня встретил Гертран — и все изменилось.

— Что ты хочешь сказать? Гертран ведь тоже член Ордена?

— Да, но... Когда ты познакомишься с ним, увидишь сама. Он совсем не такой, как мой отец. Даже не как твой. И он на многое открыл мне глаза. То есть... — Амальрик с трудом подыскивал слова, пытаясь выразить какую-то особенно важную для него мысль. — Все то, о чем я думал, когда сидел один в Торе, часами тупо пялясь в огонь... то, что казалось мне кощунственным, почти преступным... Гертран говорил о том же самом, но очень просто и без напыщенных, высоких слов. Он говорил так, что я сумел понять: то служение, которое навязывалось нам с рождения, — это лишь уродливая форма рабства. В нем нет ни чести, ни гордости, ни истинной красоты. Служение ценно лишь когда оно — добровольный дар свободного человека. А мы были рабами в оковах!

— Не могу сказать, что до конца понимаю, о чем ты, но... — Палома задумчиво закусила губу.

— Ты прав. Отец не имел права принуждать тебя таким жестоким образом. У человека всегда должен быть выбор.

Относились ли эти слова и к ней самой? Амальрик одобрительно кивнул.

— В общем, Гертран заставил меня на многие вещи взглянуть по-иному... Понимаешь, Пал, когда король вышвырнул меня, я разом стал неинтересен и Ордену, меня использовали лишь для мелких поручений, почти как простого гонца... Это было так унизительно — я утратил веру в себя. Мне стало казаться, что я и в самом деле ничтожный человек, не оправдавший ожиданий отца, Старейших... и даже своих собственных. Я презирал себя за слабость и беспомощность! — Он яростно тряхнул головой, отгоняя призраки былого. И злость его была так велика, что Палома не осмелилась предложить ему свою жалость

— да Амальрик и не нуждался в сочувствии. — И лишь здесь, в Бельверусе, я осознал, насколько я заблуждался. То, что я стал жертвой интриг, чужой игры, которая никак не касалась меня лично, это ничего не значит. Человек — это не только сумма его обязательств перед кем бы то ни было, даже перед богами. Человек — это то, чего он сам желает и

добивается.

— И чего желаешь ты?

— О... — Амальрик хищно улыбнулся. — Многое. Так сразу и не расскажешь. Всего того, чего я был лишен с рождения — а это очень немало! Но для начала я должен занять место при дворе, принадлежащее мне по праву. Причем именно мне — а не каким-то великодушным покровителям, которым вздумалось бы взять меня под свое крыльшко! Ибо отныне покровители мне не нужны!

— Но... Как же Орден?

Барон Торский повел плечами.

— Орден использовал меня, я использую его. Если наши цели будут совпадать, я готов служить ему. Если же нет... Я — свободный человек, Палома, — с неожиданной силой воскликнул он.

Та покачала головой.

— Мне с трудом верится, чтобы советник Гертран мог внушить тебе все эти мысли. Человек не может так быстро, за каких-то пару седмиц, отречься от всего, что впитал с молоком матери.

Амальрик кивнул.

— Гертран лишь помог мне осознать до конца то, что мучило меня долгие годы. Причина не в нем — а во мне самом,

— Но чего же ты все-таки добиваешься?

— А разве ты не видишь сама? — Широким жестом барон обвел рукой вокруг, словно включая сюда и этот прекрасный, залитый солнцем сад, и дворец... и весь мир.

— Власть? Положение? Любовь красавиц? — Помимо воли, в ее голосе прозвучала насмешка. Но Амальрик остался серьезен.

— Почему бы и нет. Я честолюбив. И мне претит мысль окончить свои дни нищим, никому не нужным приживалой. Что в том дурного?

— Ничего. Но в том, как ты попал ко двору... Этот обман... — Она красноречиво указала на него и на себя.

Неожиданно Амальрик улыбнулся ей по-мальчишески чарующе и открыто.

— Я, кстати, забыл сказать тебе, как восхитительно ты выглядишь!

— О, нет! — Она негодующе отмахнулась. — Не пытайся лестью подкупить меня, Амальрик Торский! Я знаю все твои штучки наизусть!

— Нет, правда, Пал. Ты... словно расцвела за эти годы. Признаюсь, я был поражен.

В глубине души эти слова были ей приятны. Но она не позволила себе отвлечь.

— И все же...

Барон пожал плечами.

— Обратить па себя внимание их величеств не так-то просто. Ежедневно толпы людей пытаются достичь этого!

— Но советник...

— О, Гертран сделал для меня все, что мог. На другой же день по приезду в столицу, он привел меня во дворец к Малому Выходу, представил королю... Тот скользнул по мне взглядом, отделялся парой пустых фраз. И забыл мое имя, едва отошел на десять шагов. Мне нужно было найти иной путь!

— Через наследника?

— А, так ты узнала об этом?! — Амальрик лукаво подмигнул наемнице. — Неплохо

придумано, согласись?

— Великолепно — Это трудно было отрицать.

— Мне лишь неловко, что пришлось втянуть в это и тебя — но не тревожься. Через пару седмиц королева успокоится на мой счет, поймет, что я добропорядочный вельможа, который отнюдь не собирается сбивать с пути истинного ее легкомысленного супруга... Тогда моей невесте можно будет спокойно отбыть из столицы — а там видно будет. Все, чего я прошу, это чтобы ты согласилась какое-то время играть эту роль. Это не слишком много?

— Это так важно для тебя?

— Да, — с нажимом отозвался Амальрик. — Очень важно. Если королева не будет мне доверять — я никогда ничего не добьюсь при дворе. А она не выносит холостяков и каких-либо намеков на флирт или любовные истории. Все должно быть строго и благочинно...

При этих словах барон сстроил такую постную гримасу, что Палома против воли засмеялась. Однако у нее были еще вопросы. Насчет Аргивальды, Гертрана — и главное...

— Но зачем все-таки Естасиус вызвал тебя в Бельверус? Ведь не затем же, чтобы ты блестал при дворе!

— Ах, это... — Амальрик помрачнел и вдруг надолго замолчал, словно сомневаясь, вправе ли он открыться Паломе до конца. Затаив дыхание, та ожидала ответа, чувствуя, что сейчас может узнать нечто действительно очень важное...

Как вдруг — незнакомый голос окликнул их с другого конца тропинки.

— А, голубки! Рэлея сказала мне, что вы где-то в саду. Амальрик! Не представишь ли меня своей очаровательной подруге?

— Советник Гертран! — Барон обернулся к спешащему навстречу человеку средних лет, в богатой одежде, коротко стриженому по последней придворной моде. — Позвольте представить вам медину Палому...

Наемница едва не взмыла от разочарования. Ну надо же было ему появиться в столь неподходящий момент!

...Ибо то выражение облегчения, что тенью скользнуло по лицу Амальрика, когда советник прервал их разговор, яснее ясного сказали Паломе, что он уже сожалеет о своей откровенности, и, стало быть, разговор их едва ли получит продолжение.

Она уже стояла на пороге какой-то тайны — но дверь захлопнулась прямо у нее перед носом! Тысяча проклятий!

С любезной улыбкой Палома присела в поклоне перед советником.

— Счастлива познакомиться с вами, месьор!

Глава IV

Советник Гертран имел немного шансов понравиться Паломе. Если даже не брать в расчет его супругу, то, что рассказывал о нем Амальрик, вызывало в воображении прожженного циника, интригана-царедворца, озабоченного лишь властью и богатством... Тем более удивительно, что он с первого взгляда вызвал у наемницы симпатию.

Некрасивый, низкорослый, со слишком большой головой для столь тщедушного тела, советник, тем не менее, был наделен обаянием и жизнелюбием, а также поразительной способностью слушать людей с таким заинтересованным видом, словно в этот миг для него на свете не было ничего увлекательнее. Несмотря на ауру значимости и достоинства, которую нельзя было не ощутить, общаясь с ним, Гертран держался с людьми запросто, без тени снисхождения или высокомерия, однако и не запанибратски... Поболтав с ним совсем недолго, в карете, что везла их домой, Палома оказалась совершенно очарована и теперь понимала, как удалось этому человеку за столь короткий срок произвести впечатление даже на Амальрика, обычно весьма сдержанного в своих чувствах.

В его присутствии сама Аргивальда утратила всякую надменность и вела себя с гостями мило и любезно, словно Палома была ее лучшей подругой. Наемница, впрочем, не строила себе никаких иллюзий по этому поводу. Глаза хозяйки дома смотрели по-прежнему хищно и оценивающе...

Главной темой всех разговоров стал, разумеется, визит Паломы во дворец. Ее заставили во всех подробностях пересказать, о чем спрашивала ее королева и прочие дамы, что она им отвечала, кто как на нее смотрел, кто улыбался, а кто был холоден... в общем, к концу этого допроса наемнице показалось, что ее выжали, точно свежевыстиранное белье — и повесили сушиться.

В своем рассказе она постаралась не упускать никаких деталей... если не считать грязных намеков дамы Маргели: повторять ее слова вслух при Амальрике было бы неловко. В общем и в целом, Гертран, да и сам барон Торский остались довольны.

— Вы отлично справились, дорогая, — одобрительно улыбнулся советник, подливая девушке вина. — Теперь дела Амальрика, несомненно пойдут на лад. Вы оказали ему неоценимую услугу...

При этих словах Аргивальда многозначительно повела плечами, ясно давая понять, что она справилась бы куда лучше, и лишь такая простушка как Палома может гордиться столь скучными успехами... но вслух, разумеется, ничего не сказала.

* * *

Если в первые дни Палома все еще недоумевала, почему наличие жены или невесты так важно для успешного продвижения вельможи при дворе, то, чем ближе она узнавала царившие там нравы, тем больше понимала, что у Амальрика попросту не было иного выхода — если, конечно, он не вознамерился бы жениться по-настоящему.

Королева Рэлея, милая и невозмутимая, совершенно преобразжалась, пылая яростным гневом, стоило ей уловить хоть намек на возможную интрижку среди придворных. Целомудрие и супружеская верность были основными темами бесед, на эту тему специально

приглашенные комедианты ставили спектакли, а поэты складывали возвышенные вирши.

Несомненно, все это не лучшим образом сказывалось на атмосфере двора, фрейлины чахли, лишенные возможности пококетничать с кавалерами, а тем приходилось проявлять чудеса изворотливости в поисках сладостных утех... Как это терпел король — сам отнюдь не образчик добродетели — оставалось для Паломы загадкой, и объяснением тому могло быть лишь положение королевы. Покуда Рэлея была в тягости, супруг считал своим долгом потакать ей во всем; когда же она наконец разрешился от бремени... о, сомнений нет, при дворе наступят совсем иные времена! Но до этого оставалось еще четыре луны.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы во дворце не развлекались. За всю седмицу у Паломы едва ли выдался хоть один свободный вечер: она успела съездить на охоту, дважды была приглашена на представления мимов и жонглеров, и даже на Большой Бал.

Ради такого случая пришлось заказать новое платье — на это ушли все деньги, полученные от Марициуса...

С помощником Лаварона Палома встретилась, как только смогла, б самом лестном свете выставив то, что успела узнать о планах Амальрика. Честолюбивый юноша, избравший пусть несколько необычный путь, дабы быть замеченным при дворе, но никакой опасности для Короны, Митра свидетель!.. Все, чего он желает, это служить королю и быть у него на виду. Ничего более. В этом нет ничего противоестественного, ведь правда? Так что совершенно нет нужды подозревать барона Торского в недобрых помышлениях. Вертраун вполне может посвятить себя истинно значительным задачам, не отвлекаясь на пустяки...

Марициус, похоже, встретил этот отчет с облегчением. Он сполна расплатился с наемницей, присовокупив, что спустя какое-то время, возможно, отыщет ее для нового задания. Палома в ответ пробормотала что-то неразборчивое, хотя про себя уже решила, что работать на месьора Марициуса больше не станет. С Рингой было все по-другому, но... Впрочем, она не стала спрашивать его о Ринге. И это тоже о чем-то говорило.

Кажется, вне зависимости от желания самой Паломы, какой-то важный отрезок ее жизни подошел к концу... Но пока она предпочитала не думать об этом — равно как и о том, что принесет ей будущее.

...Больше ни с кем из старых знакомых она не общалась. Видела только Сетрика — тот передал вести от паренька, посланного в Тору.

Амальрик говорил правду о том, что больше не владеет ничем из того, что некогда принадлежало его роду. В остальном же о молодом бароне в его вотчине мало что могли рассказать. Ходили, правда, какие-то странные слухи о чернокнижии — но не подтвердить, ни опровергнуть их было невозможно.

От Конана пока не было известий, и Палома против воли начинала уже тревожиться. Киммерийцу пора было бы уже вернуться из Цера... Она дала себе зарок выждать еще два дня — после чего следовало решить, что предпринять.

Но, в общем и в целом, пока все шло неплохо. Наемница от души развлекалась, погрузившись в непривычный круговорот беззаботной придворной жизни. Единственное, что ее смущало — это отношения с Амальриком.

Все опять изменилось, к чему она совершенно не была готова после их задушевной беседы в саду.

О, разумеется, на людях он был с ней неизменно любезен. Во дворце, когда они появлялись там вместе, или сталкивались случайно, он уделял своей «невесте» ровно столько внимания, чтобы никто не мог упрекнуть его в небрежении... Но теплота и

искренность вновь остались в прошлом.

Похоже, барон сожалел о своей откровенности, о том, что допустил Палому в святая святых своей души. В доме Гертрана он держался прохладно, дистанционно, всеми способами уходя от любых расспросов.

Мысленно Палома усмехалась, что еще немного — и, чтобы окончательно поставить? ее на место, он, пожалуй, еще напомнит ей, что нанял ее на роль суженой за деньги... так что пусть не думает возомнить о себе невесть что!

Такое отношение немало задевало девушку. Ей о многом хотелось бы еще расспросить Амальрика: об Ордене, о Гертране и Аргивальде, даже о том, почему он так дернулся, когда в день их самой первой встречи она помянула Коршен... Но барон словно чувствовал это и всячески избегал оставаться с девушкой наедине.

В конце концов она махнула на него рукой. В конце концов, в жизни есть вещи и поинтереснее, чем тайны барона Торского!..

Тем более, что однажды поутру, когда Палома по обыкновению вышла на прогулку, ее вновь отыскал вихрастый гонец. Задыхаясь от нетерпения, Сетрик сообщил, что на рассвете у Лиланды объявился новый гость.

Колдун Агамо просил наемницу встретиться с ним как можно скорее.

Как ни торопилась Палома, но за юрким мальчуганом она поспевала лишь с огромным трудом — а всему виною проклятые юбки; ведь теперь мужская одежда была для нее под запретом. В конце концов пришлось, плюнув на самолюбие, попросить Сетрика идти помедленнее. И все же она совсем запыхалась, когда ворота постоянного двора наконец показались впереди.

«Все тебе пирушки, да танцульки, красотка! — строго заметила себе наемница. — Вот кончится весь этот маскарад — попрошу Вертагена, чтобы погонял меня как следует. А то так недолго и совсем жиром заплыть!»

...Агамо она отыскала в малой обеденной зале, куда Лил пускала лишь самых близких друзей: боязливый маг, похоже, не хотел лишний раз появляться на людях.

Перед ним стоял кувшин вина и бокал — нетронутый. Похоже, он так нервничал в ожидании, что даже пить не мог. Глаза горели лихорадочным блеском, руки постоянно сутились на столешнице, словно встревоженные зверьки. При виде Паломы он испустил вздох облегчения.

— Ну, наконец-то!

Девушка опустилась за стол напротив, предварительно оглянувшись, нет ли поблизости посторонних. Но они были в зале одни.

— К чему такая спешка, скажи на милость? То от тебя целую седмицу ни слуху, ни духу, а то...

Колдун замотал головой.

— Молчи! Ты не знаешь, о чем говоришь!

Да, чернокнижник явно был не в себе. От напряжения лицо покрылось потом, и он даже начал косить.

— Да что стряслось, наконец? Разобрался ты с нашей шкатулкой?

В ответ маг лишь забормотал нечто неразборчивое — не то молитвы, не то проклятия, и Палома совсем растерялась.

— Забери! — сумела разобрать она наконец. — Приезжай, забери ее!

Она недоверчиво распахнула глаза.

— Так ты ее не привез с собой? Нергал тебя побери, что за ерунда?!

Руки-зверьки заметались пуще прежнего, складывая дрожащие пальцы в знаки, отвращающие зло.

— Будь ты неладна, женщина, что втравила меня во все это! И не смей поминать Темных Богов! Довольно ты мне уже зла причинила!

— Я — тебе?! — Теперь она уже всерьез разозлилась. Взять бы этого трясущегося недомерка — да приложить физиономией об стол! — Слушай, парень, похоже, ты зря тратишь мое время! Объясни, в чем дело — и хватит юлить!

Агамо вцепился в бокал, расплескивая, подтянул к губам, опустошил, налил еще вина, выпил и его. И наконец сумел выдавить:

— Ты должна срочно поехать со мной и забрать свою шкатулку. Я ее не открыл — и больше пытаться не намерен. И рядом с ней не останусь! Так что давай...

— Погоди, — осекла его Палома. — Раскомандовался... Ты можешь толком рассказать, что произошло? Какие-то неприятности?

— Неопрятности? — Маг аж захлебнулся в ярости. — Да ты чуть не убила меня с этой своей штуковиной! Видела бы ты...

— Что?

Но колдун неожиданно замолк, словно язык проглотил. Глаза остекленели, точно видение некоего недавно пережитого ужаса вновь встало перед его внутренним взором. Как ни билась Палома, но ничего, кроме сдавленного «Забери ее!» так и не услышала.

Недоуменно покачав головой, наемница предложила:

— Послушай, сейчас я никак не могу поехать. Путь все же неблизкий... — Сегодня вечером ее ждали в Лазурных Покоях, да и завтра, скорее всего, будет не вырваться. У мага же, как ни крути, а шкатулка в большей безопасности, чем в доме Гертраиа. — Давай через пару дней, а?

Агамо взирал на нее с немым ужасом. Палома развела руками.

— Ты сам виноват. Привез бы ее с собой — не было бы никаких проблем. А так придется подождать. Но... если ты ее не будешь трогать — ничего ведь страшного не случится, правда? — Ей было любопытно узнать, что же произошло, когда маг пытался открыть шкатулку... однако, стоило лишь поглядеть на его искаженное лицо, и всякое желание задавать вопросы пропадало. Видит Небо, иногда простым смертным лучше ничего не знать о делах колдунов! И — проклятье! — она так рассчитывала, что Агамо сумеет разобраться с этой загадкой! А теперь... она терялась, что предпринять. — Так что возвращайся и жди меня...

Но маг в ответ яростно замотал головой.

— Не поеду, пока она там! И не проси! Видно было, что ни уговоры, ни угрозы здесь не помогут. Агамо был слишком напуган.

— А если ее украдут?

На миг к колдуну вернулась тень его былого высокомерия.

— Никто не войдет в мой дом без моего дозволения! Твоя... вещь там в безопасности, можешь мне поверить.

— О-о. — Палома с сомнением поморщилась. — Я уже один раз тебе доверились. Когда ты клялся, что разберешься с этой загадкой за вечер. С закрытыми глазами, так ты, кажется, говорил?..

— Да, — кивнул маг. И неожиданно пробормотал: — Лучше бы и впрямь глаза мои были

закрыты...

Боги, ну и дела!

Что же вез с собой Теренций? Кому — и зачем?! И почему Палому не оставляло чувство, что Орден Кречета как-то связан со всей этой историей?

Может быть посоветоваться с Амальриком? В конце концов, ему доводилось иметь дело с чернокнижием... но она тут же отвергла эту идею. Последние дни Амальрик выказал себя не лучшим собеседником.

Хоть бы скорее возвращался Конан!

Где же ты, киммериец — сейчас, когда ей так нужна помощь?!

Взяв с Лиланды обещание присмотреть за колдуном и известить ее немедленно, как только объявится Конан, Палома вернулась во дворец советника Гертрана.

Где ее ожидал новый сюрприз.

* * *

Непривычная суэта во дворе...

За все время, что она гостила здесь, Палома почти не видела никого из слуг, особняк вечно казался таким же вымершим, как и в тот памятный первый день. Нынче же челясть роилась у ворот, перетаскивая какие-то сундуки, скобля и без того безупречно чистые дорожки, то и дело без всякой нужды кланяясь всем проходящим... Наемница лишь широко раскрыла глаза. Неужто сам король приехал? Да и тогда бы, наверное, не было бы ничего подобного! Разве что объявились одновременно с визитом монархи Аквилонии, Кофа, Турана, да еще, пожалуй, Вендии в придачу!

В большой парадный зал она входила с опаской, словно и впрямь ожидая увидеть там череду венценосцев, прибывших почтить своим присутствием скромное жилище бельверусского советника. И была поражена.

В почтительных позах сам Гертран, его супруга, Амальрик и еще кто-то из домочадцев, застыли полукругом у огромного кресла, в котором, теряясь в необъятных пышных глубинах, восседала крохотная фигурка, одетая в черное.

Палома сперва подумала, что это ребенок. Но тут же осознала свою ошибку, при виде седой бороды. Перед ней был глубокий старик.

И лишь теперь она поняла — кто это такой!

Ее появление не осталось незамеченным. И когда все взоры обратились к ней, Палома сделала несколько шагов по направлению к неподвижно сидящему человеку, помимо воли ощущая трепет и благоговение, сковывающие все члены. Ей стоило огромного труда присесть в поклоне, и еще большего — вновь выпрямиться. И она с трудом узнала свой голос:

— Мейстер Естасиус... Мое имя — Палома. Я дочь Итрана из Торы, пятого фалоньера Ордена. Примите мою службу, мейстер.

Сухая, точно щепка, рука поднялась гостью навстречу.

— Подойди ближе, дитя.

Черные глаза на этом старческом лице словно жили своей отдельной жизнью. Они оценивали, измеряли, проникали как будто под кожу и еще глубже, и у Паломы на миг возникло ощущение, будто Старейшина Ордена видит ее насквозь, за всеми жалкими покровами — видит самую ее душу, без малейших прикрас. Впрочем, он, будто сознавая свою

силу, тут же отвел взор — и жуткое чувство отступило... хотя и не исчезло до конца.

— Так это и есть твоя... подруга? — обратился старец к Амальрику. Тот молча кивнул.

Оsmелившись исподтишка оглядеться, Палома заметила, что и все остальные робеют в присутствии Естасиуса не меньше ее самой. Даже Аргивальда словно бы сгорбилась, притихла и казалась сейчас похожей на робкую девочку, впервые попавшую в свет. Советник пытался сохранять свою обычную невозмутимость, но ему это давалось с трудом. Что же до барона Торского, то на лице его застыло странное выражение, истолковать которое Паломе было не под силу.

— Что ж, рад видеть, что у Иртана такая славная дочь. Ты ведь не осрамила отца, девочка?

Что она могла ответить на это? Отец... Палома глубоко вздохнула.

— Память о нем — факел в моем сердце, майстер.

Тот одобрительно кивнул.

— Хорошо, ступай. Вечером мы поговорим с тобой. — Старик повел головой. — Впрочем, ступайте все. Останься только ты, Гертран. Я хочу узнать все новости о... — Он не договорил, выжидательно уставившись на присутствующих.

Все поспешили откланяться.

Палома так и не узнала, о чем собирался беседовать с королевским советником Старейшина Ордена Кречета.

* * *

Из дворца она вернулась довольно поздно — королева нынче устроила для своих дам что-то вроде женского рыцарского турнира, с бросанием колец, метанием дротиков и стрельбой из лука... Паломе ценой невероятных усилий удалось, дабы не привлекать к себе ненужного внимания, занять «почетное» пятнадцатое место...

Однако нескончаемая суeta этого дня, под завязку наполненного событиями, вызывала у девушки единственное желание — поскорее остаться одной. Нужно было еще придумать, под каким предлогом она сможет на полдня покинуть дом советника, чтобы съездить к Агамо за таинственной шкатулкой, и к тому же решить, что, собственно, теперь с этой шкатулкой делать.

На этот счет у Паломы не было никаких идей. Мелькнула даже шальная мысль вручить ее Марициусу — пусть вертраунские мастера ломают голову, но... обидно для самолюбия. Ладно. Сперва забрать ларец — а там видно будет!

Особняк Гертраиа, как обычно, казался вымершим. Утренняя беготня челядинцев мнилась теперь чем-то нереальным, словно морок. Может, и не было никакого гостя? Уж очень невероятное дело — чтобы сам Великий Мастер, Старейшина Ордена, которого еще называли Небесным Старцем спустился из своей горной обители и приехал сюда, в столицу, почти без escorte, без всякого предупреждения... Хм-м. Скорее Солнцеликий Митра заглянет в один из своих храмов распить по кувшину вина со жрецами — даже это было бы не столь удивительно. На памяти Паломы, Естасиус последние лет двадцать не покидал уединения Тангарских отрогов.

...Неожиданно пожилой слуга окликнул девушку, спешившую по коридору в свои покои.

— Госпожа, вас просили дождаться в Парадном Зале. С вами желали поговорить...

Он не сказал — кто. Да в этом и не было нужды. Благоговейный тон ясно указывал, от кого исходило приглашение. Паломе и в голову не пришло ослушаться.

— А там найдется для меня бокал вина? — спросила она слугу. Тот склонил голову.

— Я принесу, госпожа.

— Тогда подогрей и добавь специй. Вечер нынче зябкий...

С горячей кружкой в руках она переступила порог, озираясь; гулкое эхо разнесло звук шагов по пустынному залу. Нет, пока ее еще никто не ждал. Тут не было ни души. У камина по правую руку стояли несколько кресел и низенький табурет — похоже, не столь давно кто-то был здесь. И, значит, скоро вернется.

Но занимать чужое место Паломе не хотелось. Оглянувшись, она пересекла огромный зал.

...Дом Гертрана, похоже, выстроили не меньше трехсот лет назад — по крайней мере, эту, центральную его часть. Как и во всех подобных замках, стены здесь были очень толстыми, не меньше шести локтей, и в оконных проемах помещались уютные скамеечки — самое замечательное место для человека, которому хочется посидеть в одиночестве, предаваясь своим мыслям за бокалом горячего вина и наслаждаясь видом сумерек, окутывавших город.

Там, снаружи, было очень тихо, лишь порой доносились шаги запоздалых прохожих и городской стражи, да стучали копыта по мощеной улице. Ни тебе истошных воплей возмущенных жен, ни перебранки, ни пьяной драки, как в бедных кварталах... она наслаждалась спокойствием. И в то же время оно раздражало ее. Живя здесь, в этом роскошном дворце, легче легкого позабыть о том, что есть настоящая жизнь!..

...Неожиданно для себя самой, Палома задремала. День все же выдался хлопотный, да еще вино на голодный желудок... Разбудили ее мужские голоса.

— ...Во имя Митры, мой господин! Этот дом — ваш, и всякий человек здесь — ваш покорный слуга; вам нет нужды объяснять...

— Так ли, Гертран? А может, ты просто предпочел бы не знать? Мои объяснения могут оказаться опасны, нарушить твой покой, течение твоей такой славной размеренной жизни? — Голос Естасиуса звучал сварливо, но не зло; так мог бы наставник распекать любимого, но слишком своевольного ученика. — К хорошему быстро привыкаешь, не правда ли? И когда к тебе приходят напомнить о старых долгах...

— Мейстер! — Гертран был преисполнен праведного возмущения. — Разве я когда-либо давал повод усомниться...

Ого... Палома ощутила острую неловкость. Она совершенно не собиралась подслушивать. Если ее обнаружат — это будет позор до конца жизни! Но, с другой стороны, показаться им сейчас — и Гертран никогда ей не простит, что она слышала, как отчитывает его Естасиус.

И пока наемница пыталась решить, как быть, мужчины продолжали вести разговор на повышенных тонах.

— Молодым всегда кажется, будто только им открылась Истина, доселе недоступная никому из смертных, — ворчливо говорил Старейшина Ордена. — Вы только и знаете что твердить: «Ах, мейстер, времена изменились! Ах, нынче все иначе, не так, как в ваши времена!...» Вам кажется, только вы знаете — как надо! На самом же деле, времена всегда одинаковы. Не меняется ни-че-го. Но лишь на пороге вечности понимаешь это...

— Да простят меня боги, но это все мистика и красивые слова, мой господин, — упрямо

взражал советник. — Вам не хуже моего известно, что сейчас положение Ордена совсем иное, чем десять лет назад. Не говоря уж о временах более давних... Тогда мы были в силе. Вербовщики принимали в войска командерий лишь каждого третьего из желающих — больше не было возможности разместить в казармах. Монастыри и школы Кречета не знали отбою от послушников. Наши отряды были ядром немедийской армии, главнокомандующими также всегда назначались сыны Ордена. — Он вздохнул. — Что говорить... я и сам в детстве грезил подвигами Санториуса и Майнара.

— И что же изменилось?

— О, мейстер, вы смеетесь надо мной? Или...

— Нет, Гертран, вести в мою горную обитель доходят исправно. И все же я спрашиваю тебя: что изменилось с тех пор?

С грохотом упал стул — видимо, Гертран вскочил с места.

— Я... Мой господин, так оскорблять меня... я всегда был верен, вы не вправе... — Он задыхался.

Но старик словно и не обращал на него внимания.

— А что думает юное поколение, а, Амальрик? — Так значит, барон Торский тоже с ними?! — Не удивлюсь, если ты мне скажешь сейчас: «Кречет? Какой еще Кречет? Я и думать забыл о таком!»

Неприятно, что в словах этих была своя правда. Как же Амальрик выпутается? От волнения Палома прикусила губу. Ее больше не тревожил скандал, если ее обнаружат. Никогда прежде она не предполагала, что это так интересно — подслушивать!

Голос барона звучал холодно и рассудительно:

— Мейстер Естасиус, я не готов стать гласом поколения и говорю лишь за себя самого... Орден заменил мне отца и мать, ибо матери я никогда не знал, а отец мой и был для меня воплощением Ордена! — Лишь Палома могла оценить двусмысленную, горькую иронию в этих словах. — И если бы меня спросили, что надлежит делать сегодня, я ответил бы так: Кречет должен взять все то, что подвластно его когтям и клову. Если это власть — пусть будет власть. Золото — пусть будет золото. Знания — пусть будут знания... Все, что доступно, мы должны сделать своим! Мы можем действовать открыто — но можем и тайно, ибо есть время хищнику охотиться

Наступило долгое молчание. Палома никак не могла понять, чего старец добивается от советника и чем он так недоволен. Все, что говорил Гертран, было совершенно логично и не нуждалось в комментариях. Лишь слепой мог не видеть, что нынче Орден жил лишь старыми заслугами. При дворе его потеснили иные влиятельные группировки, и Вертрауэн — не последний среди них. Большинство командерий закрылись, школы пустовали. Младшие сыновья даже самых бедных дворянских родов скорее готовы были идти в наемники или в городскую стражу, чем в орденские отряды... v

Конечно, это не означало, что Кречету совершенно подрезали крылья. Нет, ветераны еще крепко держали оборону. Вот только не было притока юных сил — а это означало неминуемый крах Ордена лет через тридцать, когда вымрет старшее поколение, ныне составляющее костяк организации.

Понятно, что все это не по душе Естасиусу — но глупо отрицать очевидные вещи!

Примерно то же самое повторил старику и Гертран. Тот возмущенно закашлялся.

— Да. Именно так рассуждаете вы все. А отсюда — логичный следующий шаг. Довольно с нас всей этой седой старины, забудем возвышенные слова, клятвы отцов, пролитую кровь...

Пора жить в свое удовольствие! Этому научила тебя твоя молодая жена, Гертран? Или это пост советника помог тебе обрести столь утонченную мудрость?! — и есть время планировать охоту. Если Орден не воюет сегодня с открытым забралом — значит, он копит силы, чтобы выступить завтра. И потому правы и вы, майстер, ибо времена всегда одни и те же, но прав и мой друг Гертран, ибо ныне единое время повернулось к нам ночной стороной...

Он перевел дыхание. Палома лишь покачала головой, ибо в том, что провозглашал Амальрик она услышала больше, чем он, возможно, желал. И это сравнение с хищником не пришлось ей по душе. Ведь барон говорил, на самом деле, не об Ордене. Он говорил о себе самом!

А ведь когда-то они вместе были детьми, и он плакал у нее на плече из-за убитого щенка...

На Естасиуса, однако, слова молодого человека произвели совсем иное впечатление.

— Отлично! Отлично сказано, мой юный ученик! Ночной стороной... О, да! Нам выпала нелегкая доля жить в Темные времена — но это и огромное счастье, друзья. Ибо именно нам с вами доведется увидеть рассвет!

— Мудрейший, о чём вы?.. — начал было Гертран. Стариk засмеялся в ответ.

— Неужели ты думаешь, я сорвался с места и устремился сюда лишь из простой прихоти, чтобы проверить, как идут у вас дела в столице? Или чтобы отчитать слишком много возомнивших о себе юнцов? Мне было... знамение, дети мои. Я узрел Реликвию, что возвращается к нам!

— Ре... реликвию... — Советник от волнения начал заикаться. — Неужели мы наконец...

— Да, да, — торжествующе перебил его Естасиус. — Не знаю, как это произошло, ибо вам известно не хуже меня, что Марцеллий умер, не успев отправиться в путь, а наш посланец не сумел отыскать наследника... Однако священная реликвия ныне ближе к нам, чем за все эти двадцать лет. Она совсем рядом — я чувствую это!

— Старческий голос дрожал от волнения. У Паломы что-то екнуло внутри. Она могла бы поспорить на тысячу золотых, что именно по этой реликвии ее добрый друг Конан пару седмиц назад бодро предлагал рубануть мечом... Откуда такая уверенность, она не имела понятия, но сомнений не было ни тени. У нее в руках оказалось именно то, за чем охотился Орден Кречета!.. А Естасиус продолжал: — Когда Глаз займет свое место, все изменится. Вы еще увидите это!

— Вы... — Гертран запнулся, в голосе его слышался страх. — Так вы хотите поднять Меч, чтобы вновь вести Кречета на битву?

Старец долго молчал, прежде чем дать ответ.

— Ты о Коринфии? — неожиданно спросил он.

— Верно ли я понял, что тебя тревожит именно это? Ведь ты возражал еще пять лет назад, когда туда впервые отправился Амальрик. Винсан доносил мне, как вы с ним спорили об этом. И насчет Скавро... я отлично помню, что ты говорил в прошлом году. Тебе ведь все это не по душе, миротворец? Ты предпочел бы достигать своей цели только с помощью сладких словес и золота?

— Тон его был исполнен ядовитого презрения. Но советник возразил неожиданно твердо:

— А что в том дурного? Сколько можно проливать кровь, калечить невинные души — и

во имя чего? Пустых идеалов? Тех самых сладких словес, в которых вы упрекаете меня?! А разве эта ваша Реликвия — не прекрасная сказка? Только вот умирать за нее вы предлагаете вполне реальным людям!

Палома ожидала, что Естасиус взорвется от ярости — но он ответил неожиданно спокойно, почти ласково:

— Я не гневаюсь на тебя, мой друг, ибо знаю, что миг твоего прозрения близок. Кречет сам отверзнет тебе очи... Я не глупец и не пустой мечтатель, и даже не выживший из ума старик, каким бы тебе хотелось меня видеть. Гертран! Реликвия — это единственная реальность. Что же касается коршенских планов... не знаю. Поход на Восток через Коринфию — это была идея Винцана, ты знаешь, с каким жаром он отстаивал ее. По мне же, теперь, когда наше сокровище вернулось в Немедию, захватывать Коршен больше нет нужды. У нас и правда недостает сейчас сил для большой войны... Я буду говорить об этом с Винцаном, возможно, он согласится со мной.

— Но он твой преемник...

— Да. И когда меня не станет — вы будете делать то, что он велит, — жестко отрезал старик. — И довольно об этом! Теперь я хотел бы узнать вот что...

...Дальнейший разговор не представлял интереса для Паломы, поскольку она ничего не знала о тех людях и событиях, что обсуждали мужчины. Впрочем, беседа их не затянулась надолго. Вскоре Естасиус сказал Гертрану:

— На сегодня хватит, день был долгим, и я очень устал.

— Конечно, мой господин. Позвольте, я провожу вас в ваши покой?

— Нет. Амальрик проводит меня. А ты ступай, Гертран, оставь нас ненадолго. Мы продолжим завтра поутру.

Когда тяжелые двери парадного зала затворились за советником, воцарилось долгое молчание. Палома облегченно вздохнула: похоже, скоро у нее будет шанс незамеченной ускользнуть отсюда. Хвала Митре!..

Однако любопытно, о чем Старейшина Ордена собирался говорить с бароном Торским?!

Амальрик до сих пор хранил совершенно необъяснимое молчание... Совершенно на него не похоже!

Однако этому нашлось еще более поразительное объяснение.

— Благодарю тебя, сын мой, — мягким голосом, совершенно непохожим на тот раздраженно-воинственный тон, каким он говорил с Гертраном, произнес старик. — Ты верно понял мою просьбу — и не стал принимать участие в этом разговоре. Я всегда отдавал должное твоему уму, но всякий раз ты еще более вырастаешь в моих глазах. Спасибо. Ты помог мне исполнить задуманное наилучшим образом.

— Могу ли я узнать — что именно? — почтительно осведомился молодой человек.

Естасиус сухо засмеялся.

— Окажи мне высшее доверие, не задавай вопросов. Тем более, скоро ты и сам сумеешь все понять. Обещаю, что не буду долго томить тебя неведением. Ты — не Гертран, мне нет нужды лукавить с тобой.

— Гертран... — В голосе Амальрика слышалось сомнение. — Вы как будто недолюбливаете его, мейстер, однако... Он умный человек. И предан Ордену, несмотря на то, что его взгляды не всегда совпадают с вашими.

— О, да! Умный — это верно, мне и в голову не пришло бы отрицать очевидное! Однако он умен... и одновременно прост. В отличие от тебя, сын мой. Именно поэтому, несмотря на

то, что, как тебе кажется, твои взгляды расходятся с моими еще сильнее... О, не отпирайся, молю, не надо этого оскорбленного вида, мальчик!.. Все это лишь иллюзия, когда-нибудь ты поймешь... Так вот, несмотря на все это, именно ты — истинный Сын Кречета. Как птенец, едва оперившись, ты стремишься вылететь из гнезда — но непременно вернешься, рано или поздно. Что же касается твоего столичного друга, такого умного и такого простого, он всегда останется лишь солдатом. Тем, кто исполняет приказы. И невысказанную волю тех, кто эти приказы отдает. Как бы он сам ни был уверен в обратном...

— А я, значит...

— А ты сейчас останешься здесь. Я уйду — а ты останешься ненадолго. Чтобы проводить твою подружку, которая, сдается мне, уже устала от наших заумных разговоров. Но она слышала все, что я желал, чтобы она услышала. И на сегодня этого довольно. Доброй ночи, мой мальчик. Доброй ночи...

Послышался шум отодвигаемого кресла. Шорох шагов. Скрип затворяемой двери.

Палома сидела не шелохнувшись — даже когда затянутая в черное фигура Амальрика выросла перед ней.

— Так ты была здесь — все это время?! Она подняла на него глаза.

— Ну да. Ты же не думаешь, что я влезла в окно к концу нашего разговора.

Барон Торский коротко засмеялся.

— Зачем он это устроил?

— Я думала, ты мне скажешь об этом! — Палома в изумлении тряхнула головой. — Боги, а я-то думала, он просто усталый, выживший из ума старик...

Амальрик пожал плечами.

— Так думали многие. И жестоко раскаялись в своей ошибке.

Она не стала больше спрашивать его ни о чем, поскольку спросить хотелось только об одном — о Коршене, пять лет назад, — но почему-то она была уверена, что он не ответит.

В молчании он проводил девушку до дверей ее покоя, и лишь у самого порога внезапно произнес:

— Все это... странно. Как будто что-то ведет нас. Какая-то сторонняя сила. И я не уверен, что она желает нам добра...

С этим трудно было не согласиться. Вот уже который день Палому мучило то же ощущение, и для нее облегчением было узнать, что она не одна.

— Каждый из нас выбрал по жизни извилистую тропу — не мудрено, что на ней кружится голова. Порой я сожалею о прямых путях...

Он кивнул с пониманием и сочувствием. Но сказал лишь:

— А я — никогда.

И, не дожидаясь ответа, зашагал прочь по коридору.

* * *

Следующий день преподнес негаданный — и одновременно столь долгожданный! — подарок. В Бельверус наконец вернулся Конан.

Палома встретилась с ним у Лиланды.

Усталый, похудевший, с волчьим блеском в глазах, северянин с жадностью расправлялся с огромным куском мяса, запивая вином из лучших запасов гостеприимной хозяйки. Завидев

наемнику, он пристал ей навстречу и стиснул девушки в объятиях.

— Ох, отпусти! — засмеялась она. — Ну, как ты? Я уж начала беспокоиться.

— Не спрашивай лучше, — отмахнулся он. — На обратном пути повстречал старых приятелей, встряли в одну заварушку...

Только сейчас она заметила свежий шрам у него на предплечье, вопросительно подняла брови. Но киммериец, похоже, был не расположен посвящать ее в свои дела, и она почла за благо не настаивать.

После недолгой болтовни о том, о сем, Палома наконец перешла к главному:

— Ну, выяснил ты что-нибудь в Цере?

— Еще бы, — хмыкнул варвар.

План наемницы сработал на ура. Теренций и в самом деле пользовался услугами факельщика, которому пара монет без труда развязали язык. Он отвел северянина к дому, куда ходил незадачливый парнишка накануне своей гибели, и поклялся, что больше тот ни с кем не встречался — а стало быть, там и следовало искать убийцу.

Дальше, однако, начиналось самое интересное.

Хозяином дома оказался некий Бестон, почтенный старец лет семидесяти, бывший жрец, ушедший на покой. Проживал он там один, как перст, если не считать нескольких слуг, не менее преклонного возраста.

— Как же так?! — Палома была потрясена.

— Вот и я ничего не мог понять, — согласился киммериец. — Честно скажу, мне не терпелось забраться туда и потолковать с этой развалиной по душам — но ты просила этого не делать, и я решил не портить тебе игру. И тут мне повезло.

Утомившись от бесцельной беготни по городу, северянин заглянул в таверну по соседству с домом месьора Бестона — и не преминул разговориться с тамошней служанкой. Она-то и рассказала киммерийцу о гостях старика.

— Ей это запомнилось, потому что жрец всегда держался особняком, никого не принимал, да и сам носу из лома не казал. А тут явился, вина у хозяина купить самого лучшего. Мол, для столичного гостя ничего не жалко... Причем важный такой, от гордости раздулся. Конечно, девчонкам любопытно стало. И одна этого гостя прекрасно разглядела.

— Столичного?

— Вот-вот. Стоит ли говорить, что явился он дня за три до нашего приезда — а уехал ровнехонько на следующий день, как Теренций отдал Митре душу...

Палома затаила дыхание.

— Твоя подружка сказала, как его звали?

— Нет. Этого они не узнали. Но описала в подробностях. Лет сорока, невысокий, почти коротышка, а голова крупная, с залысинами. Одет скромно, весь в черном, но видно, что к власти привык. Губы тонкие, улыбается все время, но взгляд острый, холодный. И самое главное — на левой руке нет мизинца. Вот так-то.

Палома молчала так долго, что под конец, не выдержав, варвар тряхнул ее за плечо.

— Эй, что с тобой.

— Все в порядке. — Она постаралась, чтобы голос ее звучал нормально. Гертран!..

Знал ли Гертран все это время, что она — это она? И как ей теперь поступить? Хватать таинственную шкатулку и уносить поскорее ноги?

Ну уж, нет, жестко сказала себе наемница. От опасности она никогда не бегала! И пока

не разберется во всей этой истории — с места не сдвинется!

Однако теперь возникла новая угроза. Если советник видел ее, то видел и Конана, а это означает, что киммериец в опасности. К ней самой ему будет не так просто подступиться, а вот у северянина нет никаких высоких покровителей; с его-то возможностями Гертрану не составит труда добиться, чтобы Конана схватили, бросили в темницу, пытали, да и вообще... страшно подумать, на что он способен, если решит, что это может помочь ему добыть драгоценную Реликвию.

Вот только для Ордена ли он старался? Палома в этом сомневалась. Ведь, самое главное, он ни слова не сказал Естасиусу!

Наемнику охватило пугающее ощущение, что отпущенное им с Конаном время утекает стремительно, точно песок сквозь пальцы. Досадно, что не удастся отправиться за шкатулкой вдвоем — она-то рассчитывала на помощь киммерийца, — но ничего не поделаешь. Она справится и в одиночку. Сейчас самое главное — вывести друга из-под удара.

— Ну, и что теперь? — В голосе северянина звучала тревога, он явно почувствовал неладное.

Палома замешкалась с ответом. Ей очень не хотелось произносить эти слова, ибо знала, какая реакция воспоследует — и все-таки выбора не было.

— Ты должен немедленно вернуться в Коршен.

— Что-о? Скажи мне, что я ослышался! А как же ты?

— Со мной все будет в порядке.

— Но Грациан — что я должен передать ему?! Такого она не ожидала — точнее, старалась не думать об этом. Однако сейчас, чтобы он поверил и сделал то, что необходимо, придется быть резкой. Даже солгать. Притвориться. Лишь бы он поверил — и согласился уехать.

И еще... Эта мысль причинила ей боль, но — на этой струне также придется сыграть. У Конана слишком развито чувство долга. Он никогда не бросит товарища, если решит, что тому грозит опасность. Значит придется выступить совсем в иной роли — чтобы он решил, что ничем не обязан Паломе!

— С чего ты взял, что должен что-то передавать? Грациану до меня дела нет. Он мне никто — как и я ему!

— Вот как? — Он прошел это сквозь зубы; получилось зловеще, Палому невольно передернуло, но она заставила себя смотреть северянину в глаза. В конце концов, она пошла на это сознательно. Хотя боль от этого не стала меньше...

— Да. Так.

Тот несколько мгновений молчал, словно силился сказать что-то но слова не шли с языка. И наконец треснул кулаком по столешнице, едва не разломив надвое.

— Кр-ром! А я-то смотрел на тебя и думал — вот, бывают женщины, непохожие на других, такие, о которых мужчина может только мечтать. Годные не только в постели развлекаться, по и в бою прикрыть спину, и на пирушке здравицу поднять, и... А, да что говорить! Ты оказалась такой же, как все остальные!

Вот оскорблять себя она ему права не давала! Чтобы успокоиться, Палома стиснула рукоять кинжала.

— Кто — позволил — тебе — судить — меня?

— А что тут судить? — Он отмахнулся. — Ты можешь себе это объяснять как угодно, придумывать тысячи возвышенных причин, как это водится у вас, в цивилизованных краях... Но от правды никуда не денешься. Ты струсила. Тебе не нужен калека, увечный. Куда лучше

найти молодого, здорового... Да, не прячь глаза, Лил мне уже нашептала, что ты тут зря времени не теряла!

Наёмница скрежетнула зубами. Это надо было так все вывернуть наизнанку! Ей что — оправдываться теперь?.. Она испугалась, что в своей игре зашла слишком далеко. Но было слишком поздно что-то менять. Придется пройти этот путь до конца.

— Ты мне не нянька, и Лиланда — тем более. А с Амальриком — это совсем другое... — Неожиданно резкая боль обожгла пальцы — вместо рукояти она схватилась за лезвие ножа! Но была слишком распалена, чтобы обращать внимание на такие мелочи, даже на кровь, струйкой стекающую по руке. — Конан, ты, как верный пес, готов встать на защиту своего друга. Но, скажи, ты не задумывался — почему он послал тебя со мной?

— Зубы-то не заговаривай! Охранять тебя, тысячу раз повторял...

— Нет, я не о том. Почему именно тебя, не кого-то из кровников?

— Ну?

Палома попыталась усмехнуться, но улыбка получилась скорее похожей на оскал. Не в первый раз она, благодаря остроте ума, проникала в хитросплетения замыслов Грациана — но впервые это не вызывало у нее никакой гордости.

— Он выбрал самого привлекательного. В надежде, что за время путешествия либо ты соблазнишь меня, либо я сама в тебя влюблюсь. — Она засмеялась. — Согласись, это решило бы все проблемы!

Киммериец покачал головой. И после долгого молчания вдруг заговорил бесцветным, невыразительным голосом. Совершенно о другом.

— Я никогда не рассказывал, как мы с ним познакомились? Нет? Это было почти десять лет назад, в Аренджуне. Я там промышлял воровством и однажды забрался пошарить в вещах богатого коринфийца — хозяин постоянного двора меня навел. Вытащил кое-чего из украшений... Прокутили все, как водится... А через два дня он ко мне пришел. Сам, в одиночку. Говорит, хочу познакомиться с парнем, который впервые в жизни меня перехитрил. Он-то думал, его охрану не обойти, и комнату не взломать... ну, не на того напал, я ему так сразу и заявил. — Не глядя, северянин налил себе вина и одним глотком осушил всю кружку. Налил еще — и выпил вторую. — Короче, я драки ожидал, что он потребует золото вернуть — но нет. Это надо знать Грациана. Гудели мы с ним еще добрую седмицу, все кабаки аренджунские обошли. Ох, веселые деньки были! Он на прощание только попросил показать, как же я сумел замки вскрыть... чтобы кровники запомнили наперед. Показал, что таиться...

— А дальше?

— Дальше... в прошлом году случайно встретил знакомца — он наёмником в Кофе был, Жгутом звали. И он мне рассказал, что лет пять назад был в Коршене, свел знакомство с Месьором. И тот, когда узнал, что Жгут — мой приятель, просил, чтобы меня отыскал. Якобы, беда у него какая-то, беспокойство. И я мог бы помочь.

— Это еще до того, как...

— Да. Жгут меня не нашел. Может, забыл, может, не сумел. Я не знал ничего. А потом проездом был в Коринфии, оказался не у дел, дай, думаю, загляну по старой памяти к Грациану... А он уже без ног. Какой-то подлец его из арбалета ранил, вскоре после того как он Жгута за мной отправил. Так что...

— Но ты не виноват! Откуда тебе было знать? Конан пожал плечами.

— Виноват — не виноват... Не в том дело. Просто Грациан мне как брат. Я сам ему зла никогда не сделаю — и другим не позволю!

Палому это поразило. Северянин всегда казался ей натурой хоть и открытой, но грубоватой, не склонной к проявлениям чувств, однако... Кто бы еще смог поведать такую историю с тем же достоинством и простотой?

— Ты не понимаешь, — наконец произнесла она. — Это именно то, чего я хочу — не причинять ему боли. И он сам хочет того же. Поэтому и дал мне уехать. Он знал, что я не вернусь.

— Знать... и надеяться — разные вещи.

Еще немного, и она сломается. Палома сорвалась:

— Да кто ты такой, чтобы говорить от его имени?! Почему мнишь себя вправе решать за других?.. Уезжай, Конан, прошу. Я... я дам тебе письмо для Месьора. А на словах — скажи, я прогнала тебя. Можешь рассказать про Амальрика... про что хочешь. Это не имеет значения.

Северянин поднялся с места. Он смотрел теперь на нее, как на пустое место, и острая боль потери ожгла сердце наемницы — сильнее, чем порез кинжала на ладони, с которой все еще капала на пол кровь.

Что я натворила?! — билась в голове безумная мысль, — Боги, что же я натворила?!

В своей попытке защитить друга от опасности, она потеряла его — и не только его одного. Но поворачивать вспять было слишком поздно.

Тем временем, киммериец, все так же глядя сквозь нее, прошел:

— Что ж, воля твоя, женщина. — И, развернувшись на каблуках, стремительно вышел прочь.

Мгновение Паломе хотелось броситься следом, закричать, что все это ложь, что она никогда... но вместо этого она уронила голову на руки — и зарыдала. Так горько, как не плакала с десяти лет, когда умерла ее мать.

Глава V

Сосновый лес поутру, залитый розоватым солнечным светом, с его прямыми, янтарными стволами-колоннами, недостижимо высокими изумрудными кронами, раскинувшимися, точно купол, с пронзительными голосами птиц, торжествующих, оттого что вновь солнцу, их божеству и кумиру, удалось выиграть схватку со зловещей ночной тьмой, — любого путника это зрелище настроило бы на возвышенно-поэтический лад. Любого, но не Палому.

Ее взор отмечал лишь признаки увядания и распада. Там — болотце с гниющей ржавой водой; там — трухлявый пень, облепленный поганками; там — рои мошкеры над трупиком белки... Большой же частью взгляд ее просто скользил, ни на чем не задерживаясь, и уpirался в никуда. Она смотрела — и не видела. Внимала — и не слышала. И лаже интуиция отказалась ей в этот день, ибо пусто было сердце, и терялся в пустоте его голос.

А ведь Агамо тоже пытался предупредить ее!

Колдун, разнежившийся под крыльышком у Лиланды, не выказал никакого желания отправиться восвояси. Паломе потребовалось чуть не за шиворот волочь его на конюшню и бросать в седло. И то он еще всю дорогу ныл и жаловался, не переставая. Наемница под конец пути уже начала искренне сочувствовать делу охотников за магами — по крайней мере, одного из этой братии она сейчас с превеликим удовольствием поджарила на костре. Без всякого сострадания!

Когда они прибыли на место, ворча и стеная, Агамо вручил наконец девушке заветную шкатулку; та внимательно осмотрела ее, но коробочка выглядела в точности как две седмицы назад — гладкая, целехонькая и нетронутая. С видимым облегчением чернокнижник проводил гостью до порога. Впрочем, она не ушла, пока он не исполнил еще одну, последнюю просьбу.

Это обошлось ей в пять золотых монет — и немного времени. «На сдачу» Агамо выдал ей:

— Я же предупреждал: не якшайся с охотниками! Но женщины никогда не слушают, все норовят сделать по-своему. Так что не вини меня потом... Они совсем рядом!

Но Палома не обратила на эти слова ни малейшего внимания.

...И вспомнила о них лишь чуть позже, в лесу, по дороге обратно в город. В тот самый момент, когда от пронзительного, заливистого свиста жеребец ее взметнулся на дыбы — а затем внезапно рухнул, как сраженный стрелой. И сама она, выплетев из седла, почувствовала, что не в состоянии даже рукой двинуть, чтобы подняться с земли... как будто незримые липкие путы сковали все ее тело.

Двое мужчин — она не могла их видеть, только слышала шаги и тяжелое дыхание, — приблизились сзади. Подняли Палому за плечи. Третий, споро и ловко обшарив седельные сумы, подошел и ухватил девушку под колени. Совершенно незнакомое лицо. Наемник, судя по одежде.

— Давайте, пошевеливайтесь! — окликнул знакомый голос. — В охотничий домик все! А ты, Байлаг, присмотри за лошадью. Сейчас она оклемается — и сразу веди ее за нами.

Сейчас оклемается... От возбуждения Палома даже не уделила внимания говорившему. Ведь это означало, что колдовство, которым ее свалили — а это несомненно было колдовство! — очень краткого действия. И тут уж следовало не растеряться!

Она так и сделала. Едва только ощутила, как покалывают мурашками занемевшие

ступни и ладони — тут же извернулась, как кошка, вырываясь из лап пленителей, попутно лягая одного в физиономию, другому полоснув по щеке когтями...

Еще миг — и она уже в боевой стойке. В руке зажат кинжал, который эти недотепы и не подумали забрать у беспомощной жертвы...

Она не тратила времени на предупреждения. Наемники еще только приходили в себя от изумления — и вот один из них уже рухнул на траву, захлебываясь кровью, чтобы уже больше никогда не подняться... чем-чем, а метательными ножами Палома всегда владела на славу.

Второй вояка кинулся на пленницу с мечом; она встретила его кинжалом — и терцией в другой руке. Это было уже посложнее — но она не сомневалась, что справится, так велика была ее ярость!

Где-то на периферии зрения мелькнула фигура ошелбеневшего советника Гертрана, явно не ожидавшего такой прыти от беспомощной пленницы. Ну, ничего, с ним она еще потолкует, как только разделается с этим...

— Остановись и взгляни сюда! — прозвучал внезапно повелительный голос. — Ты слышишь меня, Палома?

Ее соперник, воспользовавшись передышкой, поспешил отскочить подальше — явно сознавая, что против этой взбешенной фурии у него нет шансов. Против воли, девушка подняла глаза... и уперлась взором в острие болта взведенного арбалета. Помешкала еще мгновение, чтобы оценить свои шансы — и со вздохом бросила наземь оружие.

— Если бы на твоем месте был мужчина, Аргивальда, я бы еще подумала. Но ты-то выстрелишь, я не сомневаюсь.

Женщина оскалилась.

— Это верно. Моя рука не дрогнет! — и, обращаясь к мужу и наемникам, повелительно бросила. — Ну, что застыли? Уведите ее, живо! Митра свидетель, ни на что без меня не способны!

...Охотничий домик оказался в двух шагах: место для засады явно было выбрано именно с расчетом на это. Здесь Палому связали и примотали веревками к столбу, поддерживавшему крышу. После чего трое оставшихся в живых вояк убрались за дверь — а с пленницей остались лишь советник и его супруга.

Гертран молча взирал на девушку. Наконец бросил отрывисто:

— Ну, и где же она?

— И не унижай нас вопросами: «что?» или «какая еще шкатулка?» — ты прекрасно знаешь, о чем идет речь, иначе не повезла бы ее к этому своему магу-недоучке! — презрительно добавила Аргивальда.

— И подумать только, — сокрушенно заметила Палома, — что все это время первоклассная колдунья была у меня под носом! А я-то думала, что ты обычная ведьма...

Губы статной женщины презрительно скривились. Она уже намеревалась ответить какой-то резкостью, но тут советник предупреждающе поднял руку.

— Помолчи, Аргивальда. Ты еще успеешь побеседовать с нашей... гостьей, после того как она отдаст нам Реликвию. Итак, я повторяю вопрос, медина. Где она?

Если бы Палома могла развести руками, она бы сделала это. Она ведь и вправду не знала! Так она и сказала Гертрану.

— Впрочем, я могла бы помочь вам в поисках, если бы поняла, о чем идет речь!

И прежде, чем муж успел остановить ее, Аргивальда прошипела:

— О короне, дурочка! Речь идет о короне, не больше и не меньше, и я говорю тебе это,

чтобы ты поняла: мы шутить не расположены. Если надо, я сама буду вырывать тебе ногти, чтобы добиться ответа!

— Не сомневаюсь, тебе это доставит наслаждение!

— И еще какое!..

Палома широко раскрыла глаза.

— Но как корона может поместиться в такой махонькой коробочке?

На сей раз ответил Гертран:

— А ты не боишься? Слишком многое знание — верный путь к ранней могиле.

— А как многое знал Теренций? — ответила она вопросом на вопрос.

— Достаточно. Ведь это его отец украл Реликвию у Ордена — а потом двадцать лет прятался в коринфийских горах в надежде, что там Естасиус его не достанет. Бедняге было невдомек, что собственный отпрыск предаст его — чтобы лично вручить Кречету похищенное.

— Только ты встал у него на пути, да, Гертран?

Советник кивнул. Аргивальда самодовольно усмехнулась, блеснув белоснежными зубами.

— Потому что он разумный человек — а не выживший из ума мистик, как этот ваш Старейшина! И если от камешка может быть реальная польза — то какое старик имеет право запирать его в своих сундуках во имя какого-то призрачного «величия Немедии»?!

— Реликвия, именуемая также Глазом Кречета, это один из рубинов, укравших рукоять Солнечного Меча, — пояснил советник. — Нелепое, никому не нужное украшение, которое достают раз в сто лет для напыщенных орденских церемоний. — Он с горечью засмеялся. — И эти дряхлые развалины, растерявшие остатки мозгов, воображают, будто своими песнопениями, молитвами и жертвенными агнцами обеспечат процветание страны! Митра, какие глупцы!

— Ну, а какая же от него «реальная польза»? Продашь и на вырученные деньги вооружить войско?

Гертран покачал головой. В отличие от Аргивальды, он смотрел на наемницу без враждебности, почти дружески. Она вдруг вспомнила, как симпатичен ей казался этот человек все тс время, что она жила в его доме; и он, похоже, питал к ней те же чувства. Но он убил Теренция и чуть не прикончил их с Конаном!.. Боги, как же все запуталось! И во имя чего?!

— Послушай, — обратился к девушке советник. — Я хочу, чтобы ты поняла. Мне не доставит удовольствия твоя смерть — и я рад, что сегодня с тобой не оказалось этого твоего дружка-варвара, потому что уж его-то Аргивальда непременно уничтожила бы на месте, у нее было припасено на этот случай особое заклинание... — Палома вздохнула с облегчением! Значит, все было не напрасно, и ее ложь спасла Конана! — Но ты — дочь Ордена, ты можешь понять... У тебя есть шанс — если встанешь на нашу сторону!

Они предлагают ей это только потому, что не сумели отыскать шкатулку, догадалась Палома. Искали — и не нашли! Хотя явно следили за ней от самого Бельверуса и знают, что Агамо отдал ей Реликвию. Поэтому и пытаются торговаться...

— Так объясни! — потребовала она. — Может быть, мы сумеем договориться!

— Еще торгуется, вот мерзавка! — голос Аргивальды сочился ядом. — Послушай, дорогой, не будем терять время — дай я зайдусь ею, клянусь, она запоет, как птичка! — Глаза, ее алчно блестели. Но Гертран помотал головой.

— Прошу тебя, погоди. Я же говорил, что не хочу лишней крови. И потом — она же подруга Амальрика, а барон...

— Барон куда больше интересуется моим братцем, чем этой «невестой»! — засмеялась жена советника.

— Все равно. Твое колдовство оказалось бессильно отыскать шкатулку. Теперь дай шанс мне. Я уверен, Палома — разумная девушка, она поймет. — Он обернулся к пленнице. — Глаз Кречета бесполезен только в руках этих старых болванов вроде Естасиуса. Отец Теренция первым открыл его тайну, но не сумел воспользоваться... Дело в том, что Реликвия обладает силой притягивать милость богов. В любом деле, где возможно божественное вмешательство.

— Даже при игре в кости? — против воли, наемница хмыкнула. Все это время, незаметно для своих пленителей, она пыталась за спиной растянуть узел, стягивающий запястья. Еще чуть-чуть

— и она сможет добраться до той терции, что спрятана в рукаве...

— И в этом тоже, — серьезно кивнул Гертран.

— Но не только. Помнишь ли ты, какие дела в суде решают Весы Богов?

Палома на миг задумалась, затем отчеканила:

— Обвинения в убийстве для знати, наследство, вступление в должность для жрецов и...

— Она осеклась, вспомнив еще один случай, очень редкий, когда верховные жрецы королевства призывали на помочь божественное правосудие.

— Именно так, — усмехнулся советник. — Когда выбирают нового правителя, если прежний не оставил наследника, или тот еще не вошел в возраст, а имеются другие претенденты, с не менее чистой кровью.

— И ты...

— Да, — с гордостью вмешалась Аргивальда. — В его жилах — кровь немедийских владык. Его отец был родным братом Гариана, и у моего мужа не меньше прав на престол, чем у этого высокочки Нимеда!

Так вот отчего Аргивальда так редко бывала при дворе — ее душила злобы при виде всей этой власти и богатства, которые ей не достались!..

Паломе с трудом удавалось сохранить серьезный вид.

— Но это не сказки? Вы же сами говорили, что Реликвия...

Гертран покачал головой.

— Отец Теренция был живым доказательством. Глаз Кречета помог ему избежать казни за убийство, когда все улики были против него. Рубин наделен силой — и я хочу получить его... теперь ты понимаешь, насколько сильно!

И как далеко ради этого способен зайти, в общем-то, порядочный человек... Паломе вспомнилось, как мейстер Естасиус упрекал Гертрана в том, что жена внушила ему опасные мысли. Старик и не подозревал, насколько он был прав!

— Ну, что? — потребовал уставший ждать советник. — Клянусь, если ты ничего не скажешь нам добром, я попрошу Аргивальду заняться тобой, как бы мне это ни претило.

Проклятье! Совсем немного онемевшие пальцы не доставали до оружия... Она ничего не могла поделать! Палома с ненавистью взглянула на советника и его жену, застывших над ней, точно стервятники, жаждущие поживы.

— Королева Рэлея была добра ко мне, — вымолвила она наконец. — А Амальрик, бедняга, так много сил потратил, чтобы понравиться Нимеду... Боюсь, я ничем не смогу вам

помочь, мои дорогие. Я, правда, не знаю, куда подевалась эта ваша Реликвия. Я попросила Агамо заколдовать ее и спрятать в моих вещах так, чтобы даже я не смогла найти ее раньше, чем через седмицу. Словно чувствовала недобroе, Митра свидетель! — Она засмеялась. — Надеюсь, у вас хватит припасов. Ожидание предстоит долгое!

— Ах, ты!.. — Аргивальда рванулась к пленнице, изо всех сил ударив ее по щеке. Равнодушно подняв брови, Палома плонула ей в лицо. Женщина завизжала, осыпая наемницу проклятиями.

Это было забавно само по себе... и к тому же отвлекало властолюбивую парочку от подозрительного шума за окном, где остались сторожить трое солдат. Счастье, что у Паломы слух куда более тонкий, чем у советника!

...Наконец, когда она уже начала терять надежду — и выдержку, под сыплющимися градом ударами Аргивальды — дверь охотничего домика распахнулась, со страшной силой ударившись о стену и едва не слетев с петель.

— Всем стоять! — раздался громовой бас.

От радости Палома ухитрилась все же отчаянным рывком вытащить из рукава проклятую терцию, полоснула по веревке, второпях оцарапав запястье... Миг — и она уже на свободе.

— Конан! — торопливо выкрикнула она своему спасителю — Женщина — колдунья, будь с ней поосторожнее!

Коротко кивнув, северянин рванул Аргивальду за локоть, и та, уже начавшая было с грозными завываниями размахивать руками, читая какое-то заклятье, бессильно повалилась на пол. Палома, не теряя времени, приставила нож к горлу советника.

...Веревки хватило на обоих пленников. А то, что варвар оставил от троих стражников, в путах не нуждалось. Пора было возвращаться в город.

Паломе стоило немалого труда уговорить Конана вновь расстаться с ней — теперь уже ненадолго. Однако кому-то ведь следовало остаться с советником и его супругой в охотничем домике: они никак не сумели бы провезти такие «трофеи» через городские ворота.

Конан долго противился, предлагая простейший, по его мнению, выход: прирезать обоих — но Палома была неумолима.

— Убивать их ни к чему, — уверяла она приятеля. — В обмен на их жизни я сумею кое-что добиться от Старейшины — но только если приеду к нему одна! Вся эта история — внутреннее дело Ордена Кречета. Мое вмешательство они еще простят, и я сумею получить от них то, что хочу. Но ты — чужак. За одно то, что ты видел лицо майстера Естасиуса, в их глазах, ты будешь повинен смерти. Тебе что, нужно чтобы за тобой гонялись пять тысяч безумцев с мечами в руках?

Северянин презрительно фыркнул, показывая, как невысоко ставит силы Ордена, однако Паломе все же удалось уломать его.

— Мне ничто не угрожает, ведь Гертран изменил Ордену — а я спасла их реликвию. Так что я буду вправе с ними поторговаться...

— Думаешь, они тебе назовут имя предателя в Коршене?

— Ничего не хочу обещать — но надеюсь. Иначе ради чего бы я все это затеяла?!

И вот она вновь здесь, в таком знакомом доме, все больше напоминающем величественный склеп... Не колеблясь ни мгновения, минуя выросших на пути слуг, Палома прошла в парадный зал особняка. Там ее, разумеется, ждали.

Мейстер Естасиус, восседая в огромном кресле, слишком просторном для его скошегося старческого тела, казалось, не ощущал никакой неловкости и казался самодержцем, принимающим послов дружеской державы. Амальрик, переминавшийся с ноги на ногу за спинкой «трона», чувствовал себя куда более скверно. Палома сразу же определила, что он понятия не имеет о том, что должно сейчас произойти.

Помимо этих двоих в зале оказалось еще полно незнакомцев — дюжины три мужчин, в основном зрелых лет и совсем пожилых, неподвижно застывших в две шеренги по обе стороны от Старейшины. Все они были одеты в черное, не в униформе, но неуловимо похожие, точно братья... Тайная гвардия Ордена Кречета! Палома невольно замедлила шаг и лишь усилием воли заставила себя выглядеть также невозмутимо и с достоинством, как все они. Так что из присутствующих явно нервничал один только Амальрик. Почему, интересно?

Под напряженными, враждебными взглядами мужчин, чеканя шаг, она прошла через весь зал, для храбрости представляя, будто рядом с нею бок о бок идут все те, кто мог бы поддержать ее в трудную минуту. Отец. Вертаген. Гортак... Все это было до ужаса торжественно и церемонно...

И только подойдя к самому возвышению, на котором стояло кресло Естасиуса, она все же сорвалась, не удержавшись от зубоскальства.

— Мейстер, — веселым, небрежным гоном, будто к добromу знакомому, обратилась она к нему — Тут у меня случайно затерялась одна странная вещица... По-моему, вам она будет полезнее, чем мне!

Деревянная коробочка лежала на ладони уютно, точно желтый зверек... Но когда Естасиус протянул руку — шкатулку словно сама прыгнула к нему. По залу прокатился затаенный вздох. И лишь тогда старец разомкнул губы:

— Мы ждали не тебя, дитя.

Палома вмиг ощетинилась. Ей и без того было неуютно под всеми этими колючими взглядами — а тут еще, вместо благодарности...

— Что, разочарованы? Старейшина неожиданно усмехнулся.

— Я — отнюдь. А вот они, — он подбородком указал на застывших мужчин, — возможно. Они рассчитывали на добрую драку.

— Так я всегда к их услугам. — Теперь засмеялись еще несколько человек. Палома резко обернулась к ним. — Что, желаете проверить?

Но Естасиус умиротворяюще поднял руку.

— Тихо, тихо, дитя. Мы ожидали возвращения изменника Гертрана — и готовили ему достойную встречу. Никто не мог и предположить, что ты опередишь нас и сама вручишь мне священную Реликвию. Ты — достойная дочь своего отца, теперь я вижу это. И, поверь, Орден не забудет той великой услуги, что ты оказала ему. За это тебе будет оказана честь, немыслимая для непосвященных...

По знаку старца, к нему приблизился мужчина лет сорока, чисто выбритый и стриженый по-солдатски коротко. В руках его был некий длинный, завернутый в черный шелк предмет. Он откинул ткань — и благоговейный возглас вырвался из трех дюжин глоток.

Огромный золотой меч-двуручник полыхнул, озарив весь зал, вплоть до самых укромных уголков. Преклонив колено, мужчина поднес оружие Старейшине Ордена.

Лишь теперь Палома заметила, что рукоять меча украшали самоцветы. Их было не меньше десятка — больших и малых, алых, синих, зеленых... — и лишь центральное гнездо зияло пустотой.

Ни мгновения не колеблясь, Естасиус провел рукой над деревянной коробочкой — и та рассыпалась в труху, золотистым облачком опав к его ногам. На сморщенной ладони остался лежать огромный сверкающий рубин. Бесконечно бережно стариk поднес его к рукояти меча, вставил на место...

Если до этого Паломе казалось, что от меча исходит сияние, то теперь... клинок вспыхнул так ослепительно, что свет этот, должно быть, озарил весь особняк. Еще немного, и соседи кинутся с ведрами тушить пожар, с юмором подумала девушка. Сполохи пламени метались по стенам, выдергивая из полумрака то одну, то другую фигуру, застывшую в ужасе и восторге. Суровые воины не стеснялись слез, катившихся по щекам. И это был не только свет... Палома не сумела бы объяснить — но в эти мгновения всех их охватило невероятное ощущение горного могущества, высшей милости... как будто некое бесконечно благое и могущественное божество объяло их своим крылом, а затем вознесло на сияющую высоту, недоступную простым смертным. И каждый готов был положить жизнь, чтобы оказаться достойным такого величия.

И вдруг все кончилось. Свет померк, оставив в душе пустоту, но не тягостно-гнетущую, а какую-то чистую, радостную. Словно крохотная искорка осталась жить в душе каждого из свидетелей этого чуда.

Скрипучий голос старца разорвал путы очарования.

— Вы видели, — сухо произнес он. — И будете помнить.

Мужчины в черном покорно склонили головы. Тот, что держал меч, вновь завернул его в ткань и отошел на свое место. Должно быть, это тот самый Винцан, наследник майстера, догадалась Палома. Тот самый, что готовил коршенский мятеж... И сразу вернулись воспоминания, и тяжкий гнет лег на сердце. Словно почувствовав это, стариk обратился к ней:

— Ты совершила чудо, дитя мое. Я и не чаял узреть Меч целым при жизни... От своего имени и от лица всех наших братьев — благодарю тебя.

Однако Палома не собиралась присваивать себе чужих заслуг.

— Теренций вез его Ордену. Если бы не Гертран, он давно уже вручил Реликвию вам...

— Теренций? Сын Мартигора? — Старейшина вздохнул. — Это печальная история, дитя мое. Его отец был предателем. Хранитель Реликвии, он похитил ее, чтобы избежать наказания за убийство — но это не принесло ему счастья. Опасаясь мести Ордена, он укрылся от нас в неприступном замке в горах Коринфии в надежде, что мы не сумеем там добраться до него. Это было непросто. Силой нам, и правда, было его не взять, хотя подобные планы также существовали, и пять лет назад твой друг Амальрик немало сделал для этого... Но он потерпел неудачу, и я избрал иной путь. Марцеллий, мой друг и сподвижник, проник в замок под видом жреца и стал наставником юноши. С годами ему удалось наставить отрока на путь истинный и внушить тому, что Реликвия должна быть возвращена Ордену. К несчастью, лихорадка скосила его до времени, и Теренций отправился в путь в одиночку. Его некому было защитить от предательства...

Палома опустила голову.

— Мы были с ним, но... Он никому не сказал ни слова. Я не сумела спасти его!

— Никто тебя не винит, дитя. — Голос Естасиуса был мягок. — Мы сами казним себя,

что не разглядели змею в своих рядах... Гертран был с самого начала в курсе поисков — и теперь я понимаю, что он ждал лишь удобного момента, чтобы похитить Глаз Кречета.

— Он и вправду хотел стать королем с его помощью?

Старейшина кивнул.

— Возможно. У него были права на престол — а камень даровал бы ему милость богов на Испытании. Эта ведьма, его жена, должно быть, собиралась погубить Нимеда и наследника...

И Рэлею, которая носит во чреве второго младенца! О, Боги... Как женщина может дойти до такого?!

— Кстати, могу ли я узнать, что стало с этими предателями? Ты...

— Нет. Они живы. Мой друг охраняет их в охотничьем домике, по северной дороге. Потом я объясню кому-нибудь, как их найти. Но что вы сделаете с ними?

Она ожидала кровожадного описания мучений и казни — но старец лишь засмеялся в ответ, словно прочитав ее мысли.

— Мы гораздо более жестоки, чем ты могла бы подумать. Никто их и пальцем не тронет — просто Гертрану более не быть казначеем Ордена, а значит, он потеряет доступ к неограниченным богатствам, которыми прежде распоряжался с такой легкостью. Его собственная супруга станет для него пыткой куда худшей, чем любая мука, что мы могли бы измыслить!

Представив себе будущую жизнь советника, Палома хмыкнула и даже невольно пожалела беднягу. Честолюбие сгубило его — а ведь он был неплохим человеком! Неглупым, но... слишком простым, как верно заметил однажды Естасиус.

— Но — довольно о наказаниях, поговорим о наградах, — заметал тем временем Старейшина. — Здесь, в присутствии всех высших лиц Ордена, я говорю тебе: проси, и мы исполним любое твое желание... и все равно останемся в долгу, ибо тот дар, что ты принесла нам, воистину неоценим. Не только для Ордена, но и для всей Немедии, ибо Орден — слуга Короны, и Меч наш всегда на защите державы!

Палома подняла голову. С уст ее уже готовы были сорваться давно заготовленные слова — но язык внезапно словно прилип к гортани. Она посмотрела на старца, сидящего в кресле, такого хрупкого, дряхлого, доживающего уже, как видно, свои последние дни в подлунном мире... возможно, лишь поиски священной Реликвии удерживали его среди смертных. Затем она перевела взор на Винцана, застывшего с мечом в руках, наследника Старейшины, вдохновителя коршенского заговора... и наконец остановилась на фигуре Амальрика, по-прежнему стоящего за спиной у Естасиуса. И звенящим от напряжения голосом объявила:

— Майстер, у меня есть одна просьба к Ордену, хотя то, что я сделала — было не ради награды. Но я прошу вас оказать мне такую честь.

— Говори, дитя. Чего ты хочешь?

— Чтобы Амальрику, барону Торскому, вернули владения, что должны принадлежать ему по праву. Орден в долг и перед ним. Это будет справедливо.

Изумленный вздох пронесся по рядам. Старец вскинул седые брови.

— Ты уверена? И ты ничего не хочешь — для себя?

Глаза Амальрика превратились в черные щели, лицо — в гипсовую маску. Палома кивнула.

— Это все, чего я прошу от вас.

— Тогда твое желание будет исполнено.

...Вот и все. У Паломы сохранились лишь смутные воспоминания о том, что было сказано и сделано дальше. Члены Ордена по одному покинули парадный зал. Ушел, тяжело горбясь и волоча ноги, словно смертельно усталый человек, и сам майстер Естасиус. Они с Амальриком остались одни.

Он молчал очень долго. А затем произнес ту фразу, которую она и ожидала от него услышать:

- Я не стану ни благодарить тебя, ни спрашивать, зачем ты сделала это.
- И не надо. И ты все равно не обязан отвечать на мой вопрос...
- Задай его.
- Что было в Коршене — пять лет назад?

По большому счету, она могла бы и не спрашивать. Когда Старейшина упомянул об этом, все части головоломки встали на свои места: реакция Амальрика в день их первой встречи, намеки Аргивальды, слова Естасиуса, рассказ Конана... Но она хотела услышать об этом от него самого!

И Амальрик заговорил, с трудом, как пловец, плывущий против течения.

— Там остался один человек... Он... моя незаживающая рана. Я готовил заговор против местного правителя и прочил его на роль ключевой фигуры... Ордену это было необходимо, чтобы получить свободу действий в горах и добраться наконец до замка, где Мартигор укрыл Глаз Кречета. Иного пути не было — крепость слишком хорошо охранялась... Этот человек — мой друг — когда я посвятил его в детали заговора... Он не просто отказался принять в этом участие, нет, он пригрозил, что выложит все графу коршенскому... И когда я доложил об этом Ордену — мне приказали убить его.

Палома медленно кивнула, пробормотав едва слышно:

— Я всегда знала, что лишь один человек на всем свете способен так ловко управляться с арбалетом...

Амальрика словно и не удивили ее слова. Напротив, на лице его отразилось облегчение, как будто он радовался возможности хоть с кем-то разделить эту ношу.

— Я не мог убить его. Это было сильнее меня. Но не мог и не подчиниться приказу — тем более, что тогда Орден попросту прислал бы другого убийцу!

— И ты подстерег его на охоте — и послал стрелу так, чтобы только ранить... и сделать его калекой. Твой лучший выстрел, да? Ты должен гордиться!

Барон Торский ничего не ответил. Глаза его затуманились — и если бы Палома не знала его так хорошо, она решила бы, что это слезы.

О, Грациан, что же такое есть в тебе — что ты внушаешь людям такую любовь... и такую ненависть! Знаешь ли ты, кто стал причиной твоегоувечья? Вынашиваешь ли втайне планы мести? Или прощение давно нашло дорогу в твое сердце?

И — что теперь делать ей?

— Я уезжаю в Коршен на рассвете, — промолвила Палома, не глядя на Амальрика. — Если хочешь, я...

— Ни к чему, — он покачал головой. — Ты заставила меня увидеть то, что я так долго скрывал от себя самого. Рано или поздно я должен вернуться туда!

Не надо, — хотелось ей выкрикнуть. Не смей! Не мучай его больше!

Но вместо этого она сказала лишь то, что, она точно знала, было истиной:

— Грациан будет рад вновь увидеть тебя.

Эпилог

Кони шли ровно, по залитой солнцем дороге, разворачивавшейся под копытами, точно желтая лента. Давно уже скрылись из вида башни Бельверуса, но Палома не обернулась взглянуть на них в последний раз. Ее спутник молчал уже очень долго — с того самого момента, как она закончила свой рассказ. Там было все — кроме того, что касалось Амальрика. И Грациана. Она не сомневалась, что киммериец знает: она что-то скрыла от него. Но была уверена, что он не станет допытываться, уважая ее тайны.

— Я все время подозревал, что без какого-то колдовства здесь не обошлось, — задумчиво молвил наконец Конан. — Столько совпадений — все эти люди, как в хороводе, сошлись в одном месте. Ты. Я. Теренций. Гертран. Этот твой Старейшина... Будто кто-то насильно свел всех воедино!

Забавно, что, похоже, Естасиус знал это с самого начала... На нее он точно обратил внимание еще в самый первый день, и потом осторожно подталкивал, указывал путь. Но и он был лишь слугой сверкающего рубина. Палома вспомнила чудесное видение, явившееся им, когда камень наконец обрел свое место в рукояти Меча...

— Глаз Кречета, и правда, обладает Силой. Я почувствовала это, когда увидела... — Она не знала, как объяснить, но северянин и без того все понял. — Реликвия должна стать целой — а мы оказались вроде марионеток, исполнявших ее волю. Но... я не ощущаю досады. Естасиус не позволит использовать Меч во зло! Он — мудрый человек. И он сделал лишь то, что полагал правильным, даже если и использовал нас помимо нашей воли.

— Так он все же колдун?

— Не знаю. Но он общается с богами... Ему многое открыто — даже то, что мы стараемся скрыть от самих себя. — Она вспомнила подслушанный разговор в особняке, когда Естасиус приоткрыл ей истинные цели Гертрана — и предоставил выбор, на чью сторону встать в этом споре. И тайна Амальрика — он знал и об этом тоже! — Возможно даже, он хотел помочь нам всем.

Конан пожал могучими плечами.

— Слишком мудрено для меня. И было бы куда лучше, если бы ты все же узнала имя предателя в Коршене! В конце концов, разве мы не за этим приезжали?!

Нет, не за этим. Грациан бы понял — но навряд ли кто-нибудь еще. Она и сама не понимала до конца.

— Это было слишком опасно. Орден не любит, когда его секреты узнают посторонние. Если бы мы с Естасиусом говорили наедине — все было бы возможно. Но там было еще тридцать шесть человек. И среди них — Винсан и прочие друзья Скавро, те, кто очень хотел бы рассчитаться за его гибель. Они попросту не выпустили бы меня из замка живой, если бы решили, что я представляю для них угрозу. — Она помолчала. — Можешь считать, я испугалась. Это и в самом деле так.

Северянин не ответил. Соглашался ли он с ее резонами? Упрекал ли в душе за трусость? Всух он сказал лишь только:

— Ладно, ерунда. Приедем в Коршен — там и разберемся. Этот подлец от нас не уйдет!

Чтобы уйти от этой тягостной темы, она заговорила о другом:

— Как все же получилось, что ты нашел меня там, в лесу? Я была уверена, что ты давно уехал!

Неожиданно киммериец расхохотался громовым басом. Смеялся он долго — а когда успокоился, объяснил... и тогда начала смеяться Палома. Смеяться, пока горошины-слезы не покатились по щекам...

— Я был очень зол на тебя, — сказал ей северянин. — Так зол, что готов был убить. И уже у самых городских ворот вдруг вспомнил, что говорил мне Грациан, когда отправлял с тобой в Немедию. «Эта женщина безумна, как кошка, — так он мне сказал. — Она будет отдавать тебе приказы, которые будут порой казаться нелепыми или странными... Если это случится, тогда поступай и точности, как она говорит. Но если однажды она велит тебе что-то такое, что приведет тебя в смертельную ярость — тогда сделай все наоборот!» Именно так я и поступил. Вернулся. И поехал за тобой следом...

Она смеялась. Потому что смеяться было легче всего.

Скажет ли она когда-нибудь правду Конану? Скажет ли Грациану? Палома не знала.

Всей правды не знала и она сама.